

DOI: 10.17853/1994-5639

Том 20, № 10. 2018

Декабрь

16+

ISSN 1994-5639 (Print), 2310-5828 (on-line)

Vol. 20, № 10. 2018

December

ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

The EDUCATION and SCIENCE journal

SCHOLARLY JOURNAL

Журнал основан в 1999 г.

Учредитель:

Российский государственный
профессионально-педагогический
университет

Журнал ориентирован на научное
обсуждение актуальных проблем
в сфере образования

Журнал входит в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям **13.00.00** – педагогические науки, **19.00.00** – психологические науки.

Журнал осуществляет научное рецензирование (двустороннее слепое) всех поступающих в редакцию материалов.

Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Рецензии хранятся в издательстве и редакции в течение 5 лет. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования, издания и авторства научных публикаций и рекомендаций Комитета по этике научных публикаций.

Журнал включен в Scopus, системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), ERIH PLUS, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, OCLC World Cat, Open Access Infrastructure for Research in Europe, Cross Ref, Oxford collection, РГБ, ВИНТИ РАН.

Журнал распространяется только по подписке. Подписной индекс **20462** в объединенном каталоге «Роспечать».

Journal was founded in 1999

Founder:

Russian State Vocational Pedagogical
University

The journal is focused on research
discussion of current issues in education

The journal is included into the list of periodicals publishing doctoral research outcomes and recommended by the Higher Attestation Commission in the following specialties for publication: **13.00.00** – pedagogical sciences, **19.00.00** – psychological sciences.

For complex expert evaluation all manuscripts undergo bilateral blind review.

All reviewers are acknowledged experts in areas they are responsible for. Reviews are stored in the publishing house and publishing office during 5 years. Editorial staff sends to the authors of the submitted materials copies of reviews or a substantiated refusal.

Journal is registered in Russian Science citation index (RSci) and submits information about the published articles to RSci.

The journal adheres to the standards of editorial ethics in accordance with international practice, editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and recommendations of the Committee on the ethics of scientific publications.

The journal is included in Scopus, ERIH PLUS, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, OCLC World Cat, Open Access Infrastructure for Research in Europe, Oxford collection, Cross Ref, RSL, VINITY RAS.

The journal is distributed only by subscription, index **20462** in the **Rospechat** consolidated catalogue.

Образование и наука

Научный журнал

Том 20, № 10. 2018

Подписка в редакции по тел./факс:
+7(343) 211-19-73

Гл. редактор – академик РАО

В. И. Загвязинский

Зам. гл. редактора (отв. секретарь редакции) – **Н. Н. Давыдова**

Выпускающий редактор – **В. А. Мамина**

Редактор-корректор – **О. А. Виноградова**

Переводчик – **А. С. Соловьева**

Верстка – **Н. А. Ушенина**

Адрес редакции:

620075, Россия, Екатеринбург,
ул. Луначарского, 85а

Тел.: **+7 (343) 211 19 73**

E-mail: **editor@edscience.ru**

http://www.edscience.ru

Подписано в печать 26.12.2018

Формат 70×108/16

Усл. печ. листов 10,8

Тираж: 300 экз.

Отпечатано в издательстве «РАРИТЕТ»

При цитировании ссылка на журнал
«Образование и наука» обязательна.
Материалы журнала доступны по лицен-
зии Creative Commons «Attribution»
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная
(CC BY 4.0)

© РГППУ

The Education and Science Journal

Scholarly journal

Vol. 20, № 10. 2018

Subscription in editorial office tel/fax:
+7(343) 211-19-73

Editor-in-Chief – Academician of the Rus-
sian Academy of Education

Vladimir I. Zagvyazinsky

Deputy Chief Editor (Executive Editor) –

Natalia N. Davydova

Managing Editor – **Vera A. Mamina**

Editor-Corrector – **Olga A. Vinogradova**

Translator – **Anna S. Solovyeva**

DTP – **Natalia A. Ushenina**

Editorial Office:

85a, Lunacharskogo str., Ekaterinburg,
620075, Russia

Тел.: **+7 (343) 211 19 73**

E-mail: **editor@edscience.ru**

http://www.edscience.ru

Signed for press on 26.12.2018

Format – 70×108/16

Circulation: 300 copies

Printed by Publishing House RARITET

When citing, references to The Education
and Science Journal are mandatory.
All the materials of the “The Education
and Science Journal” are available under
Creative Commons «Attribution» 4.0 license
(CC BY 4.0)

© RSVPU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Владимир Ильич ЗАГВЯЗИНСКИЙ – главный редактор, академик РАО, д-р пед. наук, проф., ТюмГУ (Тюмень, Россия), e-mail: education@utmn.ru;

Айтжан Мухамеджанович АБДЫРОВ – академик Академии педагогических наук Республики Казахстан, д-р пед. наук, проф., АО «Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина» (Астана, Казахстан), e-mail: abdyrov@rambler.ru;

Панайотис АНГЕЛИДЕС – д-р наук, проф., Университет Никозии (Никозия, Кипр), e-mail: angelides.p@unic.ac.cy;

Наталья Леонидовна АНТОНОВА – д-р социол. наук, доцент, УрФУ (Екатеринбург, Россия), e-mail: n.l.antonova@urfu.ru;

Александр Григорьевич АСМОЛОВ – академик РАО, д-р психол. наук, проф. (Москва, Россия), e-mail: asmolov.a@firo.ru;

Узокбой Шоимкулович БЕГИМКУЛОВ – д-р пед. наук, проф., ТашГПУ им. Низами (Ташкент, Узбекистан), e-mail: uzokboy@mail.ru;

Владислав Львович БЕНИН – д-р пед. наук, проф., БГПУ им. М. Акмулы (Уфа, Россия), e-mail: sajan80@mail.ru;

Андрей Александрович ВЕРБИЦКИЙ – академик РАО, д-р пед. наук, проф., МПГУ (Москва, Россия), e-mail: asson1@rambler.ru;

Энтони ВИКЕРС – д-р физических наук, проф., Университет Эссекса (Колчестер, Великобритания), e-mail: vicka@essex.ac.uk;

Бронислав Александрович ВЯТКИН – чл.-кор. РАО, д-р психол. наук, проф., ПГГПУ (Пермь, Россия), e-mail: bronslav.vyatkin@gmail.com;

Виталий Леонидович ГАПОНЦЕВ – д-р физ.-мат. наук, проф., РГППУ (Екатеринбург, Россия), e-mail: vlgar@mail.ru;

Соня ГУМАРЕС – д-р социол. наук, проф., Федеральный университет Рио Гранде де Сол (Рио Гранде де сол, Бразилия), e-mail: sonia.guimaraes121@gmail.com;

Мариэ ДЕНН – д-р наук, проф., Университет Мишель де Монтень, (г. Бордо, Франция), e-mail: maryse.dennes@u-bordeaux3.fr;

Саймон МакГраф – д-р наук, профессор, Ноттингемский университет (Ноттингем, Великобритания), e-mail: simon.mcgrath@nottingham.ac.uk;

Евгений Михайлович ДОРОЖКИН – д-р пед. наук, проф., ректор РГППУ (Екатеринбург, Россия), e-mail: evgeniy.dorjkin@rsu.ru;

Лариса Витальевна ЗАЙЦЕВА – д-р пед. наук, проф., РТУ (Рига, Латвия), e-mail: Larisa.Zaiceva@rtu.lv;

Альфия Фагаловна ЗАКИРОВА – д-р пед. наук, проф., ТюмГУ (Тюмень, Россия), e-mail: a.fagalovna@mail.ru;

Ирина Гелиевна ЗАХАРОВА – д-р пед. наук, проф., ТюмГУ (Тюмень, Россия), e-mail: izaharova@ef.ru;

Эвальд Фридрихович ЗЕЕР – чл.-кор. РАО, д-р психол. наук, проф., РГППУ (Екатеринбург, Россия), e-mail: Kafedrapp@rambler.ru;

Сергей Анатольевич ИВАЩЕНКО – д-р техн. наук, проф., БелНТУ (Минск, Белоруссия), e-mail: sivashenko@gmail.com;

Робин П. КЛАРК – д-р наук, проф., Университет Астон (Бирмингем, Великобритания), e-mail: r.p.clark@aston.ac.uk;

Виталий Анатольевич Копнов – д-р техн. наук, проф., РГППУ (Екатеринбург, Россия), e-mail: kopnov@list.ru;

Кэрл Коустли – д-р наук, проф., Университет Мидсекс (Лондон, Мидсекс, Великобритания), e-mail: c.costley@mdx.ac.uk;

Дуру Арун КУМАР – д-р социол. наук, проф., Университет Дели (Нью-Дели, Индия), e-mail: darun@nsit.ac.in;

Александр Наумович ЛЕЙБОВИЧ – чл.-кор. РАО, д-р пед. наук, проф., ФГУ ФИРО (Москва, Россия), e-mail: Lan2@firo.ru;

Евгения Сергеевна НАБОЙЧЕНКО – д-р психол. наук, проф., УрГПУ (Екатеринбург, Россия), e-mail: dhona@mail.ru;

Николай Николаевич НЕЧАЕВ – академик РАО, д-р психол. наук, МГУ (Москва, Россия), e-mail: nnnechaev@gmail.com;

Ольга Николаевна ОЛЕЙНИКОВА – д-р пед. наук, проф., РОО ЦИППО (Москва, Россия), e-mail: observatory@cvets.ru;

Василий Петрович ПАНАСЮК – д-р пед. наук, проф., ИПОВ РАО (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: panasyukvpqt@mail.ru;

Мария Владимировна ПЕВНАЯ – д-р социол. наук, доцент, УрФУ (Екатеринбург, Россия), e-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru;

Елена Леонидовна СОЛДАТОВА – д-р психол. наук, проф., ЮУрГУ (Челябинск, Россия), e-mail: elena.l.soldatova@gmail.com;

Анна Ивановна СОРОКИНА – д-р психол. наук, проф., БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Россия), e-mail: anvlad16@yahoo.com;

Эльвира Эвальдовна СЫМАНЮК – д-р психол. наук, проф., УрФУ (Екатеринбург, Россия), e-mail: ary.fmpk@rambler.ru;

Наталия Владимировна ТРЕТЬЯКОВА – д-р пед. наук, проф., РГППУ (Екатеринбург, Россия), e-mail: tretjakovnat@mail.ru;

Владимир Анатольевич ФЕДОРОВ – д-р пед. наук, проф., научный редактор, РГППУ (Екатеринбург, Россия), e-mail: fedorov1950@gmail.com;

Евгений Карлович ХЕННЕР – чл.-кор. РАО, д-р пед. наук, проф., ПГНИУ (Пермь, Россия), e-mail: ehenner@psu.ru;

Мурат Аширович ЧОШАНОВ – д-р пед. наук, проф., Техасский университет в Эль Пасо (Техас, США), e-mail: mouratt@utep.edu;

Дилара Джуманиязовна ШАРИПОВА – д-р пед. наук, проф., ТашГПУ им. Низами (Ташкент, Узбекистан), e-mail: sharipovadd@gmail.com;

Светлана Алексеевна ШАРОНОВА – д-р социол. наук, профессор, РУДН (Москва, Россия), e-mail: s_sharonova@mail.ru;

Юрий Александрович ШИХОВ – д-р пед. наук, проф., ИжГТУ (Ижевск, Россия), e-mail: profped@mail.ru

EDITORIAL BOARD

Vladimir I. ZAGVYAZINSKY – Editor-in-Chief, Academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Pedagogy), professor, TyumSU (Tyumen, Russia), e-mail: education@utmn.ru;

Aitzhan M. ABDYROV – Academician of the Academy of Pedagogical Sciences of Kazakhstan, Dr. Sci. (Pedagogy), professor, JSC «S. Seifullin Kazakh Agrotechnical university», Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: abdyrov@rambler.ru;

Panayiotis ANGELIDES – PhD, professor, Dean, School of Education, University of Nicosia (UNIC), Cyprus, e-mail: angelides.p@unic.ac.cy;

Natalia L. ANTONOVA – Dr. Sci. (Sociology), associate professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia), e-mail: n.l.antonova@urfu.ru;

Alexandr G. ASMOLOV – Academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), professor (Moscow, Russia), e-mail: asmolov.a@firo.ru;

Uzokboy S. BEGIMKULOV – Dr. Sci. (Pedagogy), professor, TashSPU (Tashkent, Uzbekistan), e-mail: uzokboy@mail.ru;

Vladislav L. BENIN – Dr. Sci. (Cultural Studies), professor, BashSPU (Ufa, Russia), e-mail: sajan80@mail.ru; benin@lenta.ru;

Carol COSTLEY – PhD, Professor, Director, Institute for Work Based Learning, Middlesex University (London, UK), e-mail: c.costley@mdx.ac.uk;

Robin Paul CLARK – Dr. Sci. (Mechanical Engineering), professor, Aston University (Birmingham, UK), e-mail: r.p.clark@aston.ac.uk;

Murat A. CHOSHANOV – Dr. Sci. (Pedagogy), professor, University of Texas (El Paso, USA), e-mail: mouratt@utep.edu;

Marize DENN – Dr. Sci., professor, Michel de Montaigne University, Bordeaux (France), e-mail: maryse.dennes@u-bordeaux3.fr;

Yevgenij M. DOROZHNIKIN – Dr. Sci. (Pedagogy), professor, rector, RSVPU (Yekaterinburg, Russia), e-mail: evgeniy.dorajkin@rsvpu.ru;

Vladimir A. FEDOROV – Deputy Editor-in-Chief, Dr. Sci. (Pedagogy), professor, RSVPU (Yekaterinburg, Russia), e-mail: vladimir.fedorov1950@rsvpu.ru;

Vitalij L. GAPONCEV – Dr. Sci. (Phys.-Math.), professor, RSVPU (Yekaterinburg, Russia), e-mail: vlgap@mail.ru;

Sonia M. K. GUIMARAES – Dr. Sci. (Sociology), professor, Federal University of Rio Grande do Sul (Rio Grande do Sul, Brazil), e-mail: sonia.guimaraes121@gmail.com;

Simon A. MCGRATH – PhD, professor, Associate Head of School, School of Education, University of Nottingham (Nottingham, England), e-mail: simon.mcgrath@nottingham.ac.uk;

Yevgenij K. HENNER – Corresponding member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Pedagogy), professor, PSNRU (Perm, Russia), e-mail: ehenner@psu.ru;

Sergej A. IVASHCHENKO – Dr. Sci. (Engineering), professor, STU (Minsk, Belarus), e-mail: sivashenko@gmail.com;

Vitaly A. KOPNOV – Dr. Sci. (Engineering), professor, RSVPU (Ekaterinburg, Russia), e-mail: kopnov@list.ru;

Duru Arun KUMAR – Dr. Sci. (Sociology), professor, Netaji Subhas Institute of Technology, Delhi University (New Delhi, India), e-mail: *darun@nsit.ac.in*;

Alexandr N. LEJBOVICH – Corresponding member of the Russian Academy of education, Dr. Sci. (Pedagogy), professor (Moscow, Russia), e-mail: *Lan2@firo.ru*;

Eugenia S. NABOYCHENKO – Dr. Sci. (Psychology), professor, USMU (Ekaterinburg, Russia), e-mail: *dhona@mail.ru*;

Nicholas N. NECHAEV – Academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), professor, MSU (Moscow, Russia), e-mail: *nnnechaev@gmail.com*;

Olga N. OLEYNIKOVA – Dr. Sci. (Pedagogy), professor, RPCEPS (Moscow, Russia), e-mail: *observatory@cvets.ru*;

Vasilij P. PANASYUK – Dr. Sci. (Pedagogy), professor, IPOA of the Russian Academy of Education (St. Petersburg, Russia), e-mail: *panasykvpqm@mail.ru*;

Maria V. Pevnaya – Dr. Sci. (Sociology), associate professor, UrFU (Ekaterinburg, Russia), e-mail: *m.v.pevnaya@urfu.ru*;

Dilara D. SHARIPOVA – Dr. Sci. (Pedagogy), professor, TashSPU (Tashkent, Uzbekistan), e-mail: *sharipovadd@gmail.com*;

Svetlana A. SHARONOVA – Dr. Sci. (Sociology), professor, RUDN University (Moscow, Russia), e-mail: *s_sharonova@mail.ru*;

Yurij A. SHIKHOV – Dr. Sci. (Pedagogy), professor, IzhSTU (Izhevsk, Russia), e-mail: *profped@mail.ru*;

Elena L. SOLDATOVA – Dr. Sci. (Psychology), professor, ChSU (Chelyabinsk, Russia), e-mail: *elena.l.soldatova@gmail.com*;

Anna I. SOROKINA – Dr. Sci. (Psychology), professor, BashSPU (Ufa, Russia), e-mail: *anvlad16@yahoo.com*;

Elvira E. SYMANYUK – Dr. Sci. (Psychology), professor, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia), e-mail: *apy.fmpk@rambler.ru*;

Nataliya V. TRETYAKOVA – Dr. Sci. (Pedagogy), professor, RSVPU (Ekaterinburg, Russia), e-mail: *tretjakovnat@mail.ru*;

Andrej A. VERBITSKY – Academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Pedagogy), professor, MSPU (Moscow, Russia), e-mail: *asson1@rambler.ru*;

Anthony J. VICKERS – PhD (Physics), professor, University of Essex (Colchester, Essex, UK), e-mail: *vicka@essex.ac.uk*;

Bronislav A. VYATKIN – Dr. Sci. (Psychology), professor, PSGPU (Perm, Russia), e-mail: *bronislav.vyatkin@gmail.com*;

Irina G. ZAHAROVA – Dr. Sci. (Pedagogy), professor, TyumSU (Tyumen, Russia), e-mail: *izaharova@ef.ru*;

Alfia F. ZAKIROVA – Dr. Sci. (Pedagogy), professor, TyumSU (Tyumen, Russia), e-mail: *a.fagalovna@mail.ru*;

Larisa V. ZAYTSEVA – Dr. Sci. (Engineering), professor, RSTU (Riga, Latvia), e-mail: *Larisa.Zaiceva@rtu.lv*;

Evald F. ZEER – Corresponding member of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), professor, RSVPU (Ekaterinburg, Russia), e-mail: *Kafedrapp@mail.ru*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ	9
Строкова Т. А. Подготовка аспирантов к исследовательской деятельности: из опыта работы научно-педагогической школы	9
УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ.....	31
Blinov V. I., Kurteeva L. N., Sazonov B. A. Lists of vocational education programmes: Status and possible ways of modernisation	31
ОБРАЗОВАНИЕ И ЭКОНОМИКА	50
Пешкова Г. Ю., Самарина А. Ю. Цифровая экономика и кадровый потенциал: стратегическая взаимосвязь и перспективы.....	50
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	76
Гурова О. В. Вандализм и поведение подростков как правовая и психологическая проблема.....	76
Кружкова О. В., Воробьева И. В., Порозов Р. Ю., Зарбова Б. Функции вандализма в молодежном поведении: от личности к обществу.....	95
Ульянина О. А. Психологические аспекты создания практико-ориентированной среды в образовательных организациях МВД России	121
СОЦИАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА.....	139
Попова Н. В., Попова Е. В. Благотворительность как фактор формирования нравственных норм молодежи	139
ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	156
Джуринский А. Н. Образование в «третьем возрасте» в России.....	156
СОДЕРЖАНИЕ 2018	176

CONTENTS

METHODOLOGY PROBLEMS	9
Strokovaya T. A. Building Research Competence of PhD Students: An Analysis of Experience of a PhD School	9
MANAGEMENT OF EDUCATION.....	31
Blinov V. I., Kurteeva L. N., Sazonov B. A. Lists of Professional Educational Programmes: Status and Possible Ways of Modernisation	31
EDUCATION AND ECONOMICS	50
Peshkova G. Yu., Samarina A. Yu. Digital Economy and Recruitment Potential: Strategical Interconnection and Prospects	50
PSYCHOLOGICAL RESEARCH	76
Gurova O. V. Vandal Behaviour of Adolescents as a Legal and Psychological Problem.....	76
Kruzhkova O. V., Vorobyeva I. V., Porozov R. Yu., Zarbova B. Functions of Vandalism in Youth Behaviour: From Personality to Society	95
Ulyanina O. A. Psychological Aspects of Formation of a Practice-Oriented Environment in Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia	121
SOCIAL PEDAGOGY.....	139
Popova N. V., Popova E. V. Volunteering as a Factor in the Formation of Moral Standards among Young People	139
ADDITIONAL EDUCATION	156
Dzhurinskiy A. N. Education for People of the “Third Age” in Russia	156
CONTENTS 2018	183

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

УДК 378.14

DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-9-30

ПОДГОТОВКА АСПИРАНТОВ К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАУЧНО- ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Т. А. Строкова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия.

E-mail: strokovata@mail.ru

Аннотация. Введение. Аспирантура российской высшей школы традиционно считается ее стратегическим резервом, обеспечивающим преемственность научно-педагогических кадров и эффективность подготовки обучающихся в вузах будущих специалистов. Однако общая численность этого ключевого ресурса системы высшего образования, гарантирующего ее стабильное функционирование и дальнейшее поступательное развитие, в последние годы резко сократилась, снизился прием в аспирантуру, особенно педагогических направлений, а самое главное – заметно упало качество подготовки ее выпускников.

Цель обсуждения поднимаемых в статье вопросов – выявить подлинный уровень научно-исследовательской компетентности аспирантов педагогической специализации и представить продуктивные способы формирования у них навыков и умений осуществления результативной научной деятельности.

Методология и методы. Работа базировалась на идеях системно-деятельностного и компетентностного подходов и ведущих положениях теории деятельности. Произведен анализ публикаций о проблемах начинающих ученых и о концепции «новой» аспирантуры в отечественном образовании. Для выполнения части поставленных задач использовались анкетирование и интернет-опрос аспирантов, их научных руководителей и членов диссертационных советов; обобщение продуктов исследовательской деятельности аспирантов и положительного педагогического опыта, накопленного в течение многих лет в научной школе Тюменского государственного университета (ТюмГУ).

Результаты и научная новизна. С опорой на классические трактовки сущности и содержания человеческой деятельности сформулировано определение ее разновидностей – научно-исследовательской деятельности. Оно может служить исходной точкой для оформления до сих пор отсутствующего официального перечня исследовательских компетенций, которыми должны владеть аспиранты (пока подобный реестр составлен и научно обоснован только для бакалавриата). Зафиксирована недостаточная готовность многих аспирантов

к организации и проведению самостоятельного научно-педагогического поиска. Наиболее слабыми звеньями профессиональной неготовности являются неумение применять важнейшие элементы методологического аппарата и слабые навыки создания научных текстов.

Описан неоднократно проверенный на практике в ТюмГУ инструментальный комплекс методов, форм и средств повышения исследовательской компетентности не только аспирантов, но и докторантов, соискателей на ученые степени и их научных руководителей. В данный арсенал входят регулярные, открытые для всех желающих методологические семинары, коллективный анализ планирующихся к публикации статей, посещение и коллегиальное обсуждение открытых занятий преподавателей и аспирантов, деловые игры, имитирующие ситуации предзащиты и защиты диссертаций, и др.

Практическая значимость. Осведомленность о «проблемных зонах» подготовленности аспирантов к самостоятельному исследовательскому поиску поможет организовать адресное (индивидуальное), рациональное и действенное руководство диссертационными изысканиями. Творческий подход и системная научно-педагогическая работа позволят добиться значительного улучшения качества подготовки аспирантов к самореализации в научной и преподавательской деятельности.

Ключевые слова: аспиранты; подготовленность к исследовательской деятельности; исследовательские действия; оценка; самооценка; научный руководитель; научно-педагогическая школа.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-013-00268А «Формирование исследовательских компетенций обучающихся в системе многоуровневого университетского психолого-педагогического образования и повышения квалификации педагогических кадров».

Для цитирования: Строкова Т. А. Подготовка аспирантов к исследовательской деятельности: из опыта работы научно-педагогической школы // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 10. С. 9–30. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-9-30

BUILDING RESEARCH COMPETENCE OF PHD STUDENTS: AN ANALYSIS OF EXPERIENCE OF A PHD SCHOOL

T. A. Strokovaya

Tyumen State University, Tyumen, Russia.

E-mail: strokovata@mail.ru

Abstract. *Introduction.* Postgraduate education of the Russian higher school is traditionally considered as a strategic reserve, which provides the continuity

of academic and teaching personnel and the efficiency of education of future experts. However, the total number of this key resource of the higher education system, which guarantees its stable functioning and further forward development, has been reduced in recent years. Postgraduate admission has decreased, in particular, pedagogical training programmes. What is most important, the PhD student quality has substantially dropped.

The *aim* of the present publication was to identify the level of research skills of PhD students of pedagogical specialisation and present the most productive ways for the formation of skills to carry out research activities.

Methodology and research methods. The study was based on the ideas of systemic-activity approach, competency-based approach and major provisions of the theory of action. Scientific publications on research projects of PhD students and the concept of “new” post graduate school in the Russian education were analysed. Online survey and questionnaire survey of PhD students, their supervisors and members of dissertation boards were conducted. The assessment of results of research conducted by PhD students, synthesis and description of productive teaching practices and positive pedagogical experience gained at Tyumen State University (TSU) were applied.

Results and scientific novelty. Based on the classical interpretation of nature and contents of human activity, a definition of research activity is formulated. It constitutes as the grounds for development of the contents and procedure for the list of research tasks for PhD students to master in order to successfully complete their PhD studies (as yet, the similar register has been compiled and scientifically based only for a bachelor degree). Insufficient competence of many PhD students to organise and conduct an independent scientific and pedagogical search is proved. Unstable components of their research competence are revealed: inability to use the most important elements of the methodology corpus and problems in writing scientific texts.

Practically verified methods and means to develop the research competence of PhD students, doctoral candidates, applicants on academic degrees and their research supervisors are described: methodological seminars of the education department, a group analysis of scientific texts for publication, group visits and discussion of open lectures and seminars for teachers of the education department and PhD students, role mini-plays, public preliminary dissertation defense, participation in the events held by the department, etc.

Practical significance. Knowledge of the gaps in research competence of PhD students will allow their supervisors to selectively improve the students’ skills, which are necessary for writing and defending the dissertation. Creative application and systematically scientific-pedagogical work will help achieve a significant improvement in building PhD student competence for scientific and teaching activities.

Keywords: PhD students, research competence, research activities, assessment, self-assessment, research supervisor, scientific-pedagogical school.

Acknowledgments. The work was sponsored by the grant of the Russian Foundation for Basic Research № 18-013-00268A “Building Research Competence of Students in the System of Multi-Level University Studies in Psychology and Education and Professional Development of Teaching Staff”.

For citation: Strokovа T. A. Building research competence of PhD students: An analysis of experience of a PhD school. *The Education and Science Journal*. 2018; 10 (20): 9–30. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-9-30

Введение

Аспирантуру по праву называли кузницей научно-педагогических кадров для высшей школы. Качество подготовки аспирантов служило залогом неиссякаемости интеллектуального потенциала страны и преемственности научных поколений, гарантом высокой квалификации выпускаемых вузами специалистов. Поэтому завершающий этап реформирования российской аспирантуры не был обойден вниманием научно-педагогического сообщества.

Собрав и проанализировав обширный статистический материал о современном состоянии аспирантуры и перспективах ее дальнейшего развития на ближайшие годы, социологи пришли к неутешительным выводам. Так, по мнению Г. В. Осипова и В. И. Савинкова, предпринявших попытку построить прогноз развития событий в системе поствузовского образования, к 2021 году:

- существенно снизится «численность приема в организации, ведущие подготовку аспирантов» и, соответственно, сократится выпуск из аспирантуры [1, с. 79];
- убавится и «число учреждений (организаций), ведущих подготовку аспирантов», и «численность профессорско-преподавательского состава, руководящего подготовкой аспирантов» [1, с. 80];
- «предстоит значительное уменьшение численности желающих обучаться в аспирантуре» [1, с. 99].

Исследователи с тревогой констатируют «старение кадров науки» и высказывают опасение по поводу «утраты преемственности поколений в науке» [2, с. 7] из-за «слабого притока в нее молодых специалистов» [1, с. 12].

Составленный учеными прогноз уже начал сбываться, чему в немалой степени способствовала модернизация российской высшей школы с целью приведения отечественных профессиональных образовательных и научных стандартов в соответствие с международными в рамках Болонской конвенции.

Прошло почти пять лет с момента изменения статуса аспирантуры и аспирантов, введения нового учебного плана и основной образовательной программы, состоялся первый выпуск аспирантов, обучающихся по 3-летней программе, но поток публикаций, посвященных проблемам структурно-содержательной перестройки системы высшей школы вообще и аспирантской подготовки научно-педагогических кадров в частности, не прекращается.

Обзор литературы

Предметом серьезной озабоченности авторов, обсуждающих обозначенные выше проблемы, являются целевая ориентация модели «новой» аспирантуры и ее главные функции [2–8], проектирование и разработка основной образовательной программы подготовки аспирантов [4, 6, 8, 9], соотношение ее образовательной и исследовательской составляющих [3, 6, 9, 10], нормативное, содержательное и методическое обеспечение аспирантской программы [4, 8, 11], содержание педагогической и исследовательской практик [6, 9, 12], критерии оценки и процедура итоговой аттестации [2, 3, 7, 12].

Исследователи рассматривают разные модели педагогических аспирантур в мировой практике [5, 8, 10] и перспективы российской педагогической аспирантуры в контексте ее интернационализации и диверсификации программ [3, 10]. Предлагается дифференцировать аспирантуры на исследовательские и профессиональные [6–10], обеспечить концептуальную и содержательную согласованность программ всех уровней высшего образования [3, 6, 9], более тесно интегрировать программы магистратуры и аспирантуры общих направлений подготовки [3, 5, 9].

В рамках дискуссии о новой аспирантуре, пожалуй, самым острым стал вопрос о ее назначении. Четко обозначились три подхода к его решению – «диссертационный», «образовательный» и «квалификационный».

Ряд ученых, поддерживающих так называемый «образовательный» подход, выступают за выведение защиты диссертации из аспирантской программы и увеличение объема ее образовательной части с целью расширения кругозора будущих преподавателей высшей школы. Апеллируя к низкой эффективности аспирантуры, они настаивают на том, что процесс обучения аспирантов должен быть сфокусирован на подготовке преподавателя университета, ибо «в современных условиях иной прямой функции у аспирантуры нет» [1, с. 62].

Сторонники «диссертационного» подхода, которые составляют большинство авторов, напротив, считают усиление исследовательской компо-

ненты важнейшей частью обучения аспирантов и резко осуждают отказ от обязательной защиты диссертации, справедливо полагая, что обучение по аспирантским программам без должного исследовательского наполнения их содержания и нацеленности на написание и защиту диссертационной работы уподобит аспирантуру магистратуре, снизит мотивацию к исследовательской деятельности и негативно скажется на качестве подготовки специалистов [3, 4]. Действительно, трудно представить успешно руководящего учебно-исследовательской и научно-исследовательской работой преподавателя, который сам не сумел защитить кандидатскую диссертацию!

Некоторые сторонники этого подхода, кроме прочего, предлагают за счет реструктурирования учебных планов и содержания программ магистратуры и аспирантуры профильных направлений увеличить до 5–6 лет время, отпущенное на подготовку и защиту диссертации [5, 6, 9]. По статистическим данным, сейчас «защищается в срок лишь один из шести аспирантов» [13, с. 161].

Часть ученых отстаивает преимущество «квалификационного» подхода («диссертация vs квалификация»), совмещающего две указанные противоположные позиции. Аспирантура в этом случае будет призвана готовить высококвалифицированных специалистов, обучение которых должно складываться из научной работы, связанной с подготовкой диссертации, и освоения сравнительно небольшого объема образовательной части программы [2, 3].

В некоторых публикациях затрагиваются вопросы исследовательской состоятельности аспирантов. В частности, в них отмечаются «дефицит научной культуры исследователей», «проявляющийся в искусственном конструировании противоречий, произвольном описании объекта и предмета исследования», представлении «спекулятивных гипотез» [14, с. 53], и исследовательская несамостоятельность, беспомощность, иждивенчество и инертность аспирантов ([15] и др.), которые нередко «не умеют сочинить научный текст, ясно изложить свои мысли, сформулировать проблему, гипотезу, обосновать актуальность, новизну» [16, с. 115], что отрицательно отражается на качестве их научной деятельности.

Все вышеизложенное побудило нас к специальному изучению уровня подготовленности аспирантов к научно-исследовательской работе (НИР) с намерением обнаружить наиболее слабые звенья их подготовки и попытаться найти способы повышения их исследовательской компетентности.

Материалы и методы

В теоретических научно-педагогических источниках отсутствует концептуальное единство в определении исследовательской деятельности, но единодушно признается ее главное назначение – производство нового знания в процессе выполнения специфических действий.

Безусловно поддерживая данное утверждение, мы определяем исследовательскую деятельность как научный поиск нового знания посредством осуществления совокупности отражающих ее предметное содержание исследовательских процедур:

- обнаружения нуждающейся в изучении и объяснении проблемы;
- выдвижения гипотезы по ее решению;
- экспериментальной проверки гипотезы;
- осмысления, оценки и интерпретации полученной в эксперименте информации;
- формулирования и обоснования аналитико-прогностических заключений.

В этом определении учтены и специфика исследовательской деятельности, и механизмы ее практического осуществления.

Теоретическим основанием осмысления сущности и разработки содержания НИР стало понимание действия как исходной единицы деятельности, ее «простого начала», элементарной «клеточки», а исследовательской деятельности – как совокупности составляющих ее действий, ибо, по А. Н. Леонтьеву, «человеческая деятельность не существует иначе, как в форме действия или цепи действий» и «осуществляется некоторой совокупностью действий»¹.

В контексте компетентностного подхода, согласно формулировке И. А. Зимней, «исследовательские действия в настоящее время рассматриваются как отдельные компетенции» [17, с. 7], которые конкретизируются в категориях «знает», «умеет», «владеет» («способен»), принятых научно-педагогическим сообществом.

В настоящее время составлен и научно обоснован перечень исследовательских компетенций для бакалавриата [17, с. 30–33]. Однако для магистратуры и аспирантуры подобные списки пока отсутствуют. Тем не менее реестры профессиональных компетенций, включающие исследовательские компетенции, самостоятельно комплектуют образовательные ор-

¹ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. Москва: Политиздат, 1975. С. 104–105.

ганизации, поэтому их содержательное наполнение и объем зависят не столько от направления подготовки, сколько от знания составителями их номенклатуры и понимания значимости для проведения научно-исследовательского поиска.

При поддержке гранта Российского национального фонда нами была разработана совокупность важнейших исследовательских компетенций для магистратуры и аспирантуры [18, с. 37–38]. Их отбор осуществлялся с опорой на принципы преемственности и последовательности – постепенного дополнения их состава, расширения и углубления содержания по мере продвижения обучающихся от предшествующей ступени вузовского образования к последующей, оптимального темпа нарастания степени сложности исследовательских задач и увеличения доли самостоятельности в их решении.

Номенклатура исследовательских компетенций определялась на основе поэтапной процедуры, которая включала изучение и анализ официальных документов, образовательных программ и научных публикаций, содержащих требования к научно-исследовательской подготовке магистрантов и аспирантов, систематизацию отобранных исследовательских компетенций, их содержательное обобщение и структурирование, экспертное обсуждение списка данных действий с преподавателями, научными руководителями магистрантов и аспирантов, самими обучающимися и его итоговое редактирование.

Определение уровня сформированности у аспирантов исследовательских компетенций было проведено на основе результатов самооценки обучающихся и оценки по 5-балльной шкале. Анкетированием были охвачены 198 аспирантов из Тюмени, Екатеринбурга, Омска, Кургана, Шадринска, Нижнего Тагила, Тобольска, Ишима и некоторых других городов, участвовавших в работе 26-го и 27-го Урало-Сибирских региональных методологических семинаров, которые проводились академической кафедрой методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета (ТюмГУ).

Результаты исследования и их обсуждение

Средневзвешенный балл самооценки респондентов позволил констатировать средний уровень сформированности исследовательских компетенций у аспирантов 1–2-го курсов и уровень несколько выше среднего – у аспирантов 3-го года обучения (табл. 1).

Таблица 1

Самооценка аспирантами уровня сформированности у них
исследовательских компетенций, баллы

Table 1

Results of PhD students' self-assessment of their research competence,
points

Исследовательские компетенции	Курс аспирантуры			Средний балл
	1-й	2-й	3-й	
1. Владение знаниями основ методологии и теории социально-педагогических исследований	3,7	3,6	3,5	3,6
2. Наличие персонального кредо (концептуальной позиции) исследователя	3,7	4,1	4,2	4
3. Умение проводить проблемно-ориентированный анализ социально-педагогической ситуации	4	3,3	4,3	3,8
4. Умение выделять в проблемном поле ключевые научно-педагогические проблемы	3,5	3,6	4,2	3,7
5. Умение собирать, систематизировать и анализировать информацию, необходимую для решения проблемы	4,2	4	4,9	4,3
6. Умение разрабатывать и осуществлять план исследовательских действий в зависимости от решаемой проблемы	4	3,8	4,4	4
7. Умение находить разные варианты решения исследуемой проблемы и адекватно оценивать их преимущества и риски	3,7	3,6	4	3,7
8. Умение видеть последствия выбранных решений	4	4,1	4,2	4,1
9. Умение аргументировать свои исследовательские действия	4	4,3	3,9	4
10. Владение статистическими методами обработки результатов исследования	3,5	3,8	3,6	3,6
11. Владение культурой устной и письменной научной речи	4,2	4	4,2	4,1
Средневзвешенный балл	3,9	3,8	4,1	3,9

Аспиранты всех трех курсов, самооценка которых постоянно изменялась и заметно снижалась к последнему году обучения, отметили у себя недостаточный уровень владения знаниями основ методологии и теории социально-педагогических исследований и статистическими методами обработки их результатов (исключение в отношении владения указанными методами составили лишь аспиранты специальности 13.00.04 «Теория

и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры»). Первокурсники и второкурсники невысоко оценили свою способность выделять в проблемном поле ключевые научно-педагогические проблемы, находить разные варианты их решения и адекватно оценивать преимущества и риски последних. Кроме того, второкурсники, по собственному признанию, недостаточно владеют умением осуществлять проблемно-ориентированный анализ социально-педагогической ситуации.

Для проверки объективности самооценки аспирантами собственной подготовленности к исследовательской деятельности были организованы очные и интернет-опросы 67 докторов педагогических наук Тюмени, Сургута, Екатеринбурга, Омска, Томска, Саратова и Челябинска, в том числе 23 бывших и действующих членов диссертационных советов.

Абсолютное большинство опрошенных преподавателей почти или полностью не удовлетворены исследовательской подготовленностью своих аспирантов. На их взгляд, средневзвешенный балл по курсам и по ряду оцениваемых исследовательских компетенций даже не приближается к уровню выше среднего. На таком же уровне сформированы умения проводить проблемно-ориентированный анализ социально-педагогической ситуации, выделять в проблемном поле ключевые научно-педагогические проблемы, находить разные способы и формы их решения и адекватно оценивать соответствующие преимущества и риски, видеть последствия выбранных решений, аргументировать свои исследовательские действия и применять знания основ методологии и теории социально-педагогических исследований. Самую низкую оценку, данную докторами наук, получили наличие у аспирантов всех трех курсов персонального кредо (концептуальной позиции) и владение статистическими методами обработки результатов исследования (табл. 2).

Особенно отчетливо преподаватели выразили неудовлетворенность исследовательской подготовленностью первокурсников, хотя следует отметить, что оценка респондентами всех позиций в отношении второкурсников отличается несущественно.

Несколько более оптимистично преподавательское сообщество определило уровень исследовательской компетентности аспирантов 3-го курса, однако наличие у них персонального кредо, умения и навыки проводить проблемно-ориентированный анализ социально-педагогической ситуации, выделять в проблемном поле ключевые научно-педагогические проблемы и аргументировать свои исследовательские действия тоже были обозначены как довольно низкие.

Таблица 2

Оценка преподавателями уровня сформированности у аспирантов
исследовательских компетенций, баллы

Table 2

Results of teachers' assessment of research competence of PhD students

Исследовательские компетенции	Курс аспирантуры			Сред- ний балл
	1-й	2-й	3-й	
1. Владение знаниями основ методологии и теории социально-педагогических исследований	3	3,7	4,1	3,6
2. Наличие персонального кредо (концептуальной позиции) исследователя	2,7	3,3	3,7	3,2
3. Умение проводить проблемно-ориентированный анализ социально-педагогической ситуации	3,4	3,5	3,7	3,5
4. Умение выделять в проблемном поле ключевые научно-педагогические проблемы	3,4	3,5	3,8	3,5
5. Умение собирать, систематизировать и анализировать информацию, необходимую для решения проблемы	3,6	3,5	4,6	3,9
6. Умение разрабатывать и осуществлять план исследовательских действий в зависимости от решаемой проблемы	3,5	3,7	4,1	3,7
7. Умение находить разные варианты решения исследуемой проблемы и адекватно оценивать их преимущества и риски	3,1	3,7	4,0	3,6
8. Умение видеть последствия выбранных решений	3,1	3,7	4,0	3,6
9. Умение аргументировать свои исследовательские действия	3,5	3,7	3,8	3,6
10. Владение статистическими методами обработки результатов исследования	2,7	2,8	3,7	3,0
11. Владение культурой устной и письменной научной речи	3,6	3,8	4,1	3,8
Средневзвешенный балл	3,2	3,5	3,9	3,5

Таким образом, согласно данным опросов, самооценка аспирантами своих исследовательских компетенций незначительно превышает (за редкими исключениями) их оценку квалифицированными специалистами, что показывает общность мнения и преподавателей, и обучающихся о неудовлетворительной подготовленности начинающих исследователей к научно-педагогическому поиску.

Опрос бывших и действующих членов диссертационных советов выявил широкий спектр видов помощи, которые им приходится оказывать своим аспирантам (табл. 3).

Таблица 3

Содержание и интенсивность поддержки, которая оказывается аспирантам научными руководителями

Table 3

Types of support provided by research supervisors to their postgraduate students

Виды помощи	Число экспертов, оказывавших помощь аспирантам, чел.		
	Курс аспирантуры		
	1-й	2-й	3-й
Формулирование темы и проблемы исследования	23	4	3
Формулирование цели и задач исследования	23	6	2
Формулирование противоречий	19	7	6
Формулирование гипотезы	23	14	11
Формулирование новизны исследования	6	8	18
Формулирование теоретической значимости исследования	4	7	16
Формулирование положений, выносимых на защиту	2	6	17
Разработка программы эксперимента	18	9	0
Выбор критериев оценки	16	10	2
Выбор диагностических средств	14	9	0
Отбор теоретического материала	23	12	10
Выстраивание логики изложения	8	15	12
Аргументирование исследовательских действий	6	18	16
Осмысление результатов проведенного исследования	4	14	15
Формулирование выводов и заключения	3	15	18
Подготовка публикаций и устных сообщений	12	17	19

Первокурсникам наиболее часто предоставляется методологическая (формулирование темы и проблемы исследования, цели и задач, противоречий, гипотезы) и организационно-методическая поддержка (разработка программы эксперимента, выбор критериев оценки и диагностических средств). Помимо прочего, они ждут от научных руководителей содействия и в отборе теоретического материала.

Аспирантам 2-го курса требуется меньшее методологическое сопровождение по сравнению с первокурсниками (хотя его объем остается все-

таки значительным), но у них существенно возрастает потребность в консультировании по поводу возникающих логико-смысловых проблем.

На заключительном этапе обучения, когда третьекурсники систематизируют, анализируют и оформляют результаты своих изысканий, у них вновь увеличивается необходимость в помощи научного руководителя, связанной с корректированием формулировок важнейших элементов методологического аппарата и научным изложением результатов исследования.

Анализ содержания и интенсивности поддержки, оказываемой аспирантам научными руководителями, обнаружил «проблемные зоны» подготовленности обучающихся к самостоятельному научно-педагогическому поиску. Сложности в определении элементов методологического аппарата исследования, написании и представлении на суд специалистов научных текстов ясно демонстрируют относительно низкий уровень владения исследовательскими компетенциями не только аспирантского, но и магистерского, и даже бакалаврского уровня, которые должны были быть освоены еще до поступления в аспирантуру.

Формирование исследовательских навыков осуществляется на всех ступенях образования начиная со школы. Основным средством их освоения традиционно считается учебный процесс. Высшей школе принадлежит решающая роль в приобретении умений проведения важнейших исследовательских процедур. Предполагается, что используемые в изучении учебных дисциплин технологии поискового и проблемного обучения, практическая реализация исследовательского подхода пробудят творческую мысль студентов и обогатят их индивидуальный опыт научного поиска.

Однако, как свидетельствует массовая образовательная практика, большинство читаемых в вузах курсов не ориентировано на подготовку к деятельности исследователя. Можно согласиться с мнением Р. С. Бозиева и А. И. Донцова, которые утверждают, что многие преподаватели «работают по давно устаревшей модели трансляции знаний» и далеко не все лекции демонстрируют «исследовательские образцы» [19, с. 4]. Очевидна давно назревшая потребность в целенаправленном обучении студентов вузов исследовательским умениям и навыкам и в планомерной организации их собственной исследовательской практики.

Вместе с тем задача подготовки аспирантов к научному поиску до сих пор остается трудно решаемой. Казалось бы, в работе с ними научные руководители используют одни и те же формы, но получить убедительные результаты удастся далеко не всем: ВАК постоянно публикует длинные списки неутвержденных и кандидатских, и докторских диссертаций.

Немалый опыт эффективной работы с аспирантами, который может быть полезен для широкого использования в отечественных университетах, накоплен известной в России научно-педагогической школой (далее – научная школа) академика В. И. Загвязинского, воспитавшей три поколения ученых. Рассмотрим некоторые аспекты ее многогранной деятельности.

Становление научной школы началось в 1973 г. с приходом на кафедру педагогики и психологии ТюмГУ, только что открытого на базе педагогического института, В. И. Загвязинского, который сразу заявил о намерении проведения методологических семинаров. Перспективность подобной формы повышения научно-исследовательской квалификации стала ясной уже после первого занятия: о методологии педагогического исследования до этого многие молодые, да и старшие преподаватели (составлявшие абсолютное большинство кафедры) не имели никакого представления. Умение В. И. Загвязинского говорить просто о сложном привлекало внимание слушателей, число которых быстро увеличивалось за счет преподавателей смежных кафедр и школьных учителей. Кое-кто из «неостепененных» начал серьезно задумываться над написанием диссертации. На индивидуальных консультациях с «шефом» обсуждались темы и варианты проектов возможных исследований.

Известно, что начинающему ученому часто трудно самостоятельно понять, осмыслить и особенно практически применить в своей научной работе информацию методологического характера. С появлением на кафедре большого числа аспирантов и соискателей практико-ориентированные методологические семинары стали проводиться для них ежемесячно. Эти занятия охотно посещали и докторанты, и их научные руководители. Тематика семинаров охватывала узловые звенья исследовательской деятельности: обоснование актуальности темы и проблемы работы; научный аппарат диссертации; проблемное поле научно-педагогического поиска; движение от научной идеи к педагогическому замыслу, а от него – к гипотезе; концепцию исследования и ее формирование; выбор методологических и теоретических основ изыскания; разработку критериально-оценочного комплекса; методы научно-педагогического поиска; моделирование в научно-педагогическом исследовании; его методику и технологию; содержание и оформление продуктов научной деятельности и др.

Структура семинарских занятий была достаточно традиционна: научно-теоретическое сообщение ученого (20–25 мин); выступление аспиранта, иллюстрирующее фрагментами своего диссертационного исследования практическое использование озвученных перед этим теоретических положений.

ний (10–15 мин); свободное обсуждение содержания сообщений (30–40 мин) и ответы на вопросы, возникшие в связи с рассматриваемой темой.

Аспирантам периодически предоставлялась возможность публично демонстрировать отдельные результаты своего исследовательского поиска и получать оценку и советы в процессе их коллективного обсуждения. С каждым желающим получить консультацию обговаривалось название темы и этапы научной работы: выделение стержневых линий ее содержания, выбор формы подачи информации и т. п. Процесс такого общения позволял восполнить отсутствующие у аспиранта методологические знания, подсказать ему лучшие варианты решений, помочь перейти от констатации научных фактов и различных точек зрения по поводу рассматриваемых вопросов к их анализу, сопоставлению и оценке, исходя из собственных теоретических предпочтений и аксиологических позиций.

На практических занятиях и в ходе индивидуальной работы много внимания уделялось профилактике наиболее распространенных методологических ошибок. Одна из них – рассогласованность элементов методологического аппарата исследования и его отдельных частей. На примере опубликованных авторефератов наглядно показывалось, как обоснование *актуальности* должно подготавливать «почву» для формулирования *противоречий*, становящихся основой для выдвижения *проблемы*, которая, в свою очередь, порождает *идею*, конкретизирующуюся в *замысле* и полностью раскрывающуюся в *гипотезе*. Обращалось внимание аспирантов на то, что несоответствие смыслового содержания гипотезы новизне и положениям, вынесенным на защиту, вызывает сомнение и в продуктивности самой гипотезы, и в научной состоятельности проведенного исследования. В итоге отслеживались все «цепочки», увязывающие основные разделы диссертации («Введение» – «Выводы по главам» – «Заключение») и ее главные элементы («Тема» – «Проблема» – «Гипотеза» – «Новизна» и «Теоретическая значимость» – «Положения, выносящиеся на защиту» – «Выводы»).

Со временем кафедральные методологические обсуждения переросли в региональные Урало-Сибирские семинары, которые постоянно действуют уже в течение 15 лет, собирая от 120 до 150 слушателей из Тюменской области и других регионов.

В последние 10–12 лет стали активно использоваться деловые мини-игры, имитирующие процедуру защиты диссертации. Они проводятся с целями апробации новых идей и подходов, адаптации аспирантов к ситуациям стресса, выработки у них умений быстро улавливать суть вопросов и кратко аргументированно отвечать на них. Во время мини-игры ее участники обычно успевают обсудить 2–3 проекта: темы предполагаемых

исследований, обоснованность и актуальность уже утвержденных тем, гипотезы, новые модели, технологии и методики, авторское определение известного понятия, правомерность введения в научный оборот новых понятий и др. В результате авторы исследовательских проектов могут или укрепиться в своих позициях, или отказаться от имевшихся заблуждений и избавиться от ошибок. Довольно часто в игровых дискуссиях рождаются новые идеи, а вовремя сделанные дельные советы коллег стимулируют к продолжению научного поиска.

Важным направлением работы научной школы стало обучение аспирантов составлению научных текстов для выработки индивидуального стиля разножанрового изложения содержания результатов исследовательской деятельности. Данное направление стало развиваться еще с середины 1970-х гг., когда кафедра начала издавать сборник «Движущие силы учебно-воспитательного процесса». Его подготовка к печати первоначально проводилась в форме коллективного предварительного обсуждения статей членов кафедры. Право первыми высказать свое мнение предоставлялось ассистентам, которые, как правило, оценивали отдельные, преимущественно внешние, стороны текстов: актуальность, логику изложения, количество использованных источников и т. п. Последними к анализу статей подключались кафедральные корифеи и В. И. Загвязинский; их комментарии порой не доставляли удовольствия ни ассистентам, ни тем более умудренным большим научным опытом преподавателям. Неприятно было слышать о «нерядоположенности» и «всеядности», «отсутствии ясной авторской позиции» и «подмене анализа констатацией фактов и разных точек зрения» и т. п. Однако когда утихали эмоции, наступало осознание справедливости сделанных замечаний и появлялось желание встретиться с рецензентом для более подробного разбора статьи. Неоднократно перерабатывая тексты, их авторы учились тщательно продумывать композицию, определять содержание и выстраивать логику его подачи, подбирать более удачные аргументы и слова, выражая свое несогласие с иной точкой зрения, и точнее выражать свои мысли, чтобы читающему был ясен ход представленных рассуждений.

Серьезное внимание уделялось знакомству аспирантов с особенностями различных жанров научной продукции. В ходе занятий, индивидуальных бесед и консультаций они получали рекомендации о том, как написать и оформить диссертацию, тезисы выступления или доклада, статью, методические разработки; приобретали представления о том, чем, например, отличается учебное пособие от учебника, что такое монография и пр.

В последние годы появилась добротная методическая литература для аспирантов и их научных руководителей [13, с. 167], которая позволяет самостоятельно разобраться во многих сложных вопросах. Но мы убеждены в том, что их очное, непосредственное обсуждение с опытными коллегами-учеными порой приносит больше пользы.

Накоплению и обогащению опыта исследовательской и преподавательской деятельности аспирантов способствовало посещение всей кафедрой открытых лекционных и семинарских занятий. Их совместное обсуждение вырабатывало общность теоретических и методических взглядов, подходов и оценок. На кафедре утвердилось традиция каждому ее члену раз в год проводить открытые занятия, которая распространилась и на аспирантов. При этом лекции Владимира Ильича Загвязинского всегда и для всех были открытыми, и их посещали не только аспиранты, но и состоявшие преподаватели. На своих занятиях ученый-педагог показывал разные способы подачи учебного материала, однако особую ценность имели его проблемные лекции, демонстрировавшие, по существу, процесс научного поиска.

С открытием в 1996 г. в ТюмГУ кандидатского, а в 2000 г. докторского диссертационного совета специальным направлением работы научной школы стало оказание помощи аспирантам и соискателям в подготовке авторефератов. 23-летний опыт работы автора статьи в качестве ученого секретаря диссертационного совета позволяет утверждать, что наибольшую сложность представляет оформление его методологического раздела, а внутри него – формулирование гипотезы и новизны, критическое соотнесение собственных научных решений с уже известными решениями других ученых. Именно эти методологические элементы работы являются своеобразным ключом к оценке всей диссертации и, если можно так выразиться, «методологическим лицом» ее автора.

За качеством оформления авторефератов аспирантов кафедры следят их научные руководители, и о требовательности некоторых из них в университете ходят легенды. До сих пор вспоминают имя аспиранта, которому руководитель утвердил только 18-й вариант автореферата. Что касается авторефератов, поступающих от иногородних соискателей, то при решении вопроса о принятии к защите их диссертаций к рецензированию и последующей работе с ними привлекаются и члены диссертационного совета, и ведущие специалисты, тематика научных интересов которых соответствует теме диссертации. Таким образом, каждый автореферат рассматривается председателем и ученым секретарем диссертационного совета, а также 1–2 рецензентами. Если в авторефератах не обна-

руживаются новых идей и решений, их авторам отказывают в защите. Однако если новизна содержится даже в неявном виде, автор приглашается на встречу для определения его творческих возможностей, и затем организуется интенсивная работа по раскрытию оригинальных преобразующих идей и подходов. Внося в автореферат и диссертацию необходимые изменения и коррективы, многие соискатели нередко на этом этапе работы начинают по-другому воспринимать и понимать свое исследование.

Многолетняя кропотливая работа принесла ощутимые результаты: за все годы функционирования диссертационного совета в нем защищены 242 диссертации, в том числе 34 докторские, и ни одна из них не была отклонена ВАКом.

Творческая, интеллектуально насыщенная атмосфера кафедры, демократический стиль общения – питательная среда для мотивирования теоретической и практической подготовки аспирантов к научной и педагогической деятельности. Она создавалась и поддерживается усилиями ее заведующего и его многочисленных учеников (под научным руководством В. И. Загвязинского выполнены 24 докторские и более 120 кандидатских диссертаций), а также – авторитетом регулярно приглашаемых для чтения лекций ведущих ученых России. Среди них – академики и члены-корреспонденты РАО, известные в стране доктора педагогических наук и профессора. Пример служения науке именитых ученых ориентирует аспирантов в осознанном определении собственных научных установок и приоритетов.

Академическая кафедра методологии и теории социально-педагогических исследований (которая не раз меняла свое название) была и остается своеобразным штабом научной школы, центром определения ее стратегии и тактики, разработки и реализации творческих замыслов. Новые поколения аспирантов активно участвуют в жизни кафедры и сохраняют сложившиеся традиции и нормы.

Заключение

Аспиранты – стратегический резерв высшей школы. От уровня их подготовки зависят и преемственность научно-педагогических кадров, и качество выпускаемых вузами специалистов.

Вместе с тем проведенные в последние годы исследования показывают недостаточное владение обучающимися в аспирантуре, особенно на 1–2-х курсах, целым рядом исследовательских компетенций не только аспирантского, но и магистерского, и даже бакалаврского уровня, т. е. теми компетенциями, которые должны быть освоены еще на предшествующих

ступенях образования. Наиболее слабыми звеньями подготовленности к самостоятельному научно-педагогическому поиску являются определение методологического аппарата исследования – прежде всего, формулирование гипотезы и новизны, а также умение критически соотнести собственные научные решения с уже известными решениями ученых. Кроме того, у аспирантов обнаруживаются существенные затруднения в полномочном изложении результатов исследования.

В работе с аспирантами, по существу, применяются традиционные одинаковые формы и методы обучения, которые, однако, далеко не всегда дают требующиеся результаты. Опыт научной школы В. И. Загвязинского доказывает, что необходимы творческий индивидуальный подход и богатое содержательное и технологическое наполнение данных форм, а главное – системная работа по обучению основам методологии педагогического исследования; отработке индивидуального стиля разножанрового изложения содержания научной продукции; организации апробации исследовательских разработок в условиях, имитирующих научные дискуссии; соблюдению научных требований к содержанию и оформлению автореферата. Мы уверены: распространение опыта научной школы ТюмГУ поможет повысить качество научной и педагогической деятельности аспирантов.

Список использованных источников

1. Осипов Г. В., Савинков В. И. Динамика аспирантуры и перспективы до 2030 года: Статистический и социологический анализ. Москва: ЦСПиМ, 2014. 152 с.
2. Бедный Б. И. К вопросу о цели аспирантской подготовки (диссертация vs квалификация) // Высшее образование в России. 2016. № 3. (199). С. 44–52.
3. Бедный Б. И. Новая модель аспирантуры: pro et contra // Высшее образование в России. 2017. № 4 (211). С. 5–16.
4. Попова Н. Г., Биричева Е. В. Подготовка молодых ученых в аспирантуре: поиск единого ориентира // Высшее образование в России. 2017. № 1 (208). С. 5–14.
5. Райчук Д. Ю., Минина Н. В. О позиционировании аспирантуры в структуре высшего образования // Высшее образование в России. 2016. № 4 (200). С. 33–41.
6. Сенашенко В. С. Проблемы организации аспирантуры на основе ФГОС третьего уровня высшего образования // Высшее образование в России. 2016. № 3(199). С. 33–43.
7. Спиридонова Е. А. О неоднозначных последствиях реформ в высшей школе России // Высшее образование в России. 2017. № 1 (208). С. 25–34.

8. Шестак В. П., Шестак Н. В. Аспирантура как третий уровень высшего образования: дискурсивное поле // Высшее образование в России. 2015. № 12. С. 22–34.

9. Бедный Б. И., Кузенков О. А. Интегрированные образовательные программы «Академическая магистратура – аспирантура» // Высшее образование в России. 2016. № 5 (201). С. 21–32.

10. Нечаев В. Д. Модернизация российской педагогической аспирантуры: поиск модели в международном контексте // Высшее образование в России. 2016. № 6 (202). С. 16–33.

11. Сенашенко В. С. О некоторых проблемах подготовки кадров высшей квалификации // Высшее образование в России. 2013. № 4. С. 54–59.

12. Бочкова Е. В., Авдеева Е. А., Назаренко В. А. Аспирантура в системе высшего образования России: новые правила и новые проблемы // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 6 (51). С. 17–23.

13. Резник С. Д., Чемезов И. С. Институт аспирантуры российского вуза: состояние, проблемы и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 159–168.

14. Шадриков В. Д., Розов Н. Х., Боровских А. В. О направлениях повышения качества диссертаций по педагогике // Высшее образование в России. 2016. № 3 (199). С. 53–60.

15. Санникова А. В. Научно-исследовательская деятельность как основной вид деятельности аспиранта // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2014. Вып. 4 (26). С. 271–275.

16. Шестак В. П., Шестак Н. В. Формирование научно-исследовательской компетентности и «академическое письмо» // Высшее образование в России. 2011. № 12. С. 115–120.

17. Зимняя И. А. Исследовательская деятельность студентов в вузе как объект проектирования в компетентностно-ориентированной ООП ВПО. Для программы повышения квалификации преподавателей вузов в области проектирования ООП, реализующих ФГОС ВПО. Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. 40 с.

18. Строкова Т. А. Критериально-диагностический инструментальный мониторинг качества подготовки будущих педагогов к практико-ориентированной исследовательской деятельности // Образование и наука. 2016. № 3 (132). С. 29–43.

19. Бозиев Р. С., Донцов А. И. Отечественная педагогика и образование: между прошлым и будущим // Педагогика. 2016. № 1. С. 3–11.

References

1. Osipov G. V., Savinkov V. I. Dinamika aspirantury i perspektivy do 2030 goda: Statisticheskiy i sotsiologicheskiy analiz = Dynamics of a postgraduate education and perspective till 2030: Statistical and sociological analysis. Moscow: Center for Social Forecast and Marketing; 2014. 152 p. (In Russ.)

2. Bednyy B. I. On the issue of the goal of postgraduate training (dissertation vs qualification). *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2016; 3 (199): 44–52. (In Russ.)
3. Bednyy B. I. A new postgraduate school model: Pro et contra. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2017; 4 (211): 5–16. (In Russ.)
4. Popova N. G., Biricheva Ye. V. Training young researchers at the postgraduate level: In search of a goal. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2017; 1 (208): 5–14. (In Russ.)
5. Raychuk D. Yu., Minina N. V. About positioning postgraduate school in a three-tier system of higher education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2016; 4 (200): 33–41. (In Russ.)
6. Senashenko V. S. Problems of postgraduate training organisation on the basis of the Federal State Educational Standards of the third level of higher education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2016; 3 (199): 33–043. (In Russ.)
7. Spiridonova Ye. A. About some ambiguous tendencies in russian higher school. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2017; 1 (208): 25–34. (In Russ.)
8. Shestak V. P., Shestak N. V. Postgraduate studies at the third level of higher education: discursive field. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2015; 12: 22–34. (In Russ.)
9. Bednyy B. I., Kuzenkov O. A. Integrated “Academic Master’s – PhD” educational programs. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2016; № 5 (201): 21–32. (In Russ.)
10. Nechayev V. D. Modernisation of the Russian doctoral programs in education: The search of models in an international context. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2016; 6 (202): 16–33. (In Russ.)
11. Senashenko V. S. On some problems of preparation specialists of higher qualification. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2013; 4: 54–59. (In Russ.)
12. Bochkova Ye. V., Avdeyeva Ye. A., Nazarenko V. A. Postgraduate studies in the higher education system of Russia: New rules and new problems. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*. 2016; 6 (51): 17–23. (In Russ.)
13. Reznik S. D., Chemezov I. S. PhD Institute of the Russian University: Condition, problems and prospects of development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Herald*. 2018; 430: 159–168. (In Russ.)
14. Shadrikov V. D., Rozov N. Kh., Borovskikh A. V. Methods of improvement of pedagogical thesis. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2016; 3 (199): 53–60. (In Russ.)
15. Sannikova L. V. Research activity as the main type of activity of a postgraduate student. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Juridicheskie nauki = Bulletin of Perm University. Series “Juridical Sciences”*. 2014; 4 (26): 271–275. (In Russ.)

16. Shestak V. P., Shestak N. V. Formation of research competence and “academic writing”. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2011; 12: 115–120. (In Russ.)

17. Zimnyaya I. A. Issledovatel'skaja dejatel'nost' studentov v vuze kak ob'ekt proekti-rovanija v kompetentnostno-orientirovannoj OOP VPO. Dlja programmy povyshenija kvalifikacii prepodavatelej vuzov v oblasti proektirovanija OOP, realizujushhij FGOS VPO = Research activity of students in higher education institution as a subject to design in the competency-based general educational programme of higher vocational education. For the programme of increase in qualification of teachers of higher education institutions in the field of design of general educational programme implementing Federal State Educational Standards of higher vocational education. Moscow: Research Center for Problems of Quality of Expert Training; 2010. 40 p. (In Russ.)

18. Strokova T. A. Criteria and diagnostic tools for monitoring quality assessment of pre-service teachers' training for practice-oriented research activity. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2016; 3 (132): 29–43. (In Russ.)

19. Boziyev R. S., Dontsov A. I. Domestic pedagogics and education: Between the past and the future. *Pedagogika = Pedagogics*. 2016; 1: 3–11. (In Russ.)

Информация об авторе:

Строчкова Тамара Александровна – кандидат педагогических наук, доцент академической кафедры методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия. E-mail: strokovata@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.07.2018; принята в печать 14.11.2018.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Tamara A. Strokova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Academic Chair for Methodology and Theory of Socio-Educational Research, Tyumen State University, Tyumen, Russia. E-mail: strokovata@mail.ru

Received 05.07.2018; accepted for publication 14.11.2018.
The author has read and approved the final manuscript.

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

УДК 378

DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-31-49

LISTS OF VOCATIONAL EDUCATION PROGRAMMES: STATUS AND POSSIBLE WAYS OF MODERNISATION

V. I. Blinov¹, L. N. Kurteeva², B. A. Sazonov³

*Federal Institute for Development of Education of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.*

E-mail: ¹blinov-vi@ranepa.ru; ²kurteeva-ln@ranepa.ru; ³sazonov-ba@ranepa.ru

Abstract. *Introduction.* The liberalisation of state educational standards and the provision of greater autonomy for educational institutions in the formation of educational programmes indicate the need for development of a new classification system for Russian education, which should become common for all types of professional educational programmes, including additional training programmes.

The *aim* of the publication was to discuss the status and possible ways to modernise the system of classification of educational programmes in Russian vocational education, taking into account the prospects of its development and the constant replenishment of the registers of professional standards and qualifications.

Methodology and research methods. In the course of the study, a retrospective analysis of the development of the classification system of professional educational programmes was used, during which the best Russian and foreign practices were compared.

Results. The features of the current lists of professions and specialties of secondary vocational education and areas of improvement in accordance with modern requirements of the system of classification of professional educational programmes used in these lists were considered. For updated lists, a new composition of enlarged groups of the classification system of vocational education programs has been proposed, coupled with a list of areas of professional activity of the register of professional standards of the Ministry of Labour of Russia.

Scientific novelty. For the first time, it is proposed to refuse classifiers that are strictly tied to the lists of professions, specialties and training areas approved by the Ministry of Education and Science, which formally copy these lists. Combining the classification systems of vocational education programmes and areas of professional activity will allow an adequate comparison of statistical information on training in the education system with their actual use in the labour market.

Practical significance. The introduction of the proposed classification system allows us more fully to take into account data on the training of specialists in the Russian system of vocational education, to reflect this data as accurately as possible in national and international educational statistics and to correlate them with employment indicators in various sectors of the economy and production.

Keywords: professional educational programmes, professional standards, national qualifications system, all-Russian classifiers of the sphere of education, international standard classification of education.

For citation: Blinov V. I., Kurteeva L. N., Sazonov B. A. Lists of professional educational programmes: Status and possible ways of modernisation. *The Education and Science Journal*. 2018; 10 (20): 31–49. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-31-49

ПЕРЕЧНИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ: СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ

В. И. Блинов¹, Л. Н. Куртеева², Б. А. Сазонов³

*Федеральный институт развития образования Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия.*

E-mail: ¹blinov-vi@ranepa.ru; ²kurteeva-ln@ranepa.ru; ³sazonov-ba@ranepa.ru

Аннотация. Введение. Либерализация государственных образовательных стандартов и предоставление большей самостоятельности учебным учреждениям в формировании образовательных программ указывают на необходимость разработки для российского образования новой системы классификации, которая должна стать общей для всех типов профессиональных образовательных программ, включая программы дополнительного обучения.

Цель публикации – обсуждение состояния и возможных путей модернизации системы классификации образовательных программ в российском профессиональном образовании с учетом перспектив его развития и постоянного пополнения реестров профессиональных стандартов и квалификаций.

Методология и методики. В ходе исследования применялся ретроспективный анализ развития системы классификации профессиональных образовательных программ, при проведении которого проводилось сравнение лучших отечественных и зарубежных практик.

Результаты. Рассмотрены особенности действующих перечней профессий и специальностей СПО и направления совершенствования в соответствии с современными требованиями используемой в данных перечнях системы классификации профессиональных образовательных программ. Для обновляемых перечней предложен новый состав укрупненных групп системы классификации профессиональных образовательных программ, сопряженный с перечнем областей профессиональной деятельности реестра профессиональных стандартов Министерства труда России.

Научная новизна. Впервые предлагается отказаться от классификаторов, жестко привязанных к утверждаемым Министерством образования и науки перечням профессий, специальностей и направлений подготовки, формально копирующих эти перечни. Сопряжение систем классификации профессиональных образовательных программ и областей профессиональной деятельности позволит осуществлять адекватное сопоставление статистической информации о подготовке кадров в системе образования с их реальным использованием на рынке труда.

Практическая значимость. Внедрение предлагаемой системы классификации разрешает более полно учитывать данные об обучении специалистов в российской системе профессионального образования, максимально точно отражать эти данные в национальной и международной образовательной статистике и соотносить их с показателями занятости населения в разных сферах экономики и производства.

Ключевые слова: профессиональные образовательные программы, профессиональные стандарты, национальная система квалификаций, общероссийские классификаторы сферы образования, международная стандартная классификация образования.

Для цитирования: Блинов В. И., Куртеева А. Н., Сазонов Б. А. Перечни профессиональных образовательных программ: состояние и возможные пути модернизации // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 10. С. 31–49. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-31-49

Introduction

Specifications of manual workers' occupations and majors of secondary vocational education (SVE) are essential documents, which determine the structure of training of qualified manual workers and specialists for the labour market. The specifications serve as the basis for elaborating the national educational standards and professional educational programs of secondary vocational education. Till 2013, the list of occupations and majors, included into the specifications, was rather stable. The minor corrections made in them did not take into account the intense technological development of the Russian Federation, and did not enhance the efficiency of the personnel potential exploitation.

Since 2013, with a view of improving the personnel infrastructure, the country started to elaborate and implement the professional standards. By now, the professional standards, included into the register of the Russian Ministry of Labour, rather clearly express the position of professional associations and employers as for the modern professional-qualification structure of employment in the labour market. Comparison of the elements of the professional standards' register and the specifications of occupations and majors of SVE reveals significant inconsistencies. Some occupations and majors of SVE have no professional standards, and it seems most probable that they will never be elaborated. This fact may indicate that such occupations and majors are obsolete, and it may be appropriate to exclude them from the specifications. On the other hand, there are professional standards, for which there are no occupations and majors in the specifications; this fact may indicate the need to include new occupations and majors.

On January 1, 2017, a Federal Law of 03.07.2016 № 238-ФЗ "On independent evaluation of qualification" came into effect, which stipulates forming of the register of information about the independent evaluation of qualification. The register includes a specification of the titles of qualifications and requirements to them. The analysis of the nomenclature of qualifications, included into the register, shows its inconsistency with the qualifications conferred upon the graduates of education institutions in compliance with the specifications of occupations and majors of SVE. This makes the information about which labour functions the college graduates are prepared for obscure for the labour market.

This article presents the materials of a research project "Scientific and methodical substantiation and approbation of the methodology of develop-

ment of lists of professions and specialties of secondary vocational education and vocational training". The research objectives were to elaborate the conceptual and methodological foundations for actualisation of specifications of occupations and majors of secondary vocational education, and to establish the matches between the qualification within the educational system and the qualification apparent for the labour market. The project is performed by the Center for Vocational Education and Qualifications Systems of Federal Institute for Education Development, within the frameworks of state order of the Russian Ministry of Education and Science, № 27.12594.2018/12.1.

In the course of the project, which has great practical significance, we will analyze, supplement and clarify the tables of correspondence between the elements of SVE specifications and professional standards; bring the specifications to compliance with the register of professional standards of the Russian Ministry of Labour; decide on the opening new professions and majors, training for which will be performed under the increased technological level of the modern economy; exclude from the specifications the obsolete professions and majors which are not demanded by the labour market and the consumers of educational services. Actualisation of the specifications of SVE occupations and majors is to be performed with the participation of a wide range of representatives of educational community and employers.

The objective of this article is to describe the academic approaches to solving one of the most important tasks of the performed research, namely, the tasks of elaborating recommendations for describing the graduates' qualifications in the renewed specifications of occupations and majors of secondary vocational education.

Literature review

In the Russian Federation, qualification is interpreted differently in the spheres of labour and education. The lack of common terminology hinders harmonisation of the educational services market and the labour market.

In the sphere of labour, qualification is a certified set of individual features, professional skills and knowledge, required for fulfilling the tasks at a certain working place [1]. The Federal Law of 3 December 2012 № 236-ФЗ "On alterations in the Labour Code of the Russian Federation and Article 1 of the Federal Law "On technical regulation" stipulates that "an employee's qualification is the level of knowledge, skills, professional mastery and working experience of the employee". The "Standard requirements to the Center for qualifications estimation", adopted by the decision of National Council under the President of the Russian Federation on professional qualifications, intro-

duce the notion of professional qualification “as the knowledge, skills, professional mastery and working experience of a physical person, necessary for fulfilling a certain labour function”.

In the sphere of education, qualification is usually defined as the level of learning, preparedness for the competent fulfillment of a certain type of activity within the acquired profession (major); it is the key component of a vocational education standard [2, 3]. The laws regulating the sphere of education do not give the definition of a term “qualification”. Nevertheless, clause 3 of Article 14 of the Federal Law “On education”, which acted up to 1 January 2013, contained the provision that “Vocational education of any level must ensure that the student acquires profession and relevant qualification” [4]. This legal norm inherited from the practice of the Soviet educational system, under which the university, technical school and technical college graduates acquired vocational qualifications, like “an engineer”, “an architect”, “a technician”, “a turner”, etc. The graduates of the Soviet, and later Russian, vocational education institutions acquired vocational qualifications due to the good material-technical and laboratory equipment of the education institutions, the well-developed and reliably functioning institutions of practical training.

After introducing the two-level system of training (Bachelor – Master) in Russia in the beginning of the 1990s, there appeared three different academic qualifications of higher education (Bachelor, certified specialist, Master), differing by the type of the state document (diploma). In two cases (Bachelor and Master) the professional qualification, characteristic of a certified specialist only, was substituted for a degree, for example, “Degree – Bachelor in Economics with the major in Statistics” [4]. Since then, the Russian educational sphere faced a more distinct trend of dividing the qualifications into the academic and applied (professional). The practice of the recent years showed that the employers, who got used to receiving the professionally well-trained graduates from the education institutions, are very skeptical towards academic qualifications of the job applicants. That is why, currently both the educational system and the employing organisations search for compromises, the aim of which is to bring the level of the graduates’ professional training and means of certifying their qualifications closer to the demands of the employers.

Outside Russia, the term “qualification” is interpreted differently, too. The Lisbon Recognition Convention (1997) defines of higher education qualification as “any degree, diploma or other certificate issued by a competent authority attesting the successful completion of a higher education programme” [4]. In the European Union the term “qualification” may mean: its formal recognition in the form of a certificate or diploma; the ability to perform the spe-

cific job or satisfy specific requirements, demanded at a certain working place; the level of education or ability of a person to manage professional tasks (which is also described by the term “competency”) [5].

In the International Standard Classification of Education (ISCED-2013) [6], qualification is defined as an official certification, usually documentary, of successful completion of an education programme or a stage of program. Qualifications can be acquired as a result of: successful completion of a programme; successful completion of a stage of a programme (intermediate qualifications); checking of the acquired knowledge, skills and competences regardless of the participation in such programmes. In the context of identification of education programmes orientation at the level of tertiary education, ISCED uses the terms “academic education” and “professional education”. Professional education includes education programmes designed for acquisition of knowledge, skills and competences by the students for fulfilling a certain type or types of professional activity. These programs may include such components as training at enterprises (for example, practical training/probation period). Successful completion of such programs results in acquiring professional qualifications demanded in the labour market which are recognised by the appropriate national authorities and/or labour market as professionally-oriented.

After the European Union was formed, the problem of mutual recognition of qualifications by the member countries aggravated [7]. In the common EU labour market there appeared specialists trained within sharply different national qualification systems. To ensure qualification comparability, the European qualifications framework was designed in 2006; it was actively developed for a number of years [8], and soon became the basic document used for elaborating educational programs [9–11]; it is this document that served as the basis for national qualifications frameworks of the EU countries and the countries which signed the Bologna declaration [12].

For all of the differences in particular definitions of the term “qualification”, they have something in common. An employee qualified for fulfilling a certain type of activity must possess the necessary knowledge, skills, abilities and competencies. More and more often, the requirements to the working experience are put forward for official recognition of qualification. That means that the automatic recognition of a graduate’s qualification, acquired as a result of study at an educational organisation, can be denied on the grounds of the lack of experience. Our European colleagues in the sphere of engineering education came to the conclusion that the professional qualification of an “engineer” can be granted to an applicant not earlier than after two years af-

ter he/she started working in this sphere, under the condition that before that he/she was studying this major for not less than five years full time [4].

This corresponds with the opinion being adopted in the European countries that the document given to a graduate cannot be regarded as the document confirming the qualification acquired during the mastering of the educational program. The practice is being adopted all over the world, under which the evaluation and conferment of professional qualifications are made by independent organisations: centers for professional qualifications, professional associations, etc. The person applying for conferment of a qualification must, as a rule, fulfill a number of conditions, sometimes rather complicated. For example, the applicant for the certificate of an engineer at the National Chamber of Engineers (USA) must comply with the following requirements: be a graduate of an engineering program; have practical experience of not less than four years; pass an exam in the fundamentals of engineering; pass an exam in the theory and practice of engineering [4]. In other words, to qualify for the certificate of a professional engineer, an applicant must submit an engineering school diploma (confirm his/her academic qualification) and prove the required practical experience in the field of engineering. This example illustrates the correlation, in which the academic and professional qualifications may exist, and how professional qualifications may supplement the academic qualifications acquired in the course of learning.

Materials and methods

Within the research, we analyzed the practice and scientific-methodological approaches to describing qualifications in the specifications of occupations and jobs in the Russian and foreign education. We revealed the connection between the approaches to descriptions implemented at various stages and the features of structures of the national qualification systems. We studied the composition of elements of the currently formed new qualification system of the Russian Federation and its correlation with characteristics of the SVE occupations and jobs, reflected in specifications, with the federal state standards, and with the issues of forming the comprehensive and adequate statistics in the sphere of education.

Research results

Today, many countries establish centers for qualification evaluation and certification, independent from educational organisations [13, 14]; alongside with the national qualifications frameworks, these centers become the key elements of the national qualification systems. The new national qualifi-

cation system, being created in the Russian Federation, has its peculiar features [15, 16], and, alongside with the actively created centers for independent qualification, includes:

- The National Qualifications Frameworks of the Russian Federation (NQF RF);
- The Register of professional standards of the Russian Ministry of Labour;
- The Register of titles of qualifications and requirements to them.

The project of the national qualifications frameworks was designed by Federal Institute for Education Development in 2007 [17]. The project remained negative for a long time, though immediately after its publication is started to be actively used both in the sphere of labour and in the sphere of education. The National Framework established nine levels of qualifications, conjugated with the levels of the European qualifications framework; it matched the qualification levels in the sphere of labour with the levels of professional education and specified the ways of achieving the qualification levels. The conceptual basis for elaborating the National Qualifications Frameworks of the Russian Federation is competency approach: the description of the qualifications levels was based on the description of differences in the training results, expressed in terms of responsibility, independence and complexity level of the working situation. This rendered much assistance to the elaborators of the Federal state educational standards of the third generation. Largely due to the implementation of the universal descriptors of NQF RF, they managed, in the educational standards, to distinguish the requirements to training results between the levels of professional training, and to ensure their conjugation and continuity. At present, the National Qualifications Framework is adopted by the Order of the Russian Ministry of Labour of 12 April 2013 № 148Н as a document “Qualification levels for the purposes of professional standards elaboration”.

Professional standards are the basic element of the currently developed new national system of qualifications of the Russian Federation [18]. The elaboration and introduction of the professional standards is coordinated by the National Council under the President of the Russian Federation on professional qualifications, created in compliance with the Presidential Order of 16 April 2014 № 249. The National Council performs the expertise of drafts of legislative and other normative legal acts of the Russian Federation on the issues of the development of the national system of qualifications, considers the drafts of professional standards. Basing on the conclusions of the National Council, decisions are made on adopting the professional standards. The

National Council creates councils on professional qualifications. The councils on professional qualifications are continuing bodies of the national system of qualifications, created for the purpose of forming and developing the systems of professional qualifications in particular types of professional activity.

After the National Council began functioning, the professional standards elaboration started to be financed and carried out according to the state plan. By now, the register of professional standards of the Russian Ministry of Labour includes over 1000 professional standards, comprising all the key spheres of professional activity.

Professional standard (PS) defines the characteristic of the qualification necessary to fulfill a certain type of professional activity. PS is a document identifying, from the standpoint of the labour sphere, the aims and content of the certain type of professional activity through description of generalised labour functions, specific labour functions, labour actions, position in the system of qualification levels, requirements to education level, practical experience, necessary knowledge and skills of an employee. An essential feature of PS is that, describing the labour functions, it does not standardise the requirements to the personality and the job responsibilities of an employee. The latter are formulated with the account of the features of organisation, level of preparedness, experience and other individual characteristics of an employee [19].

The main spheres of the professional standards application are: forming the personnel policy and personnel management; independent evaluation of qualifications; elaboration of federal state educational standards; elaboration of professional educational programs. Professional standards to a large extent determine the requirements to the content of professional training in SVE occupations and jobs. To use them as the basis for federal state educational standards and SVE professional educational programs, it is necessary to establish the compliance of each SVE occupation and job with professional standards from the register of professional standards of the Russian Ministry of Labour. Councils on professional qualification compile such tables of compliance.

Through professional standards, the SVE occupations and jobs are linked to the register of independent qualification evaluation, which contains the specification of qualifications titles and requirements to them (<http://nok-nark.ru>). For each qualification, the register specifies: its title; the title and details of the professional standard, for the compliance to which the qualification undergoes independent evaluation; the level of qualification in compliance with the professional standard; the code of labour function; the title of labour function; the list of documents necessary for passing the professional

examination for the relevant qualification; the validity term of the qualification certificate [19].

For instance, this is how the characteristics of an “Accountant” qualification are described in the register:

Title: *Accountant*

Title and details of the professional standard: *Accountant. Order of the Russian Ministry of Labour of 22.12.2014, N 1061н*

Level of qualification: 5

Codes and titles of labour functions: *A/01.5 Entry into the books the primary documents of the facts of economic activity of a business entity; A/02.5 monetary evaluation of the objects of accounting and current grouping of the facts of economic activity; A/03.5 Final summarising of the facts of economic activity.*

List of necessary documents: *1. A document certifying the education not lower than secondary professional by the programs of middle-level specialists’ training in the sphere of “Economics and management” OR 1. A document certifying the education not lower than secondary professional by the programs of middle-level specialists 2. A document certifying the supplementary professional education in the sphere of accounting.*

Validity term of the qualification certificate: *3 years*

This example gives a detailed description of the features of the new system of professional qualifications in the Russian Federation and enables to judge whether and how the SVE graduates’ qualifications can be described in the renewed specifications of occupations and majors.

It should be noted that the national system of qualifications is still under the stage of formation and has to function in interaction with the elements of the existing system of qualifications. When renewing the SVE specifications of occupations and majors, it should be taken into account that the Russian qualifications system faces a kind of “diarchy”, when documents of completely different orientation are under effect simultaneously, sometimes contradicting each other. Introduction of professional standards in Russia does not imply the abatement of the documents regulating the previous qualification structures: Unified qualification reference book of managerial, specialists’ and employees’ positions (UQRB); Unified tariffs and qualifications reference book of works and occupations of manual workers (UTQRB), etc.

Below are the examples of descriptions of some occupations and majors in the existing SVE specifications:

Examples of description of SVE majors:

1. Enlarged group: *38 Economy and management*

Code of major: 38.02.01

Title of major: *Economy and accounting (by sectors)*

Qualification(s) of a middle-level specialist: *Accountant; Accountant, specialist in taxation.*

2. Enlarged group: 08 *Technique and technology of construction*

Code of major: 08.02.01

Title of major: *Construction and exploitation of buildings and structures*

Qualification(s) of a middle-level specialist: *Technician; Senior technician.*

Example of description of SVE occupation:

3. Enlarged group: 08 *Technique and technology of construction*

Code of profession: 08.01.08

Title of profession: *Master of finishing construction works*

Qualification(s) of a qualified manual worker and employee: *Construction painter; Mounter of frame-boarding constructions; Facing worker; Mosaic worker.*

4. Enlarged group: 15 *Machine building*

Code of profession: 15.01.05

Title of profession: *Welder (electric welding and gas welding)*

Qualification(s) of a qualified manual worker and employee: *Gas welder; Electric gas welder; Electric welder on automatic and semi-automatic equipment; Electric welder of manual welding; Flame cutting torch operator.*

In the above examples, the titles of qualifications of the existing specifications are recorded in compliance with UTQRB and UQRB. Some of them coincide with the new titles of qualifications, included in the register of independent estimation of qualifications of the Russian Ministry of Labour, for example, the qualification of “Accountant”. Some of them do not coincide, for example, the register does not include – and, most likely, will not include – the qualification of “Accountant, specialist in taxation”. Similarly, the qualifications of “Technician” and “Senior technician” will not be included into the register, as they look like job titles rather than qualification titles; actually, they are the characteristics of the levels of educational programs: “Technician” is the program of basic level of preparation, and “Senior technician” is the program of advanced level of preparation. Thus, which qualification specifications shall serve as the basis for elaboration of the renewed lists of SVE occupations and majors: UTQRB and UQRB or the qualification specification of the register for independent qualification evaluation? The Russian Ministry of Labour answers the employers’ questions in its circular of 4 April 2016 № 14–0/10/13–2253 as follows: “In future we plan to substitute UTQRB and UQRB for professional standards, as well as for certain sectoral requirements to the employees’ qualification, ascertained by legislative and other normative legal acts, some of which

already exist (for example, in the transportation sphere, etc.). However, such substitution will take place during quite a long period of time”.

Thus, renewal of the SVE specifications of occupations and majors, projected for the 2018–2019, will take place under the conditions of the above-mentioned “diarchy”. In the authors’ opinion, in this situation the following approaches to descriptions of SVE graduates’ qualifications can be proposed:

1. To divide the section “Qualification” into two subsections, one of which will contain the titles of qualification according to the current specifications (i. e. UTQRB and UQRB), the other – titles of qualification from the register of independent estimation of qualifications. As the second subsection fills with data, which may take several years, the first subsection will cease to be needed. The occupations and majors in the specification will be linked to professional standards through the qualifications listed in the register of professional standards of the Russian Ministry of Labour.

2. In the section “Qualification”, to state a title of qualification which will have the status of an “academic” qualification, or a “qualification according to education”. This can be “Technician (by major...)” or, for example, “Welder (by occupation...)”. This broad title of qualification can be stated in the document of graduation from an education institution. During the period of study, a student will have an opportunity to master and certify at independent centers one or several qualifications from the UTQRB and UQRB specifications or from the register of professional standards of the Russian Ministry of Labour. For each acquired qualification, a graduate will receive a certificate. The document of education, supplemented with certificates of the acquired qualifications, constitute the documents confirming the results of education. Academic qualification of a graduate is a long-term one. Professional qualifications have a limited validity, after expiration of which they will have to be confirmed. The defect of this approach is the lack of direct explicit link between the occupations and majors from the specification and the professional standards.

3. The section “Qualification” is not included into the SVE specifications. Instead, the section “Professional standards” is included; it enumerates the professional standards which correspond to the SVE occupations and majors. In this case, professional training can be aimed at mastering a wide range of labour functions (or a part of labour functions) of the appropriate level, enumerated in the professional standards which correspond to the SVE occupations and majors. The Federal State Educational Standard, which determines the requirements to the content of education, may specify the minimal list of qualifications from the register of the Russian Ministry of Labour, obligatory for mastering during taking the course according to the educati-

onal program of a particular occupation or major. It can also stipulate the title of academic qualification given to a graduate as a result of study.

When renewing the current SVE specifications of occupations and majors, during the period of formation of a new qualification system, it is necessary to include the “level of qualification” indicator into the characteristics of the occupations and majors to which they refer according to the National Qualifications Frameworks of the Russian Federation: for qualified workers’ occupations it is level 4, for SVE majors – level 5.

Indicators of the levels of qualification and types of educational programs can be implemented through modernisation of the existing coding system. The coding structure, used for specifications of occupations and majors in 2009, can be returned [20]. Then the code of “Welder” in the above example (example 4) would be “15.43.08”, where 15 is the code of enlarged group “Machine building”, 43 – the code of level and type of educational program: 4 – the program of 4th qualification level by the National Qualifications Frameworks of the Russian Federation, 3 – the program implemented on the basis of secondary comprehensive education; 08 – number of the occupation in the enlarged group.

The code of major “Construction and exploitation of buildings and structures” (example 2) could be “08.52.01”, where 08 is the code of enlarged group “Technique and technology of construction”; 52 – the code of level and type of educational program: 5 – the program of 5th qualification level by the National Qualifications Frameworks of the Russian Federation, 2 – the program of advanced level of education; 01 – number of the major in the enlarged group.

When forming the codes of occupations and majors, it is advisable to divide the enlarged groups into groups of occupations and majors [21]. In the current specifications, some enlarged groups include up to several dozens of occupations, referring to various professional spheres: for example, “geodesy” and “mining”; “zootechnics” and “veterinary”, etc. The absence of division of the enlarged groups into groups of occupations and majors hinders the formation of statistical data on the preparation of qualified personnel in these and other professional spheres.

Discussion

It is supposed that the approaches proposed in the article will be discussed in broad public at target scientific-methodological seminars with participation of SVE Educational-methodological Councils, Councils on professional qualifications, with representatives of educational organisations and educational authorities. The participants of the public discussion are to specify the ta-

bles of compliance of the SVE occupations and majors to the register of professional standards, these tables being elaborated by the Councils on professional qualifications. The participants will also have to initiate the renewal of the content of occupations and majors included into specifications, the exclusion of obsolete elements from the specifications and inclusion of new occupations and majors, corresponding to the increased technological level of the modern industry. The representatives of educational community and the employers will have to agree on the formats of the specifications, to approve the unified system of qualifications and coding of professional educational programs.

Conclusion

In compliance with the stated objective, the article proposes the approaches to describing qualifications of SVE graduates under the forming of the new Russian systems of qualifications. The research results are of great practical significance as they provide the scientific, methodological and organisational bases for modernisation of the current specifications of the SVE occupations and majors. In future, one of the significant scientific-practical tasks is actualisation of the specifications of the occupations and majors in which professional training is carried out, and its conjugation with specifications of all types and levels of professional educational programs, including the programs of higher education. An important direction of further research is the search for solutions which would enable to completely eliminate the occupations and majors specifications in the educational system. Under this approach, the education institutions could independently regulate and provide the necessary academic educational constituent for each professional sphere. In this case, the content of professional training of students would be regulated solely by the documents which regulate the labour sphere: professional standards, register of professional qualifications, provisions on independent evaluation of qualifications, etc.

References

1. Formirovaniye sistemy professionalnykh kvalifikatsiy: slovarno-spravochnoye posobiye = Formation of system of professional qualifications: Dictionary-reference book. Moscow: Publishing House Pero; 2016. 48 p. (In Russ.)
2. Blinov V. I., Batrova O. F., Esenina E. Yu., Faktorovich A. A. Metodicheskiye rekomendatsii po razrabotke professionalnykh obrazovatelnykh programm s uchetom trebovaniy professionalnykh standartov = Methodological recommendations for the development of vocational education programs taking into account the requirements of professional standards]. Moscow: Publishing House Pero; 2014. 53 p. (In Russ.)
3. Pilipenko S. A., Zhidkov A. A., Karavaeva E. V., Serova A. A. On the Correlation Between Federal Educational Standards of Higher Education and Profes-

sional Standards: Problems, Possible Approaches, Recommendation on Actualization. *Vyssheye obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2016; 6 (202): 5–15. (In Russ.)

4. Grebnev L. S. Academic and professional qualifications (Bologna Process and Russian legislation). *Vyssheye obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2006; 6: 6–15.

5. Bergan S. Kvalifikacii – osmyslenie ponjatija = Qualifications – comprehension of idea. Moscow: Publishing House AVANGLION-PRINT; 2012. 384 p. (In Russ.)

6. Mezhdunarodnaja standartnaja klassifikacija obrazovanija 2013 (MSKO 2013) = International Standard Classification of Education 2013. Moscow: UNESCO, Institute for Statistic; 2014. 97 p. (In Russ.)

7. Bergan S. Qualifications – Introduction to a concept. Strasbourg: Council of Europe Publishing; 2007. 274 p.

8. Maguire B. Issues arising from qualifications frameworks in Europe. In: *Irish Bologna Expert Conference “National Qualifications Frameworks and the European Overarching Frameworks: Supporting Lifelong Learning in European Education and Training”*; 2010 Apr 15; Dublin Castle, Ireland. 25 p.

9. The dynamics of qualifications: Defining and renewing occupational and educational standards. Cedefop panorama series [Internet]. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities; 2009 [cited 2012 May 12]. Available from: http://www.cedefop.europa.eu/EN/Files/5195_en.pdf

10. The shift to learning outcomes. Policies and practices in Europe. Cedefop Reference series; 72. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities; 2009. 170 p.

11. Using learning outcomes – discussion note. Prepared by GHK Consulting as part of the Framework Contract DG EAC 19/06. Main author: Mike Coles; Contributors: Tine Andersen, Karin Luomi-Messerer, Daniela Ulicna. 2010 Aug. 32 p.

12. Bologna process and EQF implementation. Development of qualifications Frameworks. Joint Meeting of National Correspondents (QF-EHEA) and National Coordination Points (EQF); 2010 Oct 26; Strasbourg.

13. Improvement of qualifications: On the way to systematisation: ETF [Internet]. [cited 2018 Oct 10]. Available from: [Qualifications_Publication_Refresh_2017_with_forms_RU.indd 140](#)

14. Blinov V. I., Batrova O. F., Esenina E. Yu., Faktorovich A. A. Modern approaches to the assessment of qualifications. *Vyssheye obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2013; 5: 100–106. (In Russ.)

15. Blinov V. I. Instruments of modernising the Russian national system of qualifications. *Obrazovatel'naya politika = Educational Policy*. 2011; 3 (53): 79–82. (In Russ.)

16. Formirovanie natsional'noi sistemy kvalifikatsii = Formation of the national system of qualifications. Moscow: Publishing House Pero; 72 p. (In Russ.)

17. Blinov V. I. National qualifications framework in the Russian Federation. *Vyssheye obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2008; 1: 44–51. (In Russ.)

18. Blinov V. I. Professional standards – from elaboration to implementation. *Vyssheye obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2015; 4: 5–14. (In Russ.)

19. Blinov V. I., Esenina E. Yu., Klink O. F., Kurteeva L. N., Satdykov A. I., Faktorovich A. A. Professionalniye standarty: ot idey k praktike = Professional standards: From ideas to practice. LAP LAMBERT Academic Publishing RU; 2017. 80 p. (In Russ.)
20. Sazonov B. A., Yatsenko V. E., Girinovich Yu. V. Obshcherossiyskiye klassifikatory v sfere obrazovaniya: formirovaniye, vedeniye, razvitiye = All-Russian classifications in education: Formation, maintaining, development. Moscow: Federal Institute of Education Development; 2006. 61 p. (In Russ.)
21. Sazonov B. A. Classification of professional educational programs in Russian Federation: State and possible perspectives. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = *Higher Education in Russia*. 2017; 11 (217): 20–30. (In Russ.)
22. Sazonov B. A. On the project of a new All-Russian classification of jobs according to education. In: *Inzhenernaya pedagogika: Sbornik nauchnykh trudov v 3 t.* = *Engineering Pedagogy. Collection of Scientific Works in 3 volumes*. Moscow: Center for Engineering Pedagogy of Moscow Administration Traffic Inspectorate; 2014; 16 (1): 194–198. (In Russ.)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Формирование системы профессиональных квалификаций: словарно-справочное пособие. Москва: Перо, 2016. 48 с.
2. Блинов В. И., Батрова О. Ф., Есенина Е. Ю., Факторович А. А. Методические рекомендации по разработке профессиональных образовательных программ с учетом требований профессиональных стандартов. Москва: Перо, 2014. 53 с.
3. Пилипенко С. А., Жидков А. А., Караваева Е. В., Серова А. В. Сопряжение ФГОС и профессиональных стандартов: выявленные проблемы, возможные подходы, рекомендации по актуализации // *Высшее образование в России*. 2016. № 6 (202). С. 5–15.
4. Гребнев Л. С. Академическая и профессиональная квалификации (Болонский процесс и российское законодательство) // *Высшее образование в России*. 2006. № 6. С. 6–15.
5. Берган С. Квалификации – осмысление понятия / под науч. ред. В. И. Блинова. Москва: АВАНГЛИОН-ПРИНТ, 2012. 384 с.
6. Международная стандартная классификация образования 2013 (МСКО 2013). Москва: Институт статистики ЮНЕСКО, 2014. 97 с.
7. Bergan S. Qualifications – Introduction to a concept. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2007. 274 p.
8. Maguire B. Issues arising from qualifications frameworks in Europe // Irish Bologna Expert Conference «National Qualifications Frameworks and the European Overarching Frameworks: Supporting Lifelong Learning in European Education and Training», 15 April 2010, Dublin Castle, Ireland. 25 p.
9. The dynamics of qualifications: defining and renewing occupational and educational standards. Cedefop panorama series. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2009. Available from: http://www.cedefop.europa.eu/EN/Files/5195_en.pdf (Accessed 12 May 2012).

10. The shift to learning outcomes. Policies and practices in Europe. Cedefop Reference series; 72. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2009. 170 p.

11. Using learning outcomes – discussion note. Prepared by GHK Consulting as part of the Framework Contract DG EAC 19/06. Main author: Mike Coles; Contributors: Tine Andersen, Karin Luomi-Messerer, Daniela Ulicna. August, 2010. 32 p.

12. Bologna process and EQF implementation. Development of qualifications Frameworks // Joint meeting of national correspondents (QF-EHEA) and national coordination points (EQF). Strasbourg, 26 October 2010.

13. Improvement of Qualifications: on the Way to Systematisation: ETF. Available from: Qualifications_Publication_Refresh_2017_with_forms_RU.indd 140 (Accessed 10 October 2018).

14. Блинов В. И., Батрова О. Ф., Есенина Е. Ю., Факторович А. А. Современные подходы к оцениванию квалификаций // Высшее образование в России. 2013. № 5. С. 100–106.

15. Блинов В. И. Инструменты модернизации российской национальной системы квалификаций // Образовательная политика / ФИРО. 2011. № 3 (53). С. 79–82.

16. Формирование Национальной системы квалификаций. Москва: Педро, 2014. 72 с.

17. Блинов В. И. Национальная рамка квалификаций в Российской Федерации // Высшее образование в России. 2008. № 1. С. 44–51.

18. Блинов В. И. Профессиональные стандарты: от разработки к применению // Высшее образование в России. 2015. № 4. С. 5–14.

19. Блинов В. И., Есенина Е. Ю., Клинк О. Ф., Куртеева Л. Н., Сатдыков А. И., Факторович А. А. Профессиональные стандарты: от идеи к практике / под общ. ред. В. И. Блинова. LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2017. 80 с.

20. Сазонов Б. А., Яценко В. Е., Гиринович Ю. В. Общероссийские классификаторы в сфере образования: формирование, ведение, развитие. Москва: ФИРО, 2006. 61 с.

21. Сазонов Б. А. Классификация профессиональных образовательных программ: состояние и возможные перспективы // Высшее образование в России. 2017. № 11 (217). С. 20–30.

22. Сазонов Б. А. О проекте нового Общероссийского классификатора специальностей по образованию // Инженерная педагогика: сборник научных трудов: в 3 т. / Центр инженерной педагогики МАДИ. Вып. 16. Т. 1. Москва, 2014. С. 194–198.

Information about the authors:

Vladimir I. Blinov – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Center for Vocational Education and Qualifications Systems, Federal Institute for Development of Education of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. E-mail: blinov-vi@ranepa.ru

Larisa N. Kurteeva – Candidate of Pedagogical Sciences, Leading Researcher of the Center for Vocational Education and Qualifications Systems, Federal Institute for Development of Education of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. E-mail: kurteeva-ln@ranepa.ru

Boris A. Sazonov – Candidate of Engineering Sciences, Leading Researcher of the Center for Vocational Education and Qualifications Systems, Federal Institute for Development of Education of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. E-mail: sazonov-ba@ranepa.ru

Contribution of the authors:

Blinov V. I. and Kurteeva L. N. – concept of updating the professions specifications under the formation of a new qualifications system; Sazonov B. A. – proposals on the description of qualifications of SVE graduates.

Received 26.06.2018; accepted for publication 14.11.2018.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация об авторах:

Блинов Владимир Игоревич – профессор, доктор педагогических наук, руководитель Центра профессионального образования и систем квалификаций Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Москва, Россия. E-mail: blinov-vi@ranepa.ru

Куртеева Лариса Надировна – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Центра профессионального образования и систем квалификаций Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Москва, Россия. E-mail: kurteeva-ln@ranepa.ru

Сазонов Борис Алексеевич – кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Центра профессионального образования и систем квалификаций Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Москва, Россия. E-mail: sazonov-ba@ranepa.ru

Вклад соавторов.

Блинов В. И., Куртеева Л. Н. – концепция актуализации перечней профессий и специальностей в условиях становления новой системы квалификаций; Сазонов Б. А. – предложения по модернизации системы классификации профессиональных образовательных программ.

Статья поступила в редакцию 26.06.2018; принята в печать 14.11.2018.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ОБРАЗОВАНИЕ И ЭКОНОМИКА

УДК 338.24.021.8

DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-50-75

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Г. Ю. Пешкова¹, А. Ю. Самарина²

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия.*

E-mail: ¹pgu59@mail.ru; ²anna.yusa@yandex.ru

Аннотация. Введение. Стремительно развивающаяся цифровая экономика, проникающая во все сферы жизнедеятельности в современном обществе, порождает потребность в системных технологических прорывах и освоении новых способов обработки информации. Процесс тотальной цифровизации неизбежно меняет структуру занятости населения и образовательную среду как поставщика кадров, которые будут работать в совершенно иных по сравнению с прежними условиях.

Цели проведенного авторами статьи исследования – выявить проблемы, с которыми сталкивается или может столкнуться проводимая в России политика цифровизации, и сформулировать приемлемые варианты их решения.

Методология и методики. В ходе работы применялись методы теоретического исследования: абстрагирование, синтез, анализ и обобщение.

Результаты. Рассмотрено взаимодействие систем образования и науки в области подготовки кадровых ресурсов на этапе цифровой модернизации российской экономики. Проанализированы влияние цифровизации на изменение перечней специальностей и компетенций, востребованных работодателями, и степень готовности РФ к новому технологическому укладу. Исходя из этого выявлены перспективные направления в высшем образовании и кадровой политике на уровнях предприятия и государства. Сделан вывод о том, что грамотная политика подготовки кадров – неотъемлемая составляющая цифровизации экономики. Эффективность реализации описанной авторами стратегии подразумевает системный подход к организации обучения персонала для предприятий в активно трансформирующихся экономических условиях. Важным элементом данного подхода является рациональное использование человеческих ресурсов. Без должного внимания к тому, какие профессии и специальности становятся наиболее актуальными и ценными в кардинально преобразующихся реалиях, невозможно преодоление угроз цифровой эконо-

мики, заключающихся в одновременных структурной безработице и сопровождающем ее дефиците квалифицированных специалистов.

Научная новизна. Уникальность цифровой экономики состоит в том, что она в силу гибкости технологий позволяет оптимизировать производство и потребление его продукции за счет быстродействия и консолидации информационно-вычислительных систем. Появляется возможность поступательно увязывать в единое целое социально-экономические процессы и целенаправленно управлять ими. Обоснована необходимость структурных изменений в системе подготовки кадров. Подчеркивается, что возглавить поиск решения такой серьезной проблемы, как ожидаемая с большой долей вероятности структурная безработица, вызванная распространением новых технологий, должны высшие учебные заведения, так как именно они обеспечивают качественное формирование необходимых работникам специализированных компетенций. Вузам не следует ждать от государства готовых стандартов и рекомендаций. Наоборот, они должны самостоятельно и безотлагательно приступить к организации обучения конкурентоспособных специалистов, опираясь на инновационный опыт лидеров цифровых трансформаций и тесно сотрудничая с бизнесом. Тщательно обдуманная, учитывающая современные тенденции образовательная политика поможет не только сбалансированно наполнить специалистами рынок труда, но и предотвратить социальный коллапс.

Практическая значимость. На примере деятельности отдельных вузов продемонстрированы способы функционирования высшей школы в соответствии с трендами развития экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, кадровая политика, информационные технологии, интеллектуальная собственность, цифровая трансформация, Интернет вещей, биткойны, стратегия развития экономики, компетенции.

Благодарности. Авторы выражают благодарность ректору Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения Ю. А. Антохиной за помощь в проведении исследования.

Для цитирования: Пешкова Г. Ю., Самарина А. Ю. Цифровая экономика и кадровый потенциал: стратегическая взаимосвязь и перспективы // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 10. С. 50–75. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-50-75

DIGITAL ECONOMY AND RECRUITMENT POTENTIAL: STRATEGICAL INTERCONNECTION AND PROSPECTS

G. Yu. Peshkova¹, A. Yu. Samarina²

*Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Saint-Petersburg, Russia.*

E-mail: ¹pqu59@mail.ru; ²anna.yusa@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* Nowadays, information technologies are developing rapidly. This process affects practically all spheres of life and causes the need of system technological revolutions and modern methods of data processing. A process of digitalisation inevitably changes the structure of population employment and the educational environment as being provider of new HR-recourses.

The *aims* of the research were to identify the problems of the digitalisation policy in Russia and to formulate possible solutions.

Methodology and research methods. The methods of theoretical investigation were used: abstraction, synthesis, analysis and generalisation.

Results. The interaction of education systems and science in the field of preparation of HR-recourses at the stage of digital modernisation of the Russian economy is considered. The impact of digitalisation on vacancies and competences needed and the level of preparedness of Russia for the new technological mode are analysed. The perspective directions of higher education and recruitment policy of enterprise and the whole state are identified. The authors have come to the conclusion that rational recruitment policy is an essential part of Russian economy's digitalisation. The efficiency of realisation of this strategy requires system-based approach to the organisation of staff training for the enterprises in actively changing economic conditions. HR management has become an extremely important element of this system. It is impossible to manage with such digitalisation risks as structural unemployment and – at the same time – deficit of highly-qualified specialists without paying attention to what HR-market requires.

Scientific novelty. The originality of digital economy is in its optimising effect on production and consumption possible because of operativeness and consolidation of information and computing systems. There has appeared an opportunity to manage socio-economic processes systematically. The necessity of structural changes in HR-market is proved. Moreover, high schools should head the process of overcoming the expected structural unemployment caused by new technologies appearing, i.e. they provide high-quality education of specialised competencies necessary for workers, in particular. Universities must not wait for the government to work out and present new standards and recommendations. On the contrary, high schools ought to independently and urgently initiate the organisation of competitive experts training and to form innovative methods of education of new specialists by cooperating with business sphere and taking examples of digital leaders. To sum up, sensible approach to educational policy can solve the problem of balancing the HK-market and prevent social disturbance.

Practical significance. On the example of activity of separate higher education institutions, the ways and models of functioning of the higher school are shown according to economic tendencies.

Keywords: digital economy, recruitment policy, information technologies, intellectual property, digital transformation, Internet of things, bitcoins, strategy of economic development, competencies.

Acknowledgements. The authors wish to thank sincerely the Rector of Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Antokhina Yu. A, for the help to carry out the present research.

For citation: Peshkova G. Yu., Samarina A. Yu. Digital economy and recruitment potential: Strategical interconnection and prospects. *The Education and Science Journal*. 2018; 10 (20): 50–75. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-50-75

Введение

Развитие информационных технологий в XXI веке стало причиной возникновения новой, цифровой реальности. Данные технологии меняют существующие отношения и институты: вместо привычных процедур используются дистанционные государственные услуги, безналичные финансовые операции, типовая юридическая помощь на основе роботизированных программ и многое другое. Появились и принципиально новые понятия, такие как цифровая экономика, биткойны, Интернет вещей.

Новая реальность требует модернизации нормативно-правового регулирования общественных отношений. На смену традиционной правовой базе приходит так называемое «право второго модерна», или право второго поколения (социально-экономические и культурные права в дополнение к личным и политическим). В частности, фундаментальные права человека порождают «цифровые права», т. е. права, связанные со свободным использованием электронных устройств и коммуникационных сетей, созданием и публикацией цифровых произведений, обеспечением конфиденциальности и анонимности оцифрованной персональной информации гражданина [1].

Таким образом, тотальное внедрение информационных технологий неизбежно вызывает многочисленные и разнообразные изменения в экономической, политической и социальной сферах жизни общества.

В статье обозначены проблемы, с которыми сталкивается или может столкнуться проводимая в России политика цифровизации, рассмотрены роли и задачи участников процесса создания нового технологического уклада, представлены примеры их взаимодействия и варианты преодоления сложностей на пути формирования информационного общества.

Цифровая трансформация экономики

Курс на цифровизацию жизни российского общества был провозглашен на государственном уровне. Так, в целях реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–

2030 годы распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹.

Данной программой определены такие цели, как создание так называемой «экосистемы» цифровой экономики, устранение ограничений и препятствий для появления и развития высокотехнологичных видов бизнеса, а также укрепление позиций экономики России в целом и отдельных отраслей в частности в мировой экономической системе.

Исходя из заявленных целей было определено пять базовых направлений развития: нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технических заделов, информационная инфраструктура и информационная безопасность.

К сожалению, степень исследованности проблемы использования кадрового потенциала в условиях цифровизации не соответствует ее значимости. Пока проблема находится на стадии ее обсуждения и разработки пробных программ подготовки кадров. В то же время острый дефицит специалистов необходимого профиля и требуемой квалификации, который может привести к серьезным социальным трудностям, прогнозируется уже в ближайшие годы.

В этом аспекте следует упомянуть так называемый парадокс производительности информационных технологий, т. е. тенденцию, выявленную еще в 1987 г. Робертом Солоу (автором модели Солоу, лауреатом Нобелевской премии «за фундаментальные исследования в области теории экономического роста», профессором Массачусетского технологического института). Она заключается в том, что компьютеризация демонстрирует свою неспособность повысить производительность труда. Приведем лаконичное высказывание ученого: «Везде видны признаки наступления компьютерной эпохи, кроме статистики производительности» [2, р. 33–34]. Названный парадокс проявляется и по сей день; сейчас его можно истолковать как необходимость разработки специальных образовательных принципов и программ, базирующихся на применении цифровых технологий.

Другими словами, проведение политики цифровизации не означает, что качественные изменения в российской экономике и российском обществе произойдут сами собой. Высшей школе следует выступить локомотивом в разработке новых методик обучения для подготовки кадров новой формации, а государству – принять необходимые организационные и сти-

¹ Цифровая экономика: проблемы и перспективы нормативного регулирования // Российский инвестиционный форум [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://rusinvestforum.org/news/tsifrovaya-ekonomika-problemy-i-perspektivy-normativnogo-regulirovaniya/> (дата обращения: 09.03.2018).

мулирующие меры для их скорейшего повсеместного внедрения. Лишь при этом условии «дигитализация» России даст свои плоды, в первую очередь экономические, за счет сбалансированного рынка трудовых ресурсов.

Российский экономист, советник президента РФ по вопросам региональной экономической интеграции, член Национального финансового совета Банка России, академик Российской академии наук С. Ю. Глазьев убежден, что ключевым фактором, обеспечивающим рост экономики на современном этапе ее развития, является интеллектуальная собственность. Страны, реализующие наукоемкие товары, получают так называемую интеллектуальную ренту и инвестируют ее на укрепление своих конкурентных преимуществ. И, наоборот, государства, продающие на мировом рынке в основном сырье, лишаются невозпроизводимых ресурсов, а покупая товары с долей интеллектуальной ренты, фактически импортируют инфляцию.

Статистические данные свидетельствуют о том, что мировой рынок интеллектуальной собственности растет темпами, превышающими темпы роста «материальных» рынков, – более чем на 10% в год. По мнению Александра Журавского, заместителя министра культуры РФ, Россия, изучая опыт других стран и отслеживая основные тенденции развития экономики, сама может служить примером и являться законодателем лучших практик, направленных на всестороннее развитие сферы интеллектуальной собственности. К примеру, А. Журавский утверждает, что Россия первой запустила «интеллектуальный блокчейн»¹.

Это стало возможным благодаря сотрудничеству Ассоциации IPChain (Национальный координационный центр обработки транзакций с правами и объектами интеллектуальной собственности) и Суда по интеллектуальным правам (СИП), которые подписали соглашение о партнерстве. Данный документ говорит о совместном развитии института интеллектуальной собственности как ключевого ресурса, необходимого для перехода к цифровой экономике [3].

Значительным потенциалом обладает создание инфраструктуры для сферы интеллектуальной собственности: это позволит создать новый рынок и обеспечить его развитие. Вследствие конкуренции повысится уровень качества объектов интеллектуальной собственности, которые станут более привлекательными для потребителя.

¹ IPChain запускает сеть интеллектуального блокчейна // Comnews [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.comnews.ru/digital-economy/content/112884/news/2018-04-28/ipchain-zapuskaet-set-intellektualnogo-blokcheyna> (дата обращения: 11.07.2018).

Несомненно, развивать цифровую экономику целесообразно в сотрудничестве со странами-партнерами. Страны Евразийского экономического союза сделали ставку на разработку и применение «сквозных технологий», способных многократно усилить эффект от финансирования исследований. При этом ключевым ресурсом, разумеется, является интеллектуальная собственность. Субъектами процесса становятся участники рынка ЕАЭС, национальные и межгосударственные институты развития, бизнес-структуры. Все они создают новую инфраструктуру и инструменты, которые позволяют реализовать проект цифровой экономики для евразийского пространства.

Сегодня уже существует единый координирующий орган – Совет по цифровой экономике и интеллектуальной собственности при Ассамблее народов Евразии. Он предложил пошаговый алгоритм для глобальной цифровой трансформации и повышения конкурентоспособности ЕАЭС через реализацию стратегической программы развития института интеллектуальной собственности.

Если рассматривать деятельность России по цифровизации своей экономики в аспекте международной экономической интеграции, можно отметить ее крепкие исторические и культурные связи со многими странами ЕЭС, которые обуславливают традиционно большие объемы оборота объектов интеллектуальной собственности. Особенно яркими примерами служат разносторонние связи России с Белоруссией, проявившиеся, в частности, в создании Союзного государства, а также взаимодействие нашей страны с Казахстаном. Следовательно, тиражирование лучших практик и уже имеющихся наработок позволит значительно укрепить международное сотрудничество и, что немаловажно, сохранить его взаимную выгоду [3].

Однако в первую очередь необходимо сосредоточиться на мероприятиях национального уровня, направленных на цифровизацию российской экономики, поскольку согласно статистическим данным реализации стратегии развития цифровой экономики может препятствовать кадровый дефицит [4] (рис. 1).

Даже сами названия специальностей, которые станут востребованными в ближайшем будущем, пока воспринимаются как непривычные и футуристичные. Тем не менее очевидно, что все отрасли претерпевают изменения под воздействием новых технологий и бизнес-моделей. Эффективность этих изменений находится в прямой зависимости от гибкости кадровой политики компаний, т. е. ее переориентации на поиск и удержание цифровых специалистов.

На грядущий кадровый дефицит в цифровой сфере указывают представители как государства, так и бизнеса. К примеру, директор Фонда развития интернет-инициатив Кирилл Варламов считает, что в связи с цифровизацией российской экономики страна может испытать одновременно и безработицу, и нехватку квалифицированных специалистов.

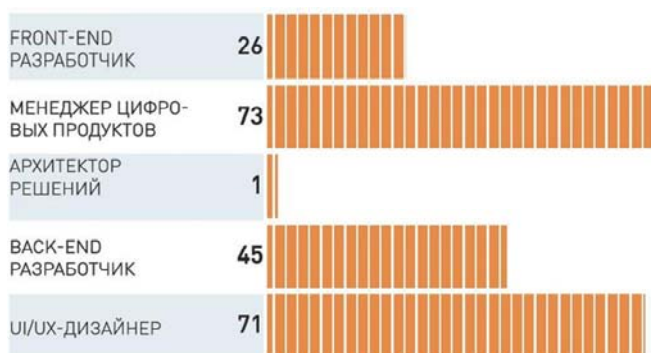

Рис. 1. Прогноз дефицита цифровых специалистов к 2020 г., %

Fig. 1. Projected deficit of digital specialists by 2020, %

Технологии продолжают развиваться и, как полагают эксперты The Boston Consulting Group (BCG), получить их будет относительно просто, а вот специалистов, умеющих правильно пользоваться этими технологиями, будет не хватать во всем мире уже к 2020 году. (см. рис. 1). По данным Gartner, из-за нехватки цифровых профессионалов 30% позиций в технологической сфере будут оставаться вакантными. Сотрудниками BCG установлено, что сегодня только 25% ИТ-профессионалов, представленных в рекрутинговых онлайн-базах данных, работают в компаниях с численностью персонала более 10 тысяч человек.

Взаимодействие бизнеса и высших учебных заведений

Эксперты считают, что в условиях происходящей трансформации рынка труда бизнес-сообществу целесообразно проводить кадровую политику по двум основным направлениям: растить специалистов внутри своей компании или привлекать их извне для решения конкретных задач. Старший консультант компании Odgers Berndtson Ирина Милехина полагает, что в некоторых случаях компании могут нанимать студентов и выпускников

высших учебных заведений. При этом представители бизнеса должны в сотрудничестве со специалистами высшего образования и науки создавать в вузах специализированные кафедры и разрабатывать учебные программы.

В качестве примера можно привести совместную образовательную программу «Техносфера», реализуемую Mail.Ru Group и МГУ им. Ломоносова. Она направлена на получение студентами практических знаний в сфере современных интернет-технологий. Заявленная цель состоит в подготовке квалифицированных специалистов в области анализа больших объемов данных. Участие в проекте позволит студентам приобрести навыки программирования сайтов, создания собственных баз данных (БД) и поисковых систем, тестирования приложений, обеспечения безопасности сайтов, многопоточного программирования. Все эти компетенции, помимо несомненного развития личностного потенциала, повышают конкурентоспособность при устройстве на работу в интернет-компаниях. Важно отметить, что участие в проекте бесплатное, и эта возможность предоставляется только для студентов университета. По окончании обучения выдается диплом проекта «Техносфера»¹.

В данный момент по основной программе и на открытых курсах учатся 178 студентов. Они изучают 15 дисциплин, в том числе программирование на C++, многопоточное программирование и технологии построения систем информационного поиска. Сотрудники Mail.Ru Group (32 преподавателя) ведут авторские курсы. Прочитаем Д. Гришина, Председателя совета директоров этой компании: «Такие проекты, как «Техносфера», важны и для рынка в целом, и в первую очередь для самих студентов. У молодых специалистов должна быть возможность общаться с экспертами отрасли, пробовать свои силы в реальных проектах, иметь перед глазами вдохновляющие примеры»².

Другим образцом взаимодействия является совместная программа Высшей школы экономики и «Школы анализа данных» компании «Яндекс». Сотрудничество НИУ ВШЭ и «Яндекса» началось в 2008 г. В 2011 г. в структуре отделения прикладной математики и информатики НИУ ВШЭ была открыта базовая кафедра компании. В 2014 г. отделение прикладной математики и информатики и базовая кафедра вошли в состав факультета компьютерных наук НИУ ВШЭ. Кафедра готовит востребованных в IT-индустрии специалистов в области анализа данных и извлечения информации из Интернета.

¹ Проект «Техносфера». ВМК МГУ [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://cs.msu.ru/news/1795> (дата обращения: 12.07.2018).

² О проекте. Техносфера@Mail.ru [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://sphere.mail.ru/pages/about/> (дата обращения: 12.07.2018).

Преподаватели кафедры совмещают научную работу с преподаванием в «Школе анализа данных» и работой в «Яндексе», что позволяет им заниматься актуальными задачами и применять на практике свои научные достижения.

На кафедре изучаются не только автоматическое индексирование и поиск информации (текстов, ссылок, логов, изображений, сигналов, социальных сетей и пр.), но и современные методы работы со сложными данными. Также уделяется внимание агрегированию данных, их автоматической классификации, извлечению информативных факторов, теории принятия решений и другим интеллектуальным моделям и методам.

Студенты кафедры получают и фундаментальные математические знания: в первую очередь в области дискретной математики, теории вероятностей и математической статистики. Кроме того, они учатся классическим и современным методам и приемам программирования.

С 2018 г. в магистратуре кафедры действуют два трека: базовый и продвинутый. Базовый трек подходит тем, кто только начинает свой путь в DataScience; они получают фундаментальную подготовку в области анализа данных. Продвинутый трек предназначен для тех, кто уже программирует и уверенно разбирается в машинном обучении.

Несомненным плюсом для студентов является то, что во время или после обучения им предоставляется возможность пройти стажировку или практику в «Яндексе».

К основным направлениям образовательной и научной деятельности кафедры относятся:

- машинное обучение и информационный поиск;
- алгоритмы и большие данные;
- компьютерное зрение;
- дискретная математика и теория оптимизации;
- компьютерная лингвистика;
- математические методы в рекламных технологиях¹.

Среди зарубежных вузов, действующих в соответствии с тенденцией цифровизации, выделяется MIT (Massachusetts Institute of Technology – Массачусетский технологический институт). В студенческих командах этого университета Analytics Lab (A-Lab) обучающиеся выбирают тему проекта и выполняют его с использованием аналитики, машинного обучения и других цифровых технологий, применяемых для решения бизнес-задач. Частью на-

¹ О кафедре – Базовая кафедра Яндекс // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://cs.hse.ru/big-data/yandex/about> (дата обращения: 12.07.2018).

бора учебных пособий MIT Sloan School of Management является курс, созданный аспирантами MIT, работающими в области аналитики.

В течение первых трех лет существования A-Lab привлекла в общей сложности 150 студентов из десятка отделов MIT для работы над более чем 40 проектами, охватывающими IoT, цифровые технологии, платформы, финансы, электронную коммерцию, розничную торговлю, производство, медицинское оборудование, безопасность труда и глобальное здравоохранение.

Некоторые проекты тесно связаны с проблемой сложного выбора, дилеммами, с которыми сталкиваются многие организации. Это требует от студентов быстрого понимания конкретных бизнес-обстоятельств на основе выполнения их описательного, предсказательного или причинного анализа. Другие проекты более открытые, и студентам в ходе их выполнения приходится определять ценность имеющейся информации в постоянно меняющихся условиях, а также намечать ориентиры будущих возможностей для бизнеса¹.

Современная экономическая ситуация, во-первых, требует наличия у кандидатов на ключевые должности таких качеств, как самостоятельность, способность работать в условиях неопределенности. Во-вторых, важным фактором становится умение рекрутеров разбираться в тех позициях, по которым ведется поиск претендентов на эти должности. В целом подбор работников на современном рынке труда отличается от прежних схем тем, что HR-специалисты всё чаще практикуют не поиск отдельных сотрудников, а создание команды специалистов, способной дать совокупный экономический эффект.

Если для компании принципиально наличие опыта работы у требуемых сотрудников, она может искать их в фирмах, для которых IT-сфера является «родной». Так поступали представители прогрессивной по своей сути банковской отрасли – «Сбербанк», «Тинькофф Банк» или «Альфа-Банк». Большим потенциалом в этом плане обладают также телекоммуникационные компании: «Яндекс», «Mail.ru Group» и «Лаборатории Касперского»².

Иллюстрацией взаимодействия бизнеса и вузов может служить заключение соглашения о сотрудничестве, которое 18 апреля 2018 г. подписали президент группы компаний «InfoWatch» Н. И. Касперская и ректор Государ-

¹ Education // MIT Initiative on the Digital Economy [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://ide.mit.edu/education> (дата обращения: 01.12.2018).

² О кафедре – Базовая кафедра Яндекс // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://cs.hse.ru/big-data/yandex/about> (дата обращения: 12.07.2018).

ственного университета аэрокосмического приборостроения (ГУАП) Ю. А. Антохина. «InfoWatch» – отечественный лидер на рынке комплексных решений по обеспечению информационной безопасности. В рамках коалиционной работы двух организаций, которая велась и раньше, в Инженерной школе Интернета вещей ГУАП состоялось открытие Совместной исследовательской лаборатории кибербезопасности ГУАП-InfoWatch. Ее деятельность призвана способствовать реализации идей по продвижению продуктов информационной безопасности на основе создания мини-прототипов, их концептуальной отработки и обоснования эффективности.

Зачастую задачи, стоящие перед компанией-разработчиком, требуют научной вовлеченности и понимания того, что именно нужно изменить в организации для получения большей продуктивности очередного проекта. У организации не всегда хватает на это времени. Для поиска свежих идей решено было привлечь студентов: таким образом лаборатория позволит развивать научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы инновационной и образовательной направленности в области защиты информации с использованием технологий InfoWatch¹.

Описанный пример свидетельствует о том, что компании, заботящиеся о своей перспективе, осознают: готовиться к новому технологическому укладу нужно уже сейчас, самым осуществляя цифровизацию и проводя грамотную внутреннюю кадровую политику. Для того чтобы состоялась глобальная качественная трансформация, сотрудники компаний должны быть способны к обучению, освоению новых знаний. И эта способность даже более значима, чем владение конкретными компетенциями [5, с. 16].

На вопрос, какие навыки фактически станут обязательными для кандидатов на востребованные должности в ближайшем будущем, эксперты отвечают, что помимо компьютерной грамотности при трудоустройстве практически каждый работодатель будет обращать внимание на способность потенциального сотрудника работать с информацией. Это широкая область, включающая в себя технологии в сфере искусственного интеллекта и анализа больших данных. Даже рядовому персоналу понадобится знание соответствующих прикладных технологий, навыки и умение работать с нейронными сетями, а также владение распространенными языками программирования. Массово осваивать эти компетенции нужно уже сейчас [6]. Только при таком подходе человеческий капитал действительно сможет стать основой экономики будущего.

¹ ГУАП и InfoWatch – сотрудничество на высшем уровне // ГУАП [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://new.guap.ru/pubs/1934> (дата обращения: 11.07.2018).

В Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения цифровизация стратегического и оперативного управления финансами реализуется с помощью системы «Личный кабинет материально ответственного лица». Данная система не только оптимизирует деятельность специалистов бухгалтерии университета и материально ответственных лиц, но, являясь элементом внутреннего финансового контроля, повышает эффективность процесса управления функционированием ГУАП в целом. То есть элемент цифровой экономики решает достаточно традиционные для системы задачи.

Готовность общества к цифровой трансформации чаще всего определяется наличием достаточного количества людей, осознающих открывающиеся благодаря применению «сквозных» технологий возможности. Их обозначают с помощью специального термина – лидеры цифровой трансформации, или CDO (chief digital/data officer). Как правило, они представители сфер жесткой конкуренции: в таких областях цифровизация проходит быстрее, так как у рыночных игроков есть большая мотивация повысить свою производительность [7].

В целях реализации стратегии цифровой трансформации отраслей в России постановлением Правительства РФ от 15.08.2017 № 969 сформирована подкомиссия по цифровой экономике при Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности¹.

По поручению данной подкомиссии при Автономной некоммерческой организации «Цифровая экономика» (АНО ЦЭ) создан совет по цифровой трансформации экономики. Его задача заключается в оценке команд по цифровизации и предлагаемых ими сценариев, а также в подготовке рекомендаций правительству относительно перспективных направлений данной деятельности. На сегодняшний день совет рекомендовал для включения в программу такие направления, как «Цифровое здравоохранение» и «Цифровой транспорт и логистика», в работе находится еще ряд заявок – от цифрового сельского хозяйства и электронной коммерции до цифровой энергетики и промышленности.

Прямой экономический эффект от цифровизации оценить довольно сложно, так как программа затрагивает все сферы жизнедеятельности. Бо-

¹ Об инструменте оперативного управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Документы – Правительство России [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/28824/> (дата обращения: 11.07.2018).

лее корректным будет предположить наличие ее косвенного воздействия на экономику и жизнь за счет повышения качества и продуктивности функционирования существующих отраслей. Масштаб влияния демонстрирует прогноз McKinsey, согласно которому в результате цифровизации экономики России ВВП может вырасти к 2025 году на триллионы рублей¹.

Влияние процесса цифровизации на сферу образования

Большой интерес представляют образцы цифровой трансформации образования, которые, несомненно, вносят свой вклад в глобальные изменения. Среди них можно упомянуть внедрение технологий «умного города» в московских школах, которые расширяют возможности учащихся и их родителей; использование карт «Москвенок», автоматизирующих отслеживание посещаемости путем учета проходов учеников в школу по карте; внедрение электронных журналов и дневников, позволяющих получать актуальную информацию об успеваемости. Эти нововведения уже стали частью повседневной жизни не только в Москве, но и в Санкт-Петербурге и других городах России. Однако для достижения цели (успешной цифровизации) необходим единый стратегический подход к созданию и внедрению всех элементов «умного города». При этом даже эксперты признают, что универсальной методики для этого не существует.

Качественные изменения в сфере цифровой трансформации можно оценивать в категориях пользы для бизнеса и пользы для граждан. Для населения, как свидетельствуют вышеприведенные примеры, целесообразны в первую очередь отраслевые инициативы, например развитие дистанционной медицины и точной диагностики в здравоохранении, сервисов формата «Яндекс.Такси» в транспорте и логистике, повышение эффективности энергетики, образования и многих других сфер жизнедеятельности. Развитие цифровой экономики наряду со снижением стоимости услуг означает повышение комфорта и качества жизни и при этом обеспечение безопасности в новом цифровом мире.

Однако даже самые оптимистичные прогнозы рискуют остаться нереализованными, если не изменится доля цифровизации большинства сфер жизнедеятельности в нашей стране. Вызывает опасения следующая статистика: вклад цифровой экономики в ВВП России составляет на сегодняшний день всего 3,9%, а это в 2–3 раза ниже, чем в ЕС и США. При таком раскладе очевидна необходимость поиска драйвера цифровизации,

¹ The Power of Three: The EY G20 Entrepreneurship Barometer 2013, EY; 2013. Available from: <https://www.ey.com/gl/en/services/strategic-growth-markets/the-ey-g20-entrepreneurship-barometer-2013>.

т. е. ключевого фактора, который сделает переход к новому технологическому укладу возможным.

Переход к цифровой экономике в России сопровождается множеством проблем, среди которых отсутствие глобальных цифровых платформ и небольшая доля компаний, работающих на высокотехнологичных рынках. Блокчейн и Bigdata – это еще не цифровая экономика, а всего лишь ее пионеры. Как утверждается в экспертном докладе «Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире», подготовленном Союзом «Молодые профессионалы» (Ворлдскиллс Россия), для достижения поставленной цели требуется инфраструктура цифрового взаимодействия всех субъектов промышленного производства.

Относительно структурных изменений занятости населения в ближайшем будущем прогнозируется рост в таких сферах, как креативная экономика, цифровая и виртуальная экономика, восстановление экологии, человекоориентированные сервисы во вновь формирующемся технологическом секторе [8]. Будут возникать новые сферы деятельности, ориентированные на реализацию творческого потенциала человека.

В докладе специалистов «Global Education Futures» и «World Skills Russia» перечислены базовые навыки, которые в XXI веке понадобятся сотруднику практически на любой должности:

- концентрация и управление вниманием (они необходимы, чтобы справляться с информационной перегрузкой и управлять сложной техникой);
- эмоциональная грамотность (понимание своих эмоций и эмпатия помогут взаимодействовать с коллегами);
- цифровая грамотность (будет столь же востребована, как способность писать и читать);
- креативность (при автоматизации рутинной деятельности на любой работе будет все больше необходимости мыслить нестандартно и создавать новое);
- экологическое мышление (важно понимать связность мира, воспринимать свою деятельность в контексте всей экосистемы, поддерживать эволюционные процессы);
- кросскультурность;
- способность к самообучению (в быстро меняющемся мире человеку придется продолжать обучение в течение всей жизни, иногда самостоятельно приобретая новые умения)¹.

¹ Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире [Электрон. ресурс]. Режим доступа: https://futuref.org/futureskills_ru (дата обращения: 12.07.2018).

Перечисленные навыки не являются необходимыми при выполнении рутинных физических или интеллектуальных задач, однако в будущем их количество сократится. Соответственно, биржа труда будет предъявлять к соискателям вышеназванные требования.

Данный тезис подтверждается результатами исследования компании SuperJob. Они свидетельствуют о том, что с 2018 г. количество предложений для сотрудников низкой квалификации каждый год будет снижаться на 5%, при этом общий уровень реальной безработицы в России к 2022 г. может вырасти до 20–25%, т. е. существует риск, что около четверти трудоспособного населения останется без работы, а спрос на специалистов высокой квалификации будет только увеличиваться.

Ежегодный рост числа требуемых работников в мировом масштабе по основным перспективным направлениям выглядит следующим образом:

- большие данные – 2,95%;
- мобильный Интернет и облачные технологии – 2,47%;
- Интернет вещей – 2,27%;
- автоматизация производства – 0,36%¹.

Очевидно, что в связи с этими структурными изменениями для обеспечения высокого уровня занятости населения потребуются кардинальная перестройка рынка труда [9].

Как уже было сказано выше, современный этап развития экономики характеризуется стремительным ростом значимости знаний, которыми располагает организация и носителями которых являются ее сотрудники.

Выделяются четыре основные тенденции развития экономики:

- 1) урбанизация населения;
- 2) рост предпринимательской активности;
- 3) развитие цифровых технологий;
- 4) рост значимости человеческих ресурсов.

Данные тенденции являются основными движущими силами инновационного развития экономики в целом [10].

Цифровые технологии оказывают существенное влияние на трансформацию практически всех сфер жизнедеятельности. Клаус Шваб, немецкий экономист, основатель и бессменный президент Всемирного экономического форума в Давосе, справедливо отмечает, что «урок первой промышленной революции остается сегодня по-прежнему актуальным: главным показателем прогресса до сих пор является мера принятия обществом технологических новшеств» [11].

¹ Future Trends and Market Opportunities in the World's Largest 750 Cities: Oxford Economics; 2014. Available from: <https://www.oxfordeconomics.com/cities/report>.

Не подлежит сомнению, что цифровизация становится ключевым фактором экономического роста как для бизнеса, так и для государства. В настоящее время осуществляется переход от внедрения отдельных технологий к комплексному построению цифровой экосистемы в масштабах всей страны. Данный процесс обсуждался на Петербургском цифровом форуме, который состоялся 18–19 апреля 2018 г. Это первое подобное мероприятие, но, судя по количеству пожелавших принять в нем участие, далеко не последнее. Среди секций форума можно назвать такие, как «Цифровые финансы», «Кадры для цифровой экономики», «Цифровой город». Спикерами выступили губернатор Санкт-Петербурга Г. Полтавченко, министр связи и массовых коммуникаций РФ Н. Никифоров, президент группы компаний «Info-Watch» Н. Касперская, ректор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения Ю. Антохина, глава «Сбербанка» Г. Греф и многие другие. Среди наиболее значимых дискуссионных тем можно отметить «Образование будущего», «Прозрачность цифрового будущего», «Роль блокчейна в цифровой экономике».

В рамках последовательного проведения политики цифровизации в России 8–9 июня 2018 г. в Курске состоялся Среднерусский экономический форум (СЭФ), проводящийся с 2012 г. и уже ставший традиционным событием. Его организация осуществляется Администрацией Курской области, Министерством экономического развития РФ, Информационным агентством АК&М при поддержке аппарата полномочного представителя Президента РФ в ЦФО и Торгово-промышленной палаты России. В работе VII СЭФ, который собрал на своей площадке более 2500 человек, приняли участие делегации регионов Центральной России и стран-партнеров. Тема мероприятия – «На пути к экономике знаний» – стала продолжением дискуссий предыдущих форумов, посвященных человеческому капиталу, сохранению наследия для будущих поколений, прорывным технологиям и цифровой трансформации, экономической и продовольственной безопасности, межрегиональному сотрудничеству и другим вопросам. Показательно, что одна из дискуссионных панелей СЭФ-2018 носила название «Интеграция науки и образования, управление наукой в условиях цифровизации, развитие образовательного кластера»¹.

Организация данного форума на регулярной основе свидетельствует о том, что проблема цифровизации российской экономики является стра-

¹ В центре внимания VII СЭФ – экономика знаний // Экономика и жизнь. 2018. № 20 (9736).

тегически важной и потому должна обсуждаться на самом высоком уровне с привлечением представителей власти, бизнеса, науки, работников образовательной сферы и рекрутинга.

В мировом рейтинге цифровой конкурентоспособности (составляется IMD, Международным институтом управленческого развития) Россия занимает лишь 40-е место, находясь между Таиландом и Италией. За последний год она поднялась на две строки, однако, несмотря на высокую оценку уровня знаний, низкие значения таких показателей, как использование big data и аналитики, активность бизнеса и доступность капитала, не позволили РФ достичь более высокой ступени (при этом она уступила своему партнеру по ЕАЭС Казахстану, занявшему 38-е место) [12].

В рамках комплексного подхода к преодолению сложностей цифровизации на государственном уровне важно сокращать масштабы такого негативного явления, как «утечка мозгов». К сожалению, данная проблема стала традиционной для нашего государства – ее истоки находятся в далеком прошлом. Как правило, прорывные открытия и создаваемые новые технологии оказываются невостребованными внутри страны. Тем, кто желает продолжать деятельность в «прорывной» в технологическом плане области, приходится уезжать за рубеж (как правило, на Запад, но в последние годы увеличивается поток российских специалистов и в Юго-Восточную Азию). Там открытия и изобретения оцениваются по достоинству, и дальнейшая деятельность специалистов получает существенную финансовую поддержку. В Россию же нововведение возвращается примерно на середине инновационного цикла, когда уже образовалась большая часть добавленной стоимости, и страна становится рядовым потребителем продукции, по сути, разработанной и созданной ее гражданами.

Именно по этой причине российскому государству следует проводить политику «инкубации», т. е. возвращения молодых специалистов и создания перспектив для развития их потенциала. Кроме того, требуется поддерживать такое явление, как стартапы, учитывая компании с небольшой историей, находящиеся на стадии активного роста.

Еще одним решением проблемы развития кадрового потенциала в условиях цифровизации должна стать системная работа по формированию базы для появления и поддержки новых, востребованных профессий. Важно учитывать тот факт, что традиционное разбиение рынка на IT-индустрию и отрасли, не связанные с этими технологиями, уже не актуально. Такой подход отражал реалии экономики в период появления и активного роста Интернета, когда некоторые отрасли заметно опережали другие. В настоящее время ин-

формационные технологии в той или иной мере применяются практически в каждой сфере, поэтому условное разделение можно обозначить как цифровую и физическую плоскости – в зависимости от вещественности продукции, а не от сущности используемых технологий [13].

Увы, но результаты ряда международных исследований свидетельствуют о том, что в России промышленная революция находится в состоянии стагнации. Страна вошла в число государств, утративших позитивную динамику развития «промышленной революции 4.0». Так говорится в докладе консалтинговой компании А. Т. Kearney. Оценка производилась на основе сопоставления 59 ключевых показателей, объединенных в шесть основных факторов производства (среди них технологии и инновации, занятость и квалификация кадров и др.) [14]. Результаты исследования представлены на рис. 2.

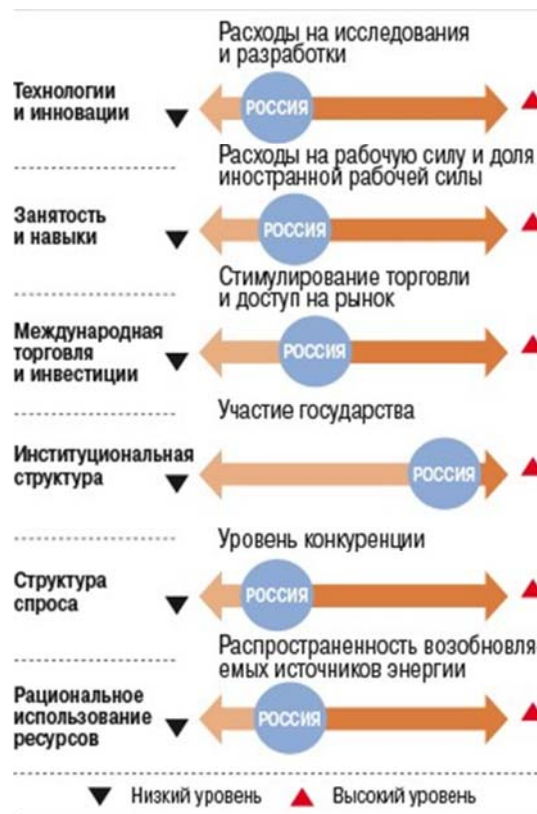

Рис. 2. Показатели готовности России к новой промышленной революции
Fig. 2. Indicators of preparedness of Russia for the new industrial revolution

Как показано на рис. 2, по критерию «Занятость и навыки» Россия достаточно близка к значению «низкий уровень». Нерациональная организация и методика подготовки кадрового потенциала может стать непреодолимым препятствием для дальнейшего развития экономики.

Драйвером цифровизации, которого так недостает России, способны стать качественно новые подходы к обучению в его самом широком смысле. Переход к шестому технологическому укладу и вторая информационная революция требуют формирования людей нового типа – обладающих стратегическим мышлением, способных воспринимать комплексно цели, задачи, имеющиеся ресурсы и перспективы. Сущность шестого технологического уклада состоит в замыкании производственных циклов по невозполнимым ресурсам и ведении экономической деятельности по принципу бережливого потребления взамен существующего перепроизводства. Это, в свою очередь, требует от специалиста обучения в течение всей сознательной жизни вследствие постоянного обновления технологий и изменения внешних условий.

Образовательный процесс постепенно трансформируется в совместную деятельность учителя и ученика, которая должна обрести проектный характер. Учебные пособия не будут «спускаться сверху» административным аппаратом, а превратятся в естественный продукт творческой активности педагогов и обучающихся. Это позволит не только приблизить теорию к практике, но и оперативно изменять учебные программы согласно меняющейся действительности. В такой реальности образование перестанет быть услугой, каковым оно считается сейчас, и станет тем, чем и должно являться: совместной работой – творческой, активной и интерактивной.

Так, согласно разработанному плану мероприятий к декабрю 2020 г. в России будет создана система персональных цифровых государственных сертификатов на обучение детей и взрослых компетенциям цифровой экономики. Для абитуриентов вузов предусмотрено введение «цифрового аналога нормативов ГТО» [15]. Внедрение подобных методик позволит, в частности, сократить время на коммуникации, а в перспективе ускорить многие процессы экономической деятельности [16]. При этом человек в цифровой экономике станет ключевым элементом. Работник будущего – это математик, программист, педагог, управленец и предприниматель в одном лице, адаптирующийся к быстро меняющимся условиям ведения деятельности [17, с. 50].

Однако к текущему моменту так и не создано четких алгоритмов и методик прогнозирования потребности российской экономики в высококвалифицированных кадрах. С нашей точки зрения, в качестве базы для разработки данных инструментов можно использовать, например,

следующие наиболее известные методики моделирования и прогнозирования показателей рынка труда, уже доказавшие свою эффективность:

1) ИАС «Мониторинг, анализ и прогнозирование динамики системы образования и рынка труда» Центра бюджетного мониторинга при Петрозаводском государственном университете. Данная методика дает возможность строить прогнозы относительно будущей потребности экономики в квалифицированных специалистах в зависимости от уровня образования и группы специальностей;

2) модель QUMMIR (Quarter Macroeconomic Model of Interactions for Russia – Квартальная макроэкономическая модель взаимодействия для России). Это эконометрическая модель, описывающая взаимосвязи наиболее существенных переменных в системе экономики РФ. Рассматриваемая модель подходит для разработки сценариев и осуществления расчетов в краткосрочной и среднесрочной перспективе;

3) методика Агентства трудовой статистики (Bureau of Labor Statistics), которая прогнозирует состояние рынка рабочей силы, основываясь на следующем принципе: количество и качественный состав кадров зависят от оценок численности населения в будущем, демографического состава и от тенденций изменения участия в трудовой деятельности различных групп населения;

4) методика интегральной оценки текущего положения на рынке труда и его развития, разработанная лабораторией прогнозирования трудовых ресурсов ИНП РАН на основе комплексного анализа движения трудовых ресурсов и сценария ситуации в условиях сформировавшегося рынка труда [18].

Необходимо помнить о том, что для построения относительно точных прогнозов нужно соблюдать принцип репрезентативности. Другими словами, следует основываться на большом количестве данных: только при этом условии можно будет построить эффективную и точную динамическую модель состояния рынка труда и определить его количественные и качественные кадровые потребности на ближайшую и долгосрочную перспективу.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

- становление информационно-цифрового общества, развитие информационных сетей, виртуализация компаний, внедрение технологий блокчейн требуют изменений в системе экономических отношений¹;

¹ Building a Digital Culture: Best practice guide; 2017. Available from: <https://www.econsultancy.com/reports/building-a-digital-culture/>.

- государству и бизнесу следует принять меры превентивного характера, способные предотвратить возможные социальные конфликты [9];
- необходимо развивать экономическую интеграцию, как за счет расширения информационной сети, так и за счет освоения рынков для производителей, используя глобальную сеть Интернет, «облачные» технологии, социальные сети и т. д. [19].

При подготовке кадров для работы в условиях цифровой экономики основными мероприятиями должны стать:

- формирование перечня ИКТ-компетенций для выпускников всех специальностей в высших учебных заведениях;
- разработка дистанционных курсов и модулей обучения;
- разработка модулей дополнительного обучения студентов в рамках самостоятельной работы с целью развития их ИКТ-компетенций;
- включение в процедуры итоговой аттестации обще- и узкопрофессиональных цифровых инструментов учебной деятельности;
- развитие сотрудничества высших учебных заведений с компаниями, ведущими деятельность в IT-сфере [20];
- разработка модулей профессиональной переподготовки лиц, уже имеющих высшее образование, для их адаптации к условиям цифровизации производственных, технологических и экономических процессов.

В условиях перехода к новому укладу нужно делать ставку на интеллектуализацию труда и на человеческие ресурсы. Именно кадровый потенциал, обладающий необходимыми компетенциями в условиях постоянно растущей цифровизации всех сфер экономики, может стать главным источником роста производительности труда и конкурентоспособности экономических субъектов РФ и национальной экономики в целом.

Список использованных источников

1. Зорькин В. Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. № 7578 (115). [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovyie-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 11.07.2018)
2. Боуэн У. Высшее образование в цифровую эпоху. Москва: Высшая школа экономики, 2018.
3. Смирнов А. Континент диктует повестку // Российская газета. 2018. Спецвыпуск. № 7583 (120).
4. Носкова Е. Выхожу талант искать // Российская газета. 2018. Спецвыпуск. № 7583 (120).
5. Шпунт Я. Надо учить фантазировать // Manager. Администратор информационных технологий. 2018. Спецвыпуск, апрель – май (170).

6. Рагимова С. Время суперумных // Business Guide (Тематическое приложение к газете «Коммерсантъ» № 20). 2018, 23 мая. С. 2–3.
7. Tapscott D. Grown Up Digital: How the Net Generation Is Changing Your World: McGraw-Hill. 2008. P. 16.
8. Frey C. B., Osborne M. A. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation? // Oxford, UK: Oxford Martin School, 2013. P. 4.
9. Носкова Е. Новый мир // Российская газета. 2018. Спецвыпуск № 7583 (120).
10. Потапов М. В. Тенденции развития глобальной структуры информационно-знаниевой экономики // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2016. № 2 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-globalnoy-struktury-informatsionno-znaniyevo-ekonomiki> (дата обращения: 11.07.2018)
11. Аренков И. А., Крылова Ю. В. и др. Клиентоориентированный подход к управлению бизнес-процессами в цифровой экономике // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2017. Т. 10, № 6 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/klientoorientirovannyy-podhod-k-upravleniyu-biznes-protsessami-v-tsifrovoy-ekonomike> (дата обращения: 11.07.2018)
12. Краснушкина Н. Цифровой недостаток списали на бизнес // Коммерсантъ. 2018. № 106.
13. Шумская Е. И. Возможен ли рост производительности труда за счет освоения цифровых технологий? // Экономическое возрождение России. 2018. № 3 (57).
14. Краснушкина Н. Промреволюция впадала в стагнацию // Коммерсантъ. 2018. № 129.
15. Шмелькова Л. В. Кадры для цифровой экономики: взгляд в будущее // Дополнительное профессиональное образование в стране и мире. 2016. № 8 (30). [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.dpo-edu.ru/?p=15787> (дата обращения: 11.07.2018)
16. Ветров И. Кадры для цифровой экономики // Мой профсоюз. 2018. № 9.
17. Богатырева Т. Г., Стрижов С. А. Кадры и образование как ключевые факторы развития цифровой экономики // Развитие цифровой экономики в России как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения: монография. Нижний Новгород: Профессиональная наука, 2018.
18. Курятков В. А., Конюшевская К. О. Прогнозирование рынка труда региона методами системной динамики // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2012. № 9 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prognozirovanie-rynka-truda-regiona-metodami-sistemnoy-dinamiki> (дата обращения: 02.12.2018).
19. Ловчикова Е. И., Первых Н. А. и др. Цифровая экономика и кадровый потенциал АПК: стратегическая взаимосвязь и перспективы // Вестник аграрной науки. 2017. № 5 (68) [Электрон. ресурс]. Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-i-kadrovyy-potentsial-apk-strategicheskaya-vzaimosvyaz-i-perspektivy> (дата обращения: 11.07.2018)

20. Лысова Т. Н. Подготовка кадров в условиях развития цифровой экономики. Выступление на методическом семинаре [Электрон. ресурс]. Режим доступа: tgpgk.tomsk.ru/files/metod.materiali/lysova.pdf (дата обращения: 01.12.2018)

References

1. Zor'kin V. Right in the digital world. *Rossiyskaya Gazeta* [Internet]. 2018 [cited 2018 Jul 11]; 7578 (115). Available from: <https://rg.ru/2018/05/29/zor-kin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (In Russ.)

2. Bowen W. Vysshee obrazovanie v cifrovuju jepohu = High education in the digital age. Moscow: Publishing house of Higher School of Economics; 2018. (In Russ.)

3. Smirnov A. The continent dictates issues. *Rossiyskaya Gazeta*. 2018; Special issue № 7583 (120). (In Russ.)

4. Noskova E. Looking for talents. *Rossiyskaya Gazeta*. 2018; Special issue № 7583 (120). (In Russ.)

5. Shpunt Ya. They must be taught to imagine. *Menedzher. Administrator informatsionnykh tekhnologiy* = *Manager. Administrator of Information Technologies*. 2018; Special issue № 170 (April – May): 16. (In Russ.)

6. Ragimova S. Time of super smart. *Business Guide (Supplement to Kommersant)*. 2018; 20: 2–3. (In Russ.)

7. Tapscott D. Grown Up Digital: How the Net Generation Is Changing Your World: McGraw-Hill; 2008. P. 16.

8. Frey C. B., Osborne M. A. The Future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? Oxford, UK: Oxford Martin School; 2013. p. 4.

9. Noskova E. The new world. *Rossiyskaya Gazeta*. 2018; Special issue № 7583 (120). (In Russ.)

10. Potapov M. V. Tendencies of development of global structure of information-knowledge economy. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva* = *Herald of Tatishchev Volga University* [Internet]. 2016 [cited 2018 Jul 11]; 2. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-globalnoy-struktury-informatsionno-znanievoy-ekonomiki> (In Russ.)

11. Arenkov A., Krylova Yu. Client-orientated approach in management of business processes within digital economy. *Nauchno-technicheskiye vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskkiye nauki* = *Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg Polytechnic University. Economic Sciences* [Internet]. 2017 [cited 2018 Jul 11]; 10: 6. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/klientoorientirovanny-podhod-k-upravleniyu-biznes-protsessami-v-tsifrovoy-ekonomike> (In Russ.)

12. Krasnushkina N. Digital fail is attributed to business. *Kommersant*. 2018; 106 (In Russ.)

13. Shumskaya E. Is increase in labour productivity possible because of usage of digital technologies? *Ekonomicheskoye vrozozhdeniye Rossii = Economic Revival of Russia*. 2018; 3 (57). (In Russ.)
14. Krasnushkina N. Industrial revolution fell into stagnation. *Kommersant*. 2018; 129. (In Russ.)
15. Shmel'kova L. V. Human resources for digital economy: Prospective look. *Dopolnitel'noe professional'noye obrazovaniye v strane i mire = Additional Education in the Country and throughout the World* [Internet]. 2016 [cited 2018 Jul 11]; 8 (30). Available from: <http://www.dpo-edu.ru/?p=15787> (In Russ.)
16. Vetrov I. Human resources for digital economy. *Moy profsoyuz = My Labour Union*. 2018; 9. (In Russ.)
17. Bogatyreva T. G., Strizhov S. A. Kadry i obrazovanie kak ključevye faktory razvitiya cifrovoj jekonomiki = Human resources and education as key factors for digital economy development. *Razvitie tsifrovoy ekonomiki v Rossii kak klyuchevoy faktor ekonomicheskogo rosta i povysheniya kachestva zhizni naseleniya = Development of digital economy in Russia as key factor for economic growth and improving the quality of life*. Nizhniy Novgorod: Professional science; 2018. (In Russ.)
18. Kuryatkov V., Konyushevskaya K. Forecasting the region's labour market by methods of systemic dynamics. *Vestnik Rossijskogo jekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plehanova = Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics* [Internet]. 2012 [cited 2018 Dec 02]; 9. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/prognozirovanie-rynka-truda-regiona-metodami-sistemnoy-dinamiki> (In Russ.)
19. Lovchikova E., Pervykh N. Digital economy and recruitment potential of agriculture: strategical interconnection and prospects. *Vestnik agrarnoy nauki = Bulletin of Agrarian Science* [Internet]. 2017; 5 (68). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-i-kadrovyy-potentsial-apk-strategicheskaya-vzaimosvyaz-i-perspektivy> (In Russ.)
20. Lysova T. Podgotovka kadrov v uslovijah razvitiya cifrovoj jekonomiki = Preparing HR-resources in terms of development of digital economy. *Vystuplenie na metodicheskom seminare = Report at the methodical seminar* [Internet]. [cited 2018 Dec 01]. Available from: tgpgk.tomsk.ru/files/metod.materiali/lysova.pdf (In Russ.)

Информация об авторах:

Пешкова Галина Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры международного предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: pgu59@mail.ru

Самарина Анна Юрьевна – студент кафедры информационных технологий предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: anna.yusa@yandex.ru

Вклад соавторов. Авторы принимали участие в работе над статьей в равной степени.

Статья поступила в редакцию 11.07.2018; принята в печать 14.11.2018.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Galina Yu. Peshkova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of International Enterprising, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: pgu59@mail.ru

Anna Yu. Samarina – Student, Department of Information Technologies in Enterprising, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: anna.yusa@yandex.ru

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to the present research.

Received 11.07.2018; accepted for publication 14.11.2018.
The authors have read and approved the final manuscript.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.9+316.6

DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-76-94

ВАНДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ КАК ПРАВОВАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА¹

О. В. Гурова

*Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
Пермь, Россия.*

E-mail: ovgurova@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* В современном мире вандализм, наносящий урон различной степени тяжести памятникам культурного наследия, достопримечательностям и любым типам общественного пространства, а порой и разрушающий их, – достаточно распространенная проблема. Ее теоретический аспект детализирован в юриспруденции, которая руководствуется прежде всего нормативно-правовым подходом к решению вопросов поправления законов и признанных правил человеческого сосуществования. Однако сосредоточенность единственно на применении административных и уголовных наказаний к виновным в вандальных правонарушениях лицам не позволяет снизить чрезмерное увеличившееся в последнее время количество повсеместных проявлений вандализма, поскольку при этом не учитываются провоцирующие его психологические факторы.

Цели статьи – актуализация и обсуждение аспектов вандального поведения подростков и его причин; обозначение проблемного поля психологических исследований, необходимых для выявления генезиса, детерминации вандализма и дальнейшей организации эффективной превентивной деятельности в общеобразовательных учреждениях.

Методология и методики. Методологической основой изложенной в публикации работы послужили герменевтический и диалектический методы, а также общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения и обобщения научных данных.

Результаты и научная новизна. Предпринята попытка осмыслить истоки вандальных поступков с междисциплинарной точки зрения. Подчеркива-

¹ Актуальность поднимаемых в публикации вопросов подтверждается практически одновременным поступлением в редакцию журнала материалов данной тематики: см. следующую статью, а также № 2 (20), 2018, с. 125–146. (ред.)

ется необходимость детального психологического изучения феномена вандализма, поиск причин и предикторов для создания системы адекватных мер, препятствующих его перманентному распространению в социуме. Вскрыты имеющиеся в психологической теории, образовательной практике и сознании социума противоречия: между нарастающей частотностью актов вандального поведения и ограниченностью способов и средств для его предотвращения; между массовой включенностью в вандальные действия подрастающего поколения и отсутствием специализированных, ориентированных на определенный возраст профилактических и коррекционных программ; между вандальной активностью школьников, выражающейся в том числе посредством несанкционированной графики на стенах и имуществе образовательных организаций, и нежеланием педагогов и администрации учебных заведений признавать серьезность складывающейся ситуации; между социальной значимостью определения справедливого наказания в воспитательных целях и невниманием к личностным причинам, побуждающим к вандальным деяниям; между общим научным интересом к индивидуально-психологическим и социально-типологическим особенностям подросткового возраста и явно недостаточным вниманием ученых к социально-психологическим мотивационным детерминантам, инициирующим варварские поступки. Сформулированные автором несоответствия позволяют наметить генеральную траекторию требующихся изысканий, в которых феномен вандализма должен рассматриваться в контексте реализации субъектности личности.

Практическая значимость. Известно, что малые формы вандального поведения способны трансформироваться в более тяжкие виды деструктивного поведения вплоть до антисоциальных. Вместе с тем неоднозначность восприятия вандальных актов в социуме и научном сообществе, отсутствие четких границ в понимании допустимости / неприемлемости разновидностей данного явления мешают построению эффективной модели противодействия его экспансии. Обозначенное направление научного поиска, с одной стороны, может обеспечить прирост знаний о сущности такого девиантного поведения, как вандализм, с другой – обладает практико-ориентированной значимостью, так как составит фундамент разработки методов воспитательного воздействия, предупреждающих проявления вандализма.

Ключевые слова: вандализм, вандальное поведение, графический вандализм, несанкционированная графическая активность, подросток, субъектность.

Благодарности. Автор выражает признательность кандидату филологических наук М. В. Максименко и всем рецензентам статьи за глубокий критический анализ ее содержания, позволивший значительно повысить качество текста публикации.

Для цитирования: Гурова О. В. Вандальное поведение подростков как правовая и психологическая проблема // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 10. С. 76–94. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-76-94

VANDAL BEHAVIOUR OF ADOLESCENTS AS A LEGAL AND PSYCHOLOGICAL PROBLEM

O. V. Gurova

Perm Institute of the Federal Service for Execution of Punishment of the Russian Federation, Perm, Russia.

E-mail: ovgurova@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* In today's world, a problem of vandalism has become rather widespread. Vandals damage monuments of cultural heritage, historic sights and other types of public space. A theoretical aspect of vandalism is registered in jurisprudence, which is guided principally by regulatory approach to the solution of questions of the violation of laws and recognised rules of human co-existence. However, focusing only on the application of administrative and criminal sanctions to those guilty of vandal offenses, does not allow reducing the excessive number of universal manifestations of vandalism, which have been increased recently, by avoiding psychological factors.

The *aims* of the publication were the following: to actualise and discuss the problem of vandal behaviour among adolescents; to denote a problem field of psychological research, which is necessary for identifying genesis, vandal determination and further organisation of effective preventive activity in educational institutions.

Methodology and research methods. The methodological basis of the research involved hermeneutic and dialectic approaches, general scientific methods of analysis, synthesis, comparison and synthesis of scientific data.

Results and scientific novelty. The author attempted to interpret the problem of vandal behaviour of adolescents from the point of view of interdisciplinary understanding. The author highlighted the need for a detailed psychological analysis of the phenomenon under study, its causes and predictors for the formation of adequate measures to reduce the spread of vandalism in the public space. The contradictions in the psychological theory, educational practice and consciousness of society were revealed: between the widespread occurrence of acts of vandal behaviour and the limited methods and means to prevent it; between the mass involvement of adolescents in vandalism and the lack of specialised age-based programmes to correct vandal behaviour; between the prevalence of unauthorised graphic activity of schoolchildren and other forms of vandal behaviour in the educational environment and the reluctance of teachers and administration of educational institutions to recognise this as a noteworthy problem; between the social significance of determination of lawful and effective punishment (in terms of prevention) and insufficient attention to personal reasons that encourage a person to commit or not to commit vandal acts; between common scientific interest in the individual psychological and socio-typological features of adolescents committing

vandalism and inadequate attention to the socio-psychological motivational determinants, initiating and forming the readiness to commit vandal actions. The outlined discrepancies allowed the author to plan a general trajectory of the required research, in which the phenomenon of vandalism has to be considered in the context of realisation of personal subjectivity.

Practical significance. It is known that small forms of vandal behaviour can be transformed to heavier types of destructive behaviour, right up to antisocial ones. Nevertheless, the ambiguous perception of vandal acts in society and scientific community, lack of a clear boundary in understanding of acceptability or unacceptability of kinds of this phenomenon is interfered with creation of effective model of counteraction of its expansion. On the one hand, the designated direction of scientific search can generate knowledge of essence of such deviant behaviour as vandalism, and, on the other hand, vandalism has the practice-focused importance as it can establish the foundation for the development of approaches of educational influence, which prevent the manifestations of vandalism.

Keywords: vandalism, vandal behaviour, graphic vandalism, unauthorized graphic activity, teen, subjectivity.

Acknowledgements. The author expresses her sincere gratitude to the Candidate of Philosophical Sciences, Marina V. Maksimenko, and all the reviewers, whose critical reading and suggestions helped to improve and clarify this research paper.

For citation: Gurova O. V. Vandal behaviour of adolescents as a legal and psychological problem. *The Education and Science Journal*. 2018; 10 (20): 76–94. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-76-94

Введение

Случаи деструктивного поведения, выражающегося в разрушении объектов общественной либо частной собственности, – не редкость в современном мире, чем обусловлена актуальность исследования причин возникновения данных проблем. Деструкции подвергаются природная среда и предметный мир культуры, причем человек получает в свое распоряжение все более совершенные средства и технологии разрушительного воздействия на них [1].

Несанкционированные графические способы изменения среды обитания – менее общественно опасное, чем уголовно наказуемый вандализм, но также широко распространенное явление: всякий городской житель не раз замечал, что стены многих построек и поверхности предметов общественного пространства покрыты самостийными надписями и рисунка-

ми. По мнению F. Trovo, вред от этих изображений для исторических объектов и городской среды сопоставим в наши дни с уроном от чумы, так как он существенно портит, а порой и разрушает памятники культурного наследия и достопримечательности отдельных регионов и мегаполисов [2].

Исследователи вандального поведения единодушны в том, что генезис подобных форм деструктивной активности локализован в подростковом возрасте [3, 4]. Намеренно, из хулиганских побуждений или немотивированно наносить вред чужому имуществу склонны чаще всего 14–16-летние подростки¹, что объясняется неустойчивостью психики и нервной напряженностью, которые сопровождают кризис данного возрастного периода [3–6].

Проблема деструктивного поведения учащихся, выражающегося в том числе в графических формах, злободневна и для образовательных организаций, имущество которых постоянно подвергается порче учащимися [4, 7–9].

Обзор литературы

Впервые вандальное поведение стало объектом внимания зарубежных ученых в 1970-х гг.: в рамках практико-ориентированного подхода анализировалась статистика, изучались характер последствий и возможности предотвращения повторных актов вандализма².

Позднее в результате критического осмысления причин вандального поведения был разработан ряд его теорий, которые можно классифицировать исходя из мотивации субъекта³:

- эстетической, когда разрушительная активность основана на получении удовольствия от этого процесса (V. Allen, D. Greenberger);
- субъективного контроля – теория объясняет разрушение окружающих объектов попыткой повышения уровня контроля субъекта над дей-

¹ ASBO nation: The criminalization of nuisance / ed. by P. Squires. The Policy Press: Bristol, 2012. 384 p.; The year in cemetery vandalism. 2016. Available from: http://www.oakandlaurel.com/blog/the-year-in-cemetery-vandalism-2016#_ftn1 (дата обращения: 17.05.2018).

² Cohen S. Sociological approaches to vandalism // Vandalism behavior and motivation / ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Elsevier science publishers B. V., 1984. P. 51–62; Canter D. Vandalism, overview and prospect // Vandalism behavior and motivations / ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Elsevier science publishers B. V., 1984. P. 269–279.

³ Allen V., Greenberger D. An aesthetic theory of vandalism // Crime and Delinquency. 1978, July. P. 309–321.

ствительностью (V. Allen, D. Greenberger, P. Richards, R. Sommer¹) или восстановления справедливости (R. M. Baron, J. D. Fisher²);

- культурологической – уровень распространения вандализма соотносится с культурно-историческими особенностями народа (традициями, ценностями, стилем жизни и др.) (H. E. Roos³);

- влияния угнетающей среды и архитектурного дизайна (G. F. De Gruchy, G. J. Hansford⁴).

В настоящее время за рубежом изучение обсуждаемой проблемы сосредоточено преимущественно на вопросах предотвращения ущерба.

Исследование вандального поведения отечественными специалистами активизировалось в связи с законодательными изменениями в 1996 г. и было ориентировано на область правоприменительной практики новой юридической нормы – уголовной ответственности за вандализм [10]. Многие авторы продолжают настаивать на дальнейшем совершенствовании законодательства РФ в отношении наказания за вандализм [10–12].

Так, Х. К. Алиев полагает, что важен поиск правовых средств и юридических механизмов, которые могли бы регулировать целесообразность, эффективность, справедливость соответствующей законодательной нормы [11].

Р. А. Алетин в целях совершенствования статьи 214 УК РФ акцентирует потребность в уточнении понятий, используемых при квалификации преступления: «порча», «осквернение», «общественное место» и пр. [12].

М. М. Макаренко отмечает, что рядовыми гражданами явление вандализма воспринимается как признак ослабления социального контроля и отсутствия в обществе надлежащего порядка. Исследователь подчеркивает недостаточную разработанность методов борьбы с вандализмом уголовно-правовыми средствами, которая объясняется сложностью его отграничения от сходных составов преступления, отсутствием единого понимания его признаков и другими причинами⁵.

¹ Sommer R. Crime and vandalism in university residence halls // *Journal of Environmental Psychology*. 1987. Vol. 7, № 1. P. 1–12.

² Baron R. M., Fisher J. D. The equity-control model of vandalism: A refinement // *Vandalism: Behavior and motivation* / ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983. P. 122–130.

³ Roos H. E. Vandalism as a symbolic act in «Free Zones» // *International symposium on vandalism: proceedings*. Seattle, USA, April 20–22, 1988. Seattle, 1988. P. 71–88.

⁴ De Gruchy G. F., Hansford G. J. *Crime and architecture in Brisbane II*. Brisbane: Department of Architecture, University of Queensland, 1980. 26 p.

⁵ Макаренко М. М. Уголовная ответственность за вандализм: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2006 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissertcat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-za-vandalizm-0#ixzz5RKp4abzy> (дата обращения: 29.07.2018).

В психологии вандализм трактуется

- как агрессивная реакция правонарушителей [13, 14];
- один из механизмов социально-психологического взаимодействия в молодежных группах [3];
- нарушение ценностно-мотивационной ориентации молодежи, де-привация субъектных потребностей [4].

Было выделено два вида основных причин вандального поведения – внутрилличностные и имеющие средовую обусловленность; и разработан психодиагностический инструментарий, позволяющий изучать мотивационные основы данного поведения [4, 15, 16].

Вандализм рассматривается психологами с разных точек зрения:

- криминологической – как осквернение зданий или других сооружений, порча имущества в общественном транспорте или в иных общественных местах;
- историко-культурологической – как проявление антикультуры, разрушение культурных ценностей в условиях обострения социально-исторической ситуации;
- социально-психологической – как неадекватная самореализация личности при взаимодействии с внешней средой [3, 4, 7–9, 10–12, 15, 16].

Однако очевидна разрозненность представлений о вандальном поведении, неоднозначность понимания термина «вандализм» и признаков, позволяющих расценивать какой-либо поступок как вандальный. Трудность выработки четкого определения состоит в несовпадении индивидуальных, групповых и социальных норм, указывающих, какие именно разрушения имеют деструктивный характер для общества. Нет и точной единой характеристики вандализма – существует только ярлык, который применяется к определенным типам поведения в определенных ситуациях.

Неоднозначность отношения общества к вандальному поведению может быть обусловлена стремлением отдельных личностей к самооправданию собственных отклоняющихся поступков [14] и основывается на общей «эрозии социальных норм», таких как допустимость употребления алкоголя, внебрачных половых связей, распространенность мелкого хищения из магазинов и т. п.¹. В качестве причин можно также назвать подвижность и взаимопроникновение норм различных культур в связи с усилившейся миграцией народов², терпимость к нарушению норм некоторыми социальными категориями [4] и др.

¹ The legacy of anomie theory. New Brunswick, N. J.: Transaction, 1995. Advances in criminological theory. Vol. 6. P. 439.

² Sellin T. Culture Conflict and Crime // American Journal of Sociology. Jul. 1938. Vol. 44, № 1. P. 97–103. 1995.

Есть ученые, которые считают вандализм не девиантным поведением, а чем-то вроде игры или же результата случайных совпадений. По их мнению, если разрушительные поступки ребенка вовремя пресечь, они не повторятся впоследствии и его поведение, скорее всего, не будет отклоняться от принятых социальных норм [3, с. 17–18; 4].

Таким образом, современные юриспруденция и психологическая наука занимают по отношению к критериям оценки вандализма и степени его девиантности позицию так называемого «теоретико-методологического плюрализма» [17], следствием чего становятся гибкость и нечеткость представлений современного подростка о вандализме, соответствующих нормам права и степени ответственности за его нарушение.

Явление подросткового вандализма как психологическая и правовая проблема современного общества

Вандализм как форма причинения вреда чужой или общественной собственности существовала всегда. Наиболее разработана данная проблема в юридической науке и практике, где содержатся сравнительно четкие формулировки для квалификации подобных действий, а также определено соответствующее наказание за их совершение.

При этом практика применения исключительно уголовного наказания не позволяет снизить широкое распространение вандализма, поскольку не учитывает провоцирующие данное явление психологические факторы. Как было сказано выше, проблема вандального поведения характеризуется неоднозначностью и многоуровневостью. Ее социальные последствия не исчерпываются экономическим ущербом и содержат такие аспекты, как дефекты социализации личности, влияние на личность криминогенных факторов, развивающих агрессивную направленность, формирование отклонений в психическом развитии, культурная деградация материально-предметной среды и др.

Полипарадигмальность феномена «вандализм» предполагает его глубокое осознание на основе разных подходов и выделение общих элементов различных ракурсов его рассмотрения. Нам видится актуальным междисциплинарный подход к исследованию генезиса и детерминации вандального поведения. Кроме того, представляется, что необходимо активизировать превентивную деятельность такой формы самореализации школьников, как несанкционированная графическая активность, которая является одним из аспектов общей проблемы вандального поведения человека.

В период обучения в школе подросток избирает для себя способы решения проблем и взаимодействия с окружающим миром; сформиро-

ванные стратегии и стиль поведения он впоследствии переносит во взрослую жизнь. В образовательном пространстве наиболее ярко и наглядно проявляется и разрушительная активность: многочисленные эксперименты с материально-предметной средой позволяют школьнику определить эффективные варианты коммуникации с окружающим миром, осознать себя как «экзистенцию» и выразить свои чувства [7–9, 15, 16, 18, 19].

Причины любого крупного деструктивного для окружающей среды деяния кроются в генезисе его мелких форм, которые при определенных обстоятельствах закрепляются и прогрессируют. Не вызывает сомнения, что истоки вандального поведения следует искать в раннем возрасте, когда формирующийся субъект только начинает совершать свои первые разрушительные акты (надпись на парте, порванный учебник, повреждение чужой игрушки во время игры и т. п.) [3, 4]. Исследователи подчеркивают большую долю вероятности закрепления неадекватных форм самореализации и взаимодействия со средой, повторения разрушительных действий и наступления более тяжелых последствий такого поведения в дальнейшем [3, 4, 12, 20]. Таким образом, рассматриваемый вид активности имеет реальные перспективы трансформироваться в общественно опасные действия.

Вандализм – это то деяние, которое не требует особых знаний и специальной подготовки, оно легкодоступно для реализации и вместе с тем влечет за собой такие последствия, которые человек вполне может осознать в 14 лет [11, 12]. Поэтому уголовная ответственность за его совершение наступает именно с этого возраста.

Одной из важнейших мер противодействия и предупреждения вандального поведения среди подростков может служить не только само наказание, но и исчерпывающая осведомленность о нем и о возможной ответственности за нарушение норм права. Просветительская, диагностическая, коррекционная и профилактическая работа с учащимися должна быть организована начиная уже с младшего школьного возраста.

Однако, к сожалению, общество не всегда обращает внимание на тот (иногда весьма значительный) урон, который наносят окружающей среде мелкие разрушительные действия. Примером тому служит несанкционированная графика в образовательных учреждениях: самовольное нанесение школьниками разнообразных изображений и надписей на принадлежащее учебной организации имущество – стены, мебель, учебники и т. п. Основным квалификационным признаком подобной деятельности является осознанное повреждение общественно значимых объектов (школьного имущества) вне зависимости от преследуемых целей. Мы определяем эту деятельность как негативную форму адаптации и саморе-

ализации учащихся подросткового возраста, одним из следствий которой может стать общая деградация культурного пространства организации.

Несанкционированная графическая активность относится к малым формам вандального поведения, которые тем не менее способны трансформироваться в более тяжкие виды деструктивного поведения вплоть до анти-социальных. В то же время «самостийные художества» учащихся чаще всего воспринимаются общественностью как нечто преходящее, обусловленное возрастом и будто бы ограниченное исключительно рамками школьных стен. Иными словами, глубина проблемы в большинстве случаев не осознается ни педагогами, ни родителями, ни самими учащимися. На наш взгляд, изучению несанкционированной графической активности школьников и вскрытию ее причин уделяется явно недостаточное внимание, о чем неоднократно упоминалось в наших более ранних публикациях [7–9].

По мнению Р. А. Алетина, своевременная профилактика вандализма и индивидуальная работа с его субъектом способны предотвратить развитие криминогенной направленности личности, вовлечение подростка в экстремистские сообщества и совершение преступлений [12]. Как показывают исследования, совершенные впервые в подростковом возрасте единичные акты мелкой деструкции – в том числе повреждение объектов общественного пространства – происходят необдуманно и спонтанно, как правило, вследствие стечения особых обстоятельств, но безнаказанность и анонимность подобных действий часто влечет за собой следующие, которые уже никак нельзя назвать случайными [3, 4, 7–9, 12].

Таким образом, можно констатировать определенное противоречие. Совершаемый подростком деструктивный для внешней среды акт – это, с одной стороны, показатель высокого уровня его субъектности и активного развития, реализация им своих потенций [4, 7, 15]. С другой стороны, данный акт (даже такой незначительный, как несанкционированная надпись на стене школы) гипотетически может стать механизмом запуска совершения более тяжких деяний в случае трансформации избранной стратегии поведения подростка в перманентную стратегию адаптации и самореализации взрослого человека.

В связи с амбивалентностью содержания стратегии поведения в форме несанкционированной графической активности и ее потенциальной опасностью, а также по причине все возрастающей распространенности и повсеместности этого явления [4, 7, 12] представляется необходимым детальное изучение обозначенной проблемы. Тщательный психологический анализ причин и предикторов вандального поведения позволит принимать более адекватные меры по его коррекции и снижению уровня вандализма в общественном пространстве.

Прежде всего, нужно обозначить противоречия, порождающие обсуждаемую проблему.

1. *Противоречие между повсеместным распространением актов вандального поведения и ограниченностью методов и средств для его предотвращения.* Причинение вреда чужой или общественной собственности в последнее десятилетие стало почти обыденностью в глазах многих граждан. Сообщения о разрушении памятников, самовольном преобразовании какой-либо среды зачастую воспринимаются не только как хулиганство, но и как выражение личного мнения и протеста, что приводит к размыванию в социуме однозначной оценки вандализма. Причем единственный на сегодняшний день реализуемый метод борьбы с вандализмом – наказание и привлечение к определенной (уголовной или административной) ответственности – применяется только к тем людям, которые были задержаны во время совершения правонарушений. Доступной профилактической формой борьбы с вандализмом выступает информирование населения о подобных инцидентах и их последствиях, что порой не исправляет положения дел, а, напротив, подталкивает вандалов к новым, иногда более изощренным действиям. Непонимание психологических основ происхождения данного явления и отсутствие их учета в превентивных методах борьбы с вандализмом не позволяют «переломить» ситуацию и снизить уровень проявлений вандального поведения.

2. *Противоречие между включенностью в совершение вандализма большого числа подростков и юношей и отсутствием специализированных возрастно-ориентированных программ по коррекции вандального поведения и предотвращению попыток его совершения.* Анализ отечественных и зарубежных теоретических источников позволяет сделать вывод о том, что зачастую первые попытки в юношеском возрасте причинить вред чужой, частной или общественной собственности являются лишь началом, своеобразной стартовой площадкой в выборе человеком дальнейшего делинквентного поведения. Соответственно максимальное внимание к таким попыткам, например к графическому вандализму школьников, будет не только адекватной реакцией, но и профилактикой вероятного спектра последствий раннего вандального опыта.

3. *Противоречие между распространенностью вандальных действий в образовательной среде и нежеланием педагогов и администрации учебных заведений считать это обстоятельство проблемой.* Подростки проводят в стенах учебного заведения значительную часть времени, и именно его пространство по этой причине и другим разнообразным поводам подвергается ими несанкционированному «художественному» пре-

образованию. Между тем педагоги склонны рассматривать данные акты не более как шалость каких-либо «проблемных» учащихся в силу недостатка их воспитания, уровня успеваемости, особенностей характера и т. п. Администрация образовательных организаций также полагает нецелесообразным проведение комплексной профилактико-коррекционной работы в случаях «некритичных», по ее мнению, проявлений графического вандализма. Подобное отношение к нему наблюдается и в социальном окружении школы – лишь отдельные граждане выражают публично возмущение при столкновении с результатами вандальных росписей, но не видят возможностей организации работы по их искоренению. Таким образом, особо острый период «первых проб» по причинению ущерба частному чужому либо общественному имуществу остается безнадзорным и непорицаемым со стороны социума, что не может не подкреплять уверенности подростков в допустимости вандальных действий и не способствовать еще большей их популяризации в молодежной среде.

4. *Противоречие между социально значимым содержанием результатов вандальных действий, наказанием за них со стороны нормативно-правовой системы и зачастую глубоко личностными причинами подобного поведения.* При обнаружении факта порчи чужой или общественной собственности встает вопрос о наказании конкретного человека, что и происходит, если есть доказательство его вины. Степень тяжести наказания зависит от масштаба разрушений и их социальной либо материальной значимости. Вместе с тем, с одной стороны, не учитывается мотивация вандальных деяний, понимание которой позволяет не только определить действительную степень вины человека, но и предупредить его дальнейшую деструктивную активность. С другой стороны, неотвратимости справедливого и назидательного, имеющего воспитательный эффект наказания мешает то обстоятельство, что в большинстве случаев застать вандала на месте совершения правонарушения и / или доказать факт его причастности проблематично и крайне сложно по причине отсутствия свидетелей либо крепкой сплоченности и солидарности группы с девиантным поведением (при групповом варианте вандализма). Ощущение субъектами отсутствия последствий вандальных поступков упрочивает в их сознании возможность и приемлемость вандализма для утверждения личности.

5. *Противоречие между повышенным научным интересом к индивидуально-психологическим и социально-типологическим особенностям подростков и юношей и незначительным числом исследований социально-психологических детерминант, которые могут инициировать акты ван-*

дального поведения и формировать готовность личности к совершению дальнейших вандальных действий. Несомненно, описание различных характеристик современного вандала формирует его своеобразный портрет, однако не отвечает на главный вопрос – почему он совершает варварские действия. Между тем без развернутого, обстоятельного ответа на данный вопрос невозможно проводить действительно эффективные предупреждающие мероприятия и системную профилактическую работу.

6. *Противоречие между пониманием вандального поведения как специфического вида активности человека и отсутствием подходов к его изучению с точки зрения проявления субъектности личности.* Зачастую вандальные действия в подростковом и юношеском возрасте не только совершаются сознательно и целенаправленно, но и имеют определенное значение для развития личности. Они могут быть формой самовыражения, протеста против существующих правил и мира взрослых в целом, а также реакцией на отношение окружающих. Соответственно, субъектный контекст позволит установить взаимосвязь личностных и деятельностных оснований в вандальном поведении, что расширит представления о его природе и определит эффективные направления его коррекции.

Для того чтобы раскрыть суть вандализма как формы взаимодействия человека со средой, оптимальным ракурсом научного анализа этого процесса, на наш взгляд, может выступать характеристика вандального поведения в контексте категорий «субъект» и «субъектность».

Субъектность как основополагающее понятие психологии, характеристика человека, находящегося «на высшем уровне своей активности, целостности (системности), автономности» [21, с. 122], представлена в трудах А. А. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко [21–23]. Согласно системно-субъектному подходу, акцентирующему внимание на внутренних субъектных характеристиках, определяющих реализацию субъекта как деятеля бытия, в ходе становления субъектности сохраняется стремление субъекта к целостности, активному взаимодействию со средой, развивается его уникальность и самобытность. На каждом этапе развития субъектности человек стремится к достижению своего «акме», возможного в данный момент [21–23].

Согласно Е. А. Сергиенко, активность субъекта – направляющий конструкт, определяющий его взаимодействие с миром, а деятельность – завершающее звено этого взаимодействия. Другими словами, активность субъекта служит этапом, подготавливающим его практическую деятельность, которая, в свою очередь, развивает человека, увеличивает его субъектный опыт и способы практического взаимодействия со средой – с воз-

растанием ментального опыта перестраиваются способы реализации целей субъекта [21–23].

По мнению О. И. Моткова, субъект может рассматриваться как интегрирующий и управляющий центр, организующий свое поведение в соответствии с удовлетворением актуальных потребностей и производными от них мотивациями [24]. Процесс развития психики и личности в целом исследователь описывает как естественное раскрытие природных потребностей и как обогащение первичных базовых схем поведения разнообразными психологическими средствами. Так, при полном удовлетворении потребности сопутствующая схема поведения сопровождается положительными эмоциями и закрепляется (ставится «метка предпочтения»), благодаря чему у субъекта формируются «Я-концепция», «Я-Вы-концепция», «Я-Мир-концепция» и устойчивые поведенческие ориентации, которые используются личностью при достижении ситуативных целей и далее переходят в область значимого опыта [24, с. 111].

В целом под субъектом можно понимать действующую активную форму проявления индивида, которая, взаимодействуя со средой, изменяет ее, т. е. именно субъект реализует изменение среды как целевую особенность своего функционирования.

В контексте обозначенных выше методологических оснований вандализм можно рассматривать как своеобразный способ реализации и позиционирования личности себя как субъекта. Как подчеркивают многие авторы научных работ, активность субъекта служит источником его саморазвития и динамическим условием становления его деятельности [4, 7, 15, 16, 21–23]. Для достижения поставленных целей и реализации собственных замыслов субъекту необходимы адекватные его личностной сущности и бытию стратегии поведения, которые он формирует и отбирает опытным путем.

Субъектная активность подростка может реализовываться различными способами как просоциальной, так и асоциальной направленности [8, 16]. Становление и определение своего «Я», поиск своего места и роли в социальной среде сопровождаются значительными изменениями поведенческого компонента. Поведенческий кризис выражается в том, что детское амплуа уже неприемлемо, а поступки взрослых еще не доступны, вместе с тем у подростка появляется и укрепляется ощущение себя как активного созидателя среды. Возросшие возможности, новое самоощущение, готовность к изменению пространства своего обитания в соответствии со своим вкусом актуализируются и доминируют. Подросток не готов отказываться от своих потенций и перспектив, несмотря на запреты,

и пытается воплотить их, экспериментируя со средой, преобразуя ее под субъективную реальность [4, 8].

Без пространства внешней среды как необходимой части бытия личность становится неполной, лишенной собственной субъектности и собственной константности, так как именно среда позволяет личности закрепиться, укорениться, зафиксировать себя во времени и пространстве [4]. Исходя из этого функциональным назначением преобразования среды в актах вандализма может быть не только примитивное выражение агрессии или протеста, а нечто более сложное, связанное с экзистенциальными проблемами подростковой субъектности. Максимальная интенсивность процесса субъектогенеза достигается в среде, систематически стимулирующей и иницирующей активность личности, каковой и является образовательное пространство, а графические способы несанкционированного преобразования этой среды избираются подростком как хорошо знакомые и близкие ему с детства.

Заключение

Вандальное поведение в подростковом возрасте зависит от множества факторов (социально-экономической ситуации в стране, раскрываемости преступлений, особенностей семейного воспитания и др.). Одни из ключевых среди этих факторов – особая чувствительность подростка к среде и степень адаптивности к любым изменениям. Однако направления адаптации могут располагаться в диапазоне от социально одобряемых и просоциальных до антисоциальных. Стремление к самостоятельности и самореализации в подростковом возрасте способно выступать наиболее весомой причиной, объясняющей делинквентное поведение. При отсутствии освоенных социально нормативных технологий самопрезентации противоправные действия становятся их очевидной и наиболее доступной заменой, помогающей продемонстрировать свою смелость, обозначить собственную позицию и несогласие с окружающими, бросить социальный вызов обществу [5, 7].

Неоднозначность восприятия феномена вандализма в социуме, отсутствие четких границ в понимании обществом допустимости / неприемлемости данного явления не позволяют сделать исчерпывающие выводы о природе возникновения и закрепления вандального поведения и, как следствие, разработать эффективную модель противодействия его распространению.

Вместе с тем перспективным для решения указанных задач представляется исследование вандализма в контексте реализации субъектности, которое, как мы полагаем, будет способствовать выявлению психологических

причин чрезвычайно распространенного среди современных подростков вандального поведения, а также определению того, насколько осознание личностью границ проявления своей субъектности может детерминировать вандальные действия и закреплять подобное поведение в качестве формы личностной самореализации или компенсации психологических проблем.

Обозначенное направление исследований, с одной стороны, обеспечит прирост научного знания о сущности девиантного поведения, в частности понимания вандализма, с другой – будет обладать практико-ориентированной значимостью, так как составит основу разработки способов воспитательного воздействия, корректирующих представления о границах субъектности личности и таким образом предупреждающих вандальные поступки.

Список использованных источников

1. Лысак И. В. Механизмы и последствия деструктивной деятельности человека. Ростов-на-Дону; Таганрог: СКНЦВШ; ТРТУ, 2006. 80 с.
2. Trovo F., Griguol E. The role of green chemistry in cultural heritage conservation and the campaign against graphic vandalism Innovation: State of the art of research and implications // *Chimica Oggi / Chemistry Today*. 2017. Vol. 35. Issue 4. P. 42–46.
3. Ватова А. С. Социально-психологические основания молодежного вандализма и его профилактика. Москва: Народное образование, 2007. 298 с.
4. Воробьева И. В., Кружкова О. В. Психология вандального поведения: монография. Екатеринбург: УрГПУ, 2015. 292 с.
5. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения: учебное пособие. Москва: МЕД-пресс, 2011. 432 с.
6. Wacławek A. Graffiti and street art. London: Thames & Hudson Ltd, 2011. 208 p.
7. Гурова О. В., Кружкова О. В. Вандализм как деструктивная стратегия реализации субъектности подростка // *Педагогическое образование в России*. 2017. № 3. С. 96–105.
8. Гурова О. В., Кружкова О. В. Содержательные и функциональные аспекты школьного графического вандализма // *Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Педагогика и психология*. 2014. № 9. С. 204–213.
9. Кружкова О. В., Воробьева И. В., Гурова О. В. Графический вандализм в школах: семантика и особенности расположения // *Психология когнитивных процессов: сборник научных трудов VI всероссийской научно-практической конференции*, 15–16 июня 2017 г. Смоленск, 2017. С. 141–145.
10. Шурухнов В. А. Расследование вандализма: учебное пособие / под ред. Т. В. Аверьяновой. Москва: Юрлитинформ, 2005. 112 с.
11. Алиев Х. К. Современные проблемы мотивации вандализма // *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общие и гуманитарные науки*. 2013. № 4 (25). С. 104–107.
12. Алетин Р. А. Проблемы квалификации вандализма // *Пробелы в российском законодательстве*. 2015. № 4. С. 222–225.

13. Антонян Ю. М. Криминология: учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2013. 523 с.
14. Еникеев М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. Москва: НОРМА: ИНФРА-М, 2010. 640 с.
15. Воробьева И. В. Субъектогенез и границы субъектности и их роль в формировании вандального поведения // Конфликтогенность современности. Екатеринбург: УрГПУ, 2014. С. 102–118.
16. Гурова О. В., Воробьева И. В., Кружкова О. В. Молодежный вандализм как форма познания социального пространства и коммуникации в нем // Сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции «Психология когнитивных процессов», Смоленск. 2016. С. 117–122.
17. Руденкин Д. В., Воробьева И. В., Кружкова О. В., Кривошекова М. С. Молодежный вандализм в среде мегаполиса: границы нормы и девиации // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 2. С. 125–146.
18. Горьковая И. А. Эффективность копинг-стратегий у подростков с девиантным поведением // Психология стресса и совладающего поведения: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. С. 238–248.
19. Ясперс К. Духовная ситуация времени / под ред. И. Цулая. Москва: АСТ, 2013. 288 с. (Серия: Новая философия).
20. Thompson K., Offler N., Hirsch L., Every D., Thomas M. J., Dawson D. From broken windows to a renovated research agenda: A review of the literature on vandalism and graffiti in the rail industry // Transportation Research. Part A: Policy and Practice. 2012. Vol. 46 (8). P. 1280–1290.
21. Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспективы // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 1. С. 120–132.
22. Знаков В. В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. Москва: Институт психологии РАН, 2007. 479 с.
23. Субъектный подход в психологии / под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. И. Сергиенко. Москва: Институт психологии РАН, 2009. 619 с.
24. Мотков О. И. Личность и психика. Сущность, структура и развитие. Самара: Бахрах-М, 2008. 160 с.

References

1. Lysak I. V. Mehanizmy i posledstvija destruktivnoj dejatel'nosti cheloveka = Mechanisms and consequences of destructive human activity. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing Houses SKNTVS; TRTU; 2006. 80 p. (In Russ.)
2. Trovo F., Griguol E. The role of green chemistry in cultural heritage conservation and the campaign against graphic vandalism Innovation: State of the art of research and implications. *Chimica Oggi / Chemistry Today*. 2017; 35, 4: 42–46.
3. Vatrova L. S. Social'no-psihologicheskie osnovanija molodezhnogo vandalizma i ego profilaktika = Social and psychological bases of youth vandalism and its prevention. Moscow: National education; 2007. 298 p. (In Russ.)

4. Vorobyova I. V., Kruzhkova O. V. Psihologija vandal'nogo povedenija = Psychology of vandal behaviour. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2015. 292 p. (In Russ.)
5. Mendelevich V. D. Psihologija deviantnogo povedenija = Psychology of deviant behavior. Moscow: Publishing House MED-press; 2011. 432 p. (In Russ.)
6. Wacławek A. Graffiti and street art. London: Thames & Hudson Ltd; 2011. 208 p.
7. Gurova O. V., Kruzhkova O. V. Vandalism as a destructive strategy of realization of teenager subjectivity. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*. 2017; 3: 96–105. (In Russ.)
8. Gurova O. V., Kruzhkova O. V. Content and functional aspects of school graphic vandalism. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo Universiteta. Serija: Pedagogika i psihologija = Bulletin of the Tyumen State University. Series: Pedagogy and Psychology*. 2014; 9: 204–213. (In Russ.)
9. Kruzhkova O. V., Vorobyova I. V., Gurova O. V. Graphic vandalism in schools: Semantics and features of location. In: *Psihologija kognitivnyh processov: sbornik nauchnyh trudov VI vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 15–16 ijunja 2017 g. Smolensk = Collection of Scientific Works of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference "Psychology of Cognitive Processes"*; 2017 June 15–16; Smolensk. p. 141–145. (In Russ.)
10. Shuruhnov V. A. Rassledovanie vandalizma = Investigation of vandalism. Ed. by T. V. Averyanova. Moscow: Publishing House Jurlitinform; 2005. 112 p. (In Russ.)
11. Aliev H. K. Modern problems of vandalism motivation. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i humanitarnye nauki = News of the Dagestan State Pedagogical University. Social Sciences and Humanities*. 2013; 4 (25): 104–107. (In Russ.)
12. Aletin R. A. Problems of vandalism qualification. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in the Russian Legislation*. 2015; 4: 222–225. (In Russ.)
13. Antonyan Yu. M. Kriminologija = Criminology. 2nd ed. Moscow: Publishing House Jurajt; 2013. 523 p. (In Russ.)
14. Enikeev M. I. Juridicheskaja psihologija. S osnovami obshhej i social'noj psihologii = Legal psychology. Basics of general and social psychology. 2nd ed. Moscow: Publishing Houses NORM; INFRA-M; 2010. 640 p. (In Russ.)
15. Vorobyova I. V. Sub'ektogenez i granicy sub'ektnosti i ih rol' v formirovanii vandal'nogo povedenija = Subjectivity genesis and boundaries of subjectivity and their role in formation of vandal behaviour. *Konfliktogennost' sovremenosti = Contemporary conflictogenity*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2014. p. 102–118. (In Russ.)
16. Gurova O. V., Vorobyova I. V., Kruzhkova O. V. Youth vandalism as a form of knowledge of social space and communication in it. In: *Sbornik nauchnyh trudov vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Psihologija kognitivnyh processov", Smolensk. 2016 = Collection of Scientific Works of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Psychology of Cognitive Processes"*; 2016; Smolensk. P. 117–122. (In Russ.)

17. Rudenkin D. V., Vorobyova I. V., Kruzhkova O. V., Krivoschekova M. S. Youth vandalism in a megalopolis environment: Norm limits and deviations. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2018; 20, 2: 125–146. (In Russ.)
18. Gor'kovaya I. A. The effectiveness of coping strategies in adolescents with deviant behavior. In: *Psihologija stressa i sovladajushhego povedenija: sbornik materialov III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii = Collection of Scientific Works of the III International Scientific-Practical Conference "Psychology of Stress and Coping Behavior"*; 2013; Kostroma. Kostroma: Kostroma State University; p. 238–248. (In Russ.)
19. Yaspers K. Duhovnaja situacija vremeni = Spiritual situation of time. Moscow: Publishing House AST; 2013. 288 p. (In Russ.)
20. Thompson K., Offler N., Hirsch L., Every D., Thomas M. J., Dawson D. From broken windows to a renovated research agenda: A review of the literature on vandalism and graffiti in the rail industry. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. 2012; 46 (8): 1280–1290.
21. Sergienko E. A. System-subject approach: Grounds and perspectives. *Psihologicheskij zhurnal = Psychological journal*. 2011; 32, 1: 120–132. (In Russ.)
22. Znakov V. V. Ponimanie v myshlenii, obshhenii, chelovecheskom bytii = Understanding in thinking, communication, human existence. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2007. 479 p. (In Russ.)
23. Zhuravlev A. L., Znakov V. V., Ryabikina Z. I., Sergienko E. I. Sub'ektnyj podhod v psihologii = Subjective approach in psychology. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2009. 619 p. (In Russ.)
24. Motkov O. I. Lichnost' i psihika = Personality and psyche. Sushhnost', struktura i razvitie = Essence, structure and development. Samara: Publishing House Bakhrah-M; 2008. 160 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Гурова Ольга Валерьевна – преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия. E-mail: ovгурова@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.05.2018; принята в печать 17.10.2018.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Olga V. Gurova – Lecturer, Department of Criminal and Criminal-Executive Law, Perm Institute of the Federal Service for Execution of Punishment of the Russian Federation, Perm, Russia. E-mail: ovгурова@yandex.ru

Received 27.05.2018; accepted for publication 17.10.2018.
The author has read and approved the final manuscript.

ФУНКЦИИ ВАНДАЛИЗМА В МОЛОДЕЖНОМ ПОВЕДЕНИИ: ОТ ЛИЧНОСТИ К ОБЩЕСТВУ

О. В. Кружкова¹, И. В. Воробьева², Р. Ю. Порозов³

Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия.

E-mail: ¹galiat1@yandex.ru; ²lorisha@mail.ru; ³r.porozov@yandex.ru

Б. Зарбова

Софийский университет Св. Климента Охридского, София, Болгария.

E-mail: b.zarbova@gmail.com

Аннотация. Введение. Графический вандализм стал обычным явлением в современном городе. Традиционно он оценивался как негативное воздействие на среду обитания, которое приводит к различным материальным, визуальным и социальным деструкциям городского общественного пространства. Однако в последнее время наметился дискурс о позитивности и авантжности некоторых вандальных форм в виде граффити, изображений в стиле стрит-арта и пр. Вместе с тем серьезного обсуждения роли, значимости и последствий подобного вандализма для общественной и частной жизни учеными практически не ведется, хотя, как и любой социокультурный и социально-психологический феномен, вандализм имеет почву и несет определенные смысловые послылы.

Цель представленной в статье работы – выявление и описание функций графического вандализма с социокультурной и психологической точек зрения.

Методы и методики. Эмпирическое исследование проводилось в пространстве мегаполиса (г. Екатеринбург, Россия) посредством фотофиксации результатов вандальных актов (в общей сложности было сделано более 6000 снимков) с последующими трейс-оценкой и контент-анализом изображений.

Результаты и научная новизна. Выстроена и охарактеризована структура функционала вандализма, представленная на социально-средовом и индивидуально-субъектном уровнях. К первому уровню отнесены сигнализирующая и конструирующая функции, подготовка социальных изменений и управление общественными настроениями. На втором (индивидуально-субъектном) уровне выделены демонстративно-протестная функция, функции отреагирования, возмещения и самовыражения. Каждая из функций проиллюстрирована примерами визуальных репрезентаций. Сконструирована двумерная модель функций вандализма, в которой они распределены в простран-

ствах «конструирование / реконструирование», «эмоциональная регуляция / моральная регуляция». Показано, что любая функция вандальной активности на индивидуальном уровне становится своеобразным маркером «точек напряженности» на социально-средовом уровне.

Функциональное разнообразие вандализма становится причиной неоднозначного его восприятия и различных, иногда прямо противоположных оценок. Авторы приходят к выводу о том, что с позиций социума вандализм часто выглядит эволюционным инструментом управления общественным развитием, способным ослабить непроницаемость устоявшихся границ нормативности и традиционности, обеспечивающим пластичность культурной и материальной среды в условиях инновационных и мобилизационных изменений общества. С позиций личности это выход индивидуального поведения за официально предписанные границы активности рядового члена общества. Таким образом, вандализм как явление общественной жизни выступает одновременно и нормой, и девиацией, оценка которым дается в зависимости от функционального значения и субъектной принадлежности отдельного конкретного вандального акта.

Практическая значимость работы заключается в потенциальных возможностях использования полученных данных для совершенствования и оптимизации технологий управления вандальной активностью молодежи в пространстве мегаполиса, организации профилактики и сублимации деструктивных форм поведения молодых людей в городской среде.

Ключевые слова: молодежь, вандализм, городская среда, городская молодежь, функции вандализма, вандальное поведение, деструкция.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01278).

Для цитирования: Кружкова О. В., Воробьева И. В., Порозов Р. Ю., Зарбова Б. Функции вандализма в молодежном поведении: от личности к обществу // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 10. С. 95–120. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-95-120

FUNCTIONS OF VANDALISM IN YOUTH BEHAVIOUR: FROM PERSONALITY TO SOCIETY

O. V. Kruzhkova¹, I. V. Vorobyeva², R. Yu. Porozov³

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: ¹galat1@yandex.ru; ²lorisha@mail.ru; ³r.porozov@yandex.ru

B. Zarbova

Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria.
E-mail: b.zarbova@gmail.com

Abstract. *Introduction.* Graphic vandalism has become a widespread phenomenon in the space of modern cities. Traditionally, vandalism has been assessed as a negative phenomenon, leading to the destruction of the material, visual and social environment of urban public space. Recently, however, the discourse on the positive meaning of certain forms of vandalism (graffiti, street art, etc.) has been activated. At the same time, there is no discussion of the role and influence of vandalism on public and individual life, although, like any socio-cultural and socio-psychological phenomenon, vandalism has the basis and carries certain messages.

The *aim* of this research was to identify and describe the functions of graphic vandalism, taking into account socio-cultural and socio-psychological aspects.

Methodology and research methods. The study was conducted in the spatial environment of the megalopolis (Ekaterinburg, Russia) by photographing results of vandal acts (more than 6000 photographs) with subsequent trace-assessment and content analysis of images.

Results and scientific novelty. The structural functions of vandalism at the socio-environmental and individual-subjective levels are identified and characterised. The signalling and designing functions, preparation of social changes and management of public mood are referred to the first level. At the second (individual-subjective) level, the demonstrative-and-protest function, functions of reactions, compensation and self-expression are allocated. The functions are illustrated with the examples of visual representations. A two-dimensional model of vandalism functions is formed, where the functions are distributed in the spaces of "construction / reconstruction", "emotional regulation / moral regulation". It is noted that any function of vandal activity at the individual level becomes a kind of marker "points of tension" at the socio-environmental level.

The functional variety of vandalism becomes the reason of its ambiguous perception with diverse and occasionally contradictory estimates. The authors came to the conclusion that vandalism is socially considered as the evolutionary managerial instrument of social development, which is capable to weaken impermeability of the normatively and traditionally established limits, providing adjustability of the cultural and material environment in the conditions of innovative and mobilisation changes of society. From the perspective of the personality, vandalism is concerned as individual behaviour over the socially defined limits of activity among ordinary members of the society. Thus, vandalism as the phenomenon of public life acts as a norm and a deviation, to which an assessment is given in dependence on functional significance and subject self-identification of the specific vandal act.

Practical significance. The research materials and the results obtained can be used to improve and optimise the technologies for management youth vandal activity in megapolises, for prevention and sublimation of destructive forms of youth behaviour in an urban environment.

Keywords: youth, vandalism, urban environment, urban youth, vandalism functions, vandal behaviour, destruction.

Acknowledgments. The research was performed with the financial support of the Russian Science Foundation (project № 17-18-01278).

For citation: Kruzhkova O. V., Vorobyeva I. V., Porozov R. Yu., Zarbova B. Functions of vandalism in youth behaviour: From personality to society. *The Education and Science Journal*. 2018; 10 (20): 95–120. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-95-120

Введение и обзор литературы

Сегодня практически в любом городском пространстве можно обнаружить следы вандальной активности жителей, прежде всего молодежи. Безусловно, интенсивность вандальных проявлений и их масштаб зависят от множества факторов: величины городского поселения, его социально-культурных особенностей, специфики «каркаса» (планировки) и «ткани» (архитектуры и строительного материала зданий) и пр. Однако в любом случае речь идет о каких-либо несанкционированных изменениях, повреждающих среду обитания:

- наносящих экономический ущерб городскому хозяйству [1];
- ухудшающих качество рекреационного пространства и угрожающих общественной безопасности [2];
- повреждающих или даже разрушающих природные и культурные памятники [3];
- нарушающих публичный порядок и оскорбляющих общественную нравственность [3];
- подрывающих институт собственности [4].

В этих контекстах вандализм рассматривается как «болезнь морали и тенденция к намеренному и сознательному уничтожению общественной собственности» [3, р. 5].

Деструктивные последствия визуальных следов вандализма проявляются не только в нарушении целостности городской материальной среды, но и в негативных социально-психологических и инвестиционно-экономических эффектах. Так, восприятие результата вандальных актов на различных объектах повышает уровень стресса [5], влияет на физическое здоровье [6] и снижает субъективное чувство благополучия горожан, особенно людей, испытывающих проблемы с соматическим здоровьем [7].

В то же время присутствие вандализма в социальном и материальном пространстве обитания человечества на всех этапах его исторического развития, распространенность и многоаспектность вандальных форм

и проявлений, а также иногда сложно различимая граница между отдельными актами вандализма и современным искусством [8] наводят на мысли о социальной обусловленности данного явления, его «востребованности» и особом значении для социума и человека в нем.

Общепризнанно понимание вандализма как «бессмысленного уничтожения культурных и материальных ценностей»¹, «преднамеренного действия по уничтожению или деформации не принадлежащей субъекту вандализма собственности» [9, р. 1]. Однако внешне оцениваемая «бессмысленность» зачастую имеет глубокую подоплеку и обоснованность подобных деструктивных действий молодого человека в социальной среде.

Материальные объекты являются выражением и продолжением культурной и социальной среды. Совершая акт вандализма, субъект воздействует на них, ожидая определенного результата [10]. Управление данными объектами дает субъекту возможность влиять на других людей, позволяет получить от них обратную связь в ответ на свои действия, иначе говоря – вступить в диалог.

М. Martha Gama-Castro и Е. Leon-Reyes интерпретируют некоторые виды вандализма как визуальную коммуникацию, либеральную и демократическую форму выражения, выходящую за рамки традиционного искусства [8].

А, например, D. Schotte определяет вандализм как «насилие в отношении вещей», использующееся индивидом для психологического давления на другого человека или сообщество через уничтожение высокоценных для них объектов [11].

В научном и социальном дискурсах вандализм чаще всего сопровождается негативными коннотациями, но, как ни странно, практически не рассматривается его функциональное значение для общественных процессов, социализационных явлений и эволюционных изменений.

Вместе с тем в общественной практике появляется всё больше прецедентов, когда, по сути, вандальные действия интерпретируются с позиции социально одобряемых категорий активности – творчества, общественной инициативы, самовыражения, реализации пропаганды и пр. [12, 13]. Исходя из этого, односторонняя категоричность негативных оценок вандализма становится, очевидно, ошибочной. Его наличие в общественной жизни и индивидуальной практике деятельности субъекта несет в себе определенную смысловую нагрузку, понимание которой позволяет

¹ Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. Москва: Большая российская энциклопедия, 2002. 1456 с.

не только лучше осмыслить и изучить указанный феномен, но и управлять проявлениями деструктивной активности молодежи в городской среде.

Анализ как непосредственных актов вандализма, так и их интерпретации воспринимающими субъектами дает право утверждать, что глубинная суть вандализма – диалог между личностью / группой лиц и обществом. Осознанная целевая направленность на разрушение или преобразование указывает на протест и несогласие с чем-либо в общественной жизни.

Таким образом, акт вандализма – это особого рода сообщение, посылающий своего адресата, от которого ожидается обратная реакция: осуждение, удивление, общественный резонанс, наказание, поиск исполнителя и пр. – т. е. вступление в коммуницирование и взаимодействие. Именно коммуникация через инструмент ее реализации выступает основной сферой проявления социального отклонения (которым признается вандальное поведение) как социально-культурного конструкта [14]. В данном контексте вандализм может и должен выполнять ряд функций и с позиции субъекта (функций, связанных с его реализацией во внешней среде), и с позиции социального пространства его присутствия.

Материалы и методы

Целью изложенного ниже исследования стало выявление и характеристика функционального назначения вандализма как социокультурного и социально-психологического явления жизни городского сообщества.

Для реализации указанной цели были поставлены следующие исследовательские вопросы:

- 1) может ли вандализм в контексте отдельных функций рассматриваться не только как социально негативное явление?
- 2) в чем заключается специфика функций вандализма с позиций личности и социума?
- 3) как взаимосвязаны и взаимодействуют функции вандализма с позиций личности и социума?

Изучение функций вандализма в городском пространстве мегаполиса проводилось на фактологическом материале города Екатеринбурга (Россия), собранном в период с мая по июль 2017 г., и предварялось анализом современной научной литературы по психологии, культурологии, антропологии, социологии и философии.

В ходе работы применялись контент-анализ и трейс-оценка эмпирического материала (более 6000 фотофиксаций визуальных результатов вандальных актов по отношению к объектам городской среды Екатеринбурга).

Вандализм рассматривается нами прежде всего в качестве «формы воздействия субъекта на объекты городской среды (материальной, социальной, информационной и какой-либо иной), выражающейся в стремлении субъекта изменить актуальное ее состояние без соответствующих на это санкций со стороны другого субъекта, имеющего юридические права на эти объекты (ее собственника или управляющего)» [15, с. 229]. В социально-психологическом контексте обсуждаемое явление интерпретируется также как «расширение границ реализации субъектности индивида, реализуемой в деятельности и поведении, за формально устанавливаемые социумом пределы активности субъекта» [Там же, с. 229–230]. Вследствие этого функции вандализма могут быть ориентированы на удовлетворение потребностей как общества, так и отдельного человека – субъекта вандальной активности.

Результаты

Функции вандализма в социально-средовом измерении

Выделение в отдельную группу социально-средовых функций вандального поведения было обусловлено значимостью влияния пространственных систем на социальное поведение человека. Интерпретация этой совокупности функций вандализма позволяет описать динамику взаимоотношений между конкретным городом и его жителем. Причем, на наш взгляд, в данном случае необходимо не столько обращать внимание на деструктивный аспект подобной практики, сколько сделать попытку феноменологического и беспредпосылочного объяснения социального поведения современной городской молодежи, выражающегося через вандализм.

Следует признать, что любое отклонение от нормы, представленное в городском пространстве, – это потенциальный маркер и свидетельство изменений, происходящих в системе «человек – город» [16, р. 10].

В качестве социально-средовых функций вандализма мы выделяем сигнализирующую, конструирующую, подготовку к социальным изменениям и управление общественными настроениями. С одной стороны, эти функции универсальны: они атрибутированы и могут быть обнаружены в любой пространственной системе. С другой – социально-психологическая и социокультурная специфика конкретной пространственной системы, в том числе города, и активность в ней молодежи раскрываются именно благодаря указанным функциям.

Сигнализирующая функция носит рефлексивный характер и свидетельствует о «переживании среды» ее молодыми жителями. Так, Т. Н. Курбатова и Р. С. Васильева полагают, что графический вандализм есть ре-

зультат социальной аномии и вакуума – «отсутствия близких людей, положительных эмоций, а также социальных связей» [17, с. 23].

Одними из следствий ускоряющегося процесса урбанизации являются сегментация и анонимизация межличностных отношений. Однако вандализм может быть признаком и противоположной тенденции – попыткой зафиксировать чувство эмпатии и потребности в домостроении (одомашнивании) городского пространства. То есть происходит движение «от обратного», логика которого может быть прочитана следующим образом: «Если городское пространство обладает стрессогенным потенциалом, то мы можем его перекодировать в систему положительно воспринимаемых символов и знаков». В этом случае необходимо обращать внимание:

- 1) на тональность графических символов и знаков;
- 2) коммуникативную цель вандальной практики.

Тональность графического символа и знака выражает эмоциональное восприятие автором того или иного факта городской жизни – события, поступка, локации. В общем виде тональность может быть «положительной», «нейтральной» или «отрицательной». Коммуникативная цель определяет направленность вандальной практики на конкретный аспект городской жизни: социально-бытовой, общественно-политический либо экзистенциальный (вневременной, бытийный).

Например, на рис. 1 и 2 представлено «заочное» сражение двух политических идеологий. Данная репрезентация «сигнализирует», во-первых, о том, что две противоборствующие силы вступают в схватку и готовы об этом публично заявлять. Во-вторых, они внимательно наблюдают за действиями своих оппонентов и опровергают их, а вандальные репрезентации других форм городской культуры их просто не интересуют.

Рис. 1
Fig. 1

Рис. 2
Fig. 2

Примеры визуальной репрезентации сигнализирующей функции вандализма
Examples of visual representation signalling functions of vandalism

Сигнализирующая функция вандализма подчас выражается и в маркировании неблагополучия пространства или его непригодности, ограниченности для реализации потребностей человека. Тогда это может трактоваться как призыв к изменениям и преобразованиям общественного пространства города. В частности, Е. Ю. Витюк считает, что граффити в городской среде «призваны “одушевлять” безликие городские территории» [18, с. 43], вносить в среду какие-то опознавательные знаки, символы, элементы, указывающие на принадлежность этого пространства [Там же].

Вандализм может быть также своеобразным предъявлением прав на город и его территорию различными категориями жителей, например скейтбордистами, велосипедистами и пр., борющимися за пересмотр пространственной политики планирования и обустройства улиц, не приспособленных для альтернативных форм движения [19], и против допущения этих форм перемещения только в локальных точках [12].

Функция подготовки к социальным изменениям представляет собой попытку «прощупать почву» и определить общественные настроения, которые циркулируют в городском пространстве, с целью замены их на новые.

Р. К. Мертон, описывая типы нормативных конфликтов, утверждал, что их причина кроется в специфическом «изменении культурных целей и институционализированных средств» [20, с. 247]. Исследователь выделял пять типов таких конфликтов:

- «конформизм» (принятие целей и средств);
- «инновация» (принятие целей, но использование новых средств);
- «ритуализм» (принятие не целей, но лишь только средств);
- «бегство» (отказ от целей и средств);
- «мятеж» (отмена прежних целей и средств, замена их на новые).

В соответствии с каждым типом нормативного конфликта могут быть предложены объективные маркеры вандального поведения. При этом следует учитывать, что визуальные репрезентации вандализма носят спорадический (случайный) либо долговременный характер.

В первом случае вандальное поведение, скорее, демонстрирует индивидуальный «запрос» или отражает актуальную «повестку дня» малых социальных групп. Так, рис. 3 иллюстрирует «приклеивание» нового дискурса, отражающего нетерпимость к «инокультурным» феноменам, проникающим в пространство российского города.

Во втором случае графический вандализм может толковаться как «предупреждение» о четко наметившейся социальной тенденции. На рис. 4 представлен пример довольно распространенных граффити, традиционно

ассоциируемых с екатеринбургскими футбольными фанатами, отличающимися максимализмом и нетерпимостью к болельщикам других российских команд.

Таким образом, посредством вандализма становится возможным разрушение старых и продвижение новых форм работы с прошлым, традиционным и привычным, изменение исторической памяти, формирование новых социальных установок вопреки сложившимся общественным отношениям. Вандализм (особенно направленный против идеологических символов прошлого, ценностно значимых объектов старших поколений или неких аутгрупп) выступает в этом случае антикоммеморационным инструментом, модифицирующим объект в общественном пространстве и приписывающим ему новые значения для последующей его замены новым символом [21].

Рис. 3
Fig. 3

Рис. 4
Fig. 4

Примеры визуальной репрезентации функции подготовки к социальным изменениям
Examples of visual representation of functional preparation for social changes

Конструирующая функция вандализма отражает попытки создания самостоятельного, автономного «подпространства» исходя из эстетической и этической программ или идеологии, принятых в определенной молодежной культуре. Согласимся, что любой конструкт либо результат культуротворчества – материальный или духовный – воплощает в себе представления «о должном» (предмет этики) и «чувственно-эмоциональном» (предмет эстетики). Юношеский вандализм в контексте конструирующей функции – это легитимация (узаконивание) фундаментальных этических понятий (долга, справедливости, солидарности, дружбы), но с позиций представлений о них современных молодых людей и в той интерпретации, которую они считают правильной. Соответствующие проявления молодежного вандализма следует атрибутировать как вечную «битву поколений» (греч. «μάχη γενιάς»), или «конфликт отцов и детей».

Фотографии на рис. 5 и 6 экспонируют варианты сопротивления стереотипному девиантному поведению (алкоголизму) и стремлению пропагандировать с помощью вандальных актов здоровый образ жизни современного горожанина.

Рис. 5
Fig. 5

Рис. 6
Fig. 6

Примеры визуальной репрезентации конструирующей функции вандализма

Examples of visual representation of the designing function of vandalism

Классические эстетические категории «прекрасное – безобразное», «комическое – трагическое» и т. п., сформулированные еще Аристотелем, конструируют систему неутилитарных отношений – внутренних (между представителями молодого поколения) и внешних (между молодежью и другими социальными группами или институтами). Д. Гринбергер и В. Аллен, рассуждая об эстетической природе вандализма, утверждали, что это реализация «удовольствия, получаемого через разрушение» [22, с. 309]. Амбивалентная (двойственная) природа вандализма заключается в том, что одни и те же эстетические переживания могут служить одновременно и в равной степени стимулом и для создания нового объекта, и для деструктивной трансформации существующих вещей, предметов и конструктов.

Современная молодежь энергично вступает в диалог поколений, но не воспринимает культурные коды прошлого как сакральные и неприкосновенные системы и пытается радикально изменить их. Известный социолог Г. М. Маклюэн обозначил этот процесс как «графическую революцию» в нашей культуре [23, с. 262]. Очевидно, с ней, по крайней мере отчасти, и связана антиномичность публичного восприятия вандальной графики. Формально тот или иной объект (например, стены городских зданий) подвергается десрукции. Однако если визуальная репрезентация,

в частности граффити, вызывает у зрителя комплексные нетривиальные эстетические и этические переживания, то она в меньшей степени воспринимается как общественно опасное явление [8, 15].

Функция управления общественными настроениями состоит в социально-психологической компенсации отрицательных эмоций, которые типичны для современного горожанина. Вандальные практики снимают напряжение с помощью механизма распределения психической энергии во время акта физического действия. Как ни парадоксально, но в данном случае вандализм превращается в эффективный инструмент снижения тревожности его субъекта. Р. Мишар и Ю. Бангун, исследуя защитные механизмы, снижающие внешнее негативное влияние, отмечали, что сублимация «наиболее четко выражается в творческих культурных практиках» [24, с. 394].

Примером сублимации может служить визуальная репрезентация, представленная на рис. 7, где размещено изображение стилизованной банки супа Campbell's, ставшей иконой современного актуального искусства, идеологемой поп-арта.

Вандализм может быть способом снижения социального напряжения и формой «разрядки» отрицательных эмоций горожан. И, наоборот, с его помощью можно добиться усиления и распространения протестных идей, причем как через реализацию вандальных актов, так и посредством восприятия их результатов. Исходя из этого вандализм можно рассматривать как действенный и не поддающийся управлению политический инструмент выражения и формирования общественных настроений по поводу значимых для социума событий.

Например, исследования городских граффити в США доказали, что власти бессильны в установлении контроля над «уличным искусством», которое создает альтернативные социальные, культурные и экономические предпосылки и установки функционирования социума в условиях городской среды [25].

Тем не менее наблюдаются попытки муниципальных властей создать систему профилактических мер, направленных на коррекцию и предотвращение вандального поведения молодежи, найти способы трансформации деструктивной энергии и перенаправления ее в легальное поле через систему социально востребованных культурных практик. Например, в Екатеринбурге уже на протяжении нескольких последних лет проводится фестиваль «Стенография» по популяризации и легитимации уличного искусства (рис. 8).

Рис. 7
Fig. 7

Рис. 8
Fig. 8

Примеры визуальной репрезентации функции управления общественными настроениями

Examples of visual representation of functional management of public mood

На основе сказанного и приведенных примеров можно констатировать, что вандализм и близкие к нему культурные практики могут не только популяризировать негативные социальные явления, но и выполнять роль социальной рекламы, стимулируя определенные позитивные поведенческие реакции и формируя просоциальные намерения у зрителя.

Функции вандализма в индивидуально-субъектном измерении

Тем не менее субъектом вандальной активности всегда выступает личность, которая посредством данной, зачастую деструктивной для общества формы взаимодействия с окружающим пространством, решает свои индивидуальные задачи. Одна их часть связана с аспектами личностной самореализации, вторая обусловлена реагированием на изменения во внешней или внутренней среде самого человека. Рассматривая вандализм с этой точки зрения, можно выделить еще одну группу его функций, связанных с индивидуально-субъектными факторами.

Демонстрационно-протестная функция. Вандализм может служить инструментом выражения несогласия, протеста, оппозиционных взглядов. При этом преобразованиям могут подвергаться как объекты, наделенные конкретной символикой (памятники, религиозные учреждения, институты власти и т. п.) и связанные с определенными нишами жизнедеятельности отдельных групп населения, так и объекты, просто находящиеся в доступной для вандалов близости (стены, заборы, гаражи, подъезды жилых домов). Наглядные образцы визуальной репрезентации демонстрационно-протестной функции приводятся на рис. 9 и 10: на пер-

вом персонаж-полицейский изображен в сочетании с запретительной табличкой о стоянке машин; второй является стихийной агитацией за политического лидера.

Рис. 9
Fig. 9

Рис. 10
Fig. 10

Примеры визуальной репрезентации демонстрационно-протестной функции

Examples of visual representation of demonstration-and-protest function

А. С. Колосов объясняет появление подобных вандальных рисунков и надписей поиском нового культурного языка при невозможности понять и принять существующие ценности традиционной культуры [26]. Вместе с тем «художественное самовыражение» может быть своеобразным маркером личного «социального неравнодушия» по отношению к какой-либо острой проблеме, призывом к обществу обратить на нее внимание.

Так, некоторые исследователи считают вандализм одним из каналов донесения до сограждан позиции меньшинства, альтернативной формой информирования, противопоставляемой широко распространенным видам иного информационного контента (рекламе, моде и пр.) [19, 27].

А. Р. Москвина, описывая феномен граффити и его особенности в российских городах, отмечает разновидности графических форм, содержащих протестную символику и транслирующих конкретное оппозиционное мнение [28]. Действительно, демаршная деструктивная активность молодежи весьма разнообразна как по своему исполнению (от лозунгов и призывов до поджогов и разрушения), так и по семантике, которая может быть выражена посредством символов определенных молодежных субкультур, не содержащих лексических единиц, или нецензурной лексикой. Общими признаками для любого варианта протестного вандализма являются его публичное фрондерство и категоричность оценок.

Функция отреагирования. Вандализм способен снимать излишние негативные эмоции. Вандализм как субъект деструктивной активности снижает

энергетический накал своего психоэмоционального состояния путем переноса объекта разрушения с человека на окружающее пространство, т. е. перенаправляет агрессию на неодушевленные объекты городской среды.

Предметы и конструкты, подвергающиеся вандализму, могут быть связаны с источником негативных эмоций (человеком, ситуацией и пр.), а могут вообще не иметь к нему никакого отношения. В последнем случае разрушению либо преобразованию подвергается наиболее доступное пространство. Это могут быть культовые для конкретной субкультуры территории и объекты, места с низкой степенью социального контроля: пустыри, гаражные комплексы, промзоны и т. п. Например, объекты, зафиксированные на рис. 11 и 12, частично разрушены в зонах, доступных для вандала: у одного (торгового павильона) на нижнем уровне разбиты зеркальные поверхности, у второго (рекламы магазина) разорвана поверхность полотна.

Рис. 11
Fig. 11

Рис. 12
Fig. 12

Примеры визуальной репрезентации функции отреагирования
Examples of visual representation of responsive function

Возможным объяснением вандальных практик, выполняющих функцию отреагирования, является попытка замещения как механизма психологической защиты, позволяющей совладать с гневом на бессознательном уровне [29].

Исследования иранских ученых показывают, что дети и подростки менее склонны к разрушительной активности, если переживают субъективное чувство собственного благополучия, иначе – счастья, и не имеют проблем с социальной адаптацией к среде [3]. А ученые Германии и Сербии обнаружили связь между определенными личностными качествами негативной направленности (в частности, садизмом) и склонностью человека к совершению вандальных действий для получения удовольствия [9]. Вероятно, с одной стороны, существует некая индивидуально-психологи-

ческая предрасположенность личности к устойчивой определенной модели поведения или к излишней психологической защите себя, с другой – совершение вандальных актов может провоцироваться спецификой окружающей среды.

Функция возмещения. Проявления вандализма бывают способом компенсации социальной несправедливости, которая довольно чутко и остро воспринимается молодым поколением [30], особенно в периоды интенсивных социальных, политических и экономических преобразований. Посредством деструктивной активности, направленной на материальные объекты, которые являются атрибутами более успешной социальной группы или сообщества, наделенного какими-либо сверхправами, молодежь стремится восстановить справедливое, с ее точки зрения, распределение ресурсов и возможностей.

О. А. Гулевич вводит понятие «воздающей справедливости», которая допускает нанесение ущерба другим людям в ответ на их уже совершённые действия или те, которые гипотетически могут быть совершены [31]. Безусловно, диапазон вариативности и разнообразия форм подобных ответов весьма широк, и вандализм лишь один из возможных вариантов, а объекты вандальных атак зачастую теряют свою персонификацию. Кроме того, происходит обобщенное отнесение их к какой-либо социальной группе, исходя из самых упрощенных оценочных категорий – «свое / чужое», «хорошее / плохое», «бедное / богатое» и т. п.

Рис. 13 и 14 демонстрируют реализацию функции возмещения: на одном заснято здание барачного типа с лозунгом, сигнализирующим о социальной несправедливости; на другом критике подвергается конкретное профессиональное сообщество.

Рис. 13
Fig. 13

Рис. 14
Fig. 14

Примеры визуальной репрезентации функции возмещения
Examples of visual representation of compensative function

Функция самовыражения. Помимо негативного целеполагания вандализм как преобразование городской среды и ее объектов может подразумевать желание и потребность творческого самовыражения. Подобная функция очень часто реализуется через граффити, которое в качественном исполнении приобретает даже художественно-эстетическую ценность, позитивно меняя и украшая городскую среду.

В молодежной возрастной группе выделяется субкультура райтеров, представители которой позиционируют себя как граффити-художников и несанкционированно наносят рисунки на городские объекты с целью публичной демонстрации своих способностей и талантов, а также ради осуществления коммуникации как с членами собственного субкультурного сообщества, так и с более широким кругом горожан. Часто граффити располагаются в труднодоступных, но хорошо просматриваемых местах городского пространства (мосты, внешние стены верхних этажей многоэтажных домов и т. п.) [27].

Однако не только райтеры используют вандализм в качестве инструмента самовыражения и раскрытия креативного личностного потенциала. К этой модели самореализации могут прибегать другие, обычные горожане. На рис. 15 и 16 приводятся примеры такого материального воплощения творческих способностей: на одной фотографии на торце постройки изображен полет стаи птиц, на другой – дерево как символ жизни.

Рис. 15
Fig. 15

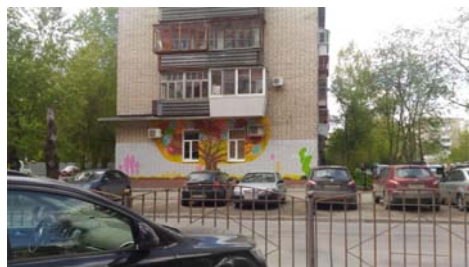

Рис. 16
Fig. 16

Примеры визуальной репрезентации самовыражения
Examples of visual representation of self-expression

Вместе с тем любую деструкцию и любое преобразование окружающего пространства без разрешения его собственника или управляющего принято относить к вандализму, даже если цель субъекта активности заключалась в совершенствовании окружающей среды и была обусловлена исключительно альтруистическими мотивами.

Обобщая все вышеперечисленные функции вандализма, мы построили схему, иллюстрирующую их соотношение по нескольким основаниям (рис. 17).

Рис. 17. Модель функций вандализма в пространстве взаимодействия личности и среды

Fig. 17. Model of vandal functions in the space of person-environment interaction

Во-первых, задачи, решаемые посредством деструктивной активности, можно дифференцировать по полюсам «реконструирование» и «конструирование». Один из них предполагает активное изменение уже преобразованной среды, причем, вероятнее всего, в направлении усугубления деструкции и окончательном разрушении объектов городского пространства. Второй – подразумевает, как правило, добавочные видоизменения, «украшающие» городские объекты. При конструирующем варианте обязательно актуализируется семантическая составляющая посылы, в отличие от вандализма реконструирующего типа, в котором преобладает цель уничтожения.

Во-вторых, функции вандальной активности разделяются по преобладающему вектору психической саморегуляции субъекта вандализма. В одном случае это домината эмоционально-чувственной сферы, в другом – когнитивно-нравственных, моральных устоев.

Ключевым, по нашему мнению, является логическое соответствие индивидуально-ориентированных функций вандального поведения социально-опосредованным функциям.

Например, функция отреагирования, решающая задачу снятия чрезмерного эмоционального напряжения, негативных эмоций закономерно пре-

образуется на социальном уровне в задачу передачи сообщения о неблагополучии материальной, социальной, информационной среды и человека в ней.

Стремление выразить себя, проявить творческий потенциал посредством вандальных актов на личностном уровне в социальном плане дает возможность управления общественными настроениями, поскольку содержание и смысл результата вандальных действий в этом случае имеет выраженную семантическую составляющую и может как отражать психоэмоциональное состояние среды, так и формировать его.

Несогласие, демонстрация и протест, выражаемые человеком с помощью деструктивной активности, на уровне общества трансформируются в потребность создания «своего» пространства в городе, что проявляется в виде концентрации отдельных вандальных форм в определенных территориальных зонах.

Поиск социальной справедливости и использование вандальных практик в качестве инструмента своеобразной компенсации в социальном контексте преобразуются в создание условий для подготовки общественных изменений.

Причем, если индивидуально-ориентированная функция вандализма направлена на обозначение актуальных и острых проблем, то на общественном уровне она будет способствовать обобщению и формированию единой социальной позиции.

Таким образом, любая из функций вандальной активности на индивидуально-субъектном уровне становится своеобразным маркером «точек напряженности» на социально-средовом уровне.

Обсуждение и заключение

Неоднозначное понимание вандализма в социуме создает почву для дискуссии о его оценке, значении и функциях в современном мире.

С позиции многих представителей общественности вандализм – социально значимое явление, которое не обязательно содержит в себе деструктивный элемент. Нередко вандальные практики в форме граффити, стрит-арта, городского перформанса возводятся в ранг произведений искусства, признаются образцами современной городской культуры и оцениваются иными категориями, нежели «нормативность / девиантность», «хорошо / плохо», «правильно / неправильно» и др.

Вместе с тем, безусловно, есть акты вандализма, которые вызывают однозначное негативное отношение и осуждение той же общественностью. В частности, к ним принадлежат варварские разрушения надгробий, памятников, произведений искусства, культовых объектов.

Существует и еще один аспект обсуждаемого явления – фоновый вандализм, наличие которого в городском пространстве практически не оценивается, так как не замечается жителями и, как правило, воспринимается как нечто обыденное. Обычно наиболее чувствительными к вандальным повреждениям бывают люди, не знакомые со средой данного пространства, впервые попавшие в другой город или другую его часть. Тем не менее даже для привычного человека различного рода нарушения целостности материального и социального пространства определенного городского района или локации становятся фактором повышенного уровня тревожности и маркером неблагополучия.

Большинство людей примиряют с вандализмом признаваемая за ним социальная значимость и его функциональное разнообразие. Именно поэтому он возводится в ранг неизбежных, а следовательно, «нормальных» явлений городской жизни. А в некоторых случаях, исходя из идеологических соображений или иных причин и настроений, возникающих в обществе, он начинает расцениваться как прогрессивное и позитивное явление, дающее возможность повысить динамичность городской среды, «обновить» ее, сделать более современной и конгруэнтной изменившимся социальным условиям и требованиям.

Однако человек, совершающий вандальный акт, – это все же девиантная личность. Он может быть одаренным художником, творцом, борцом за справедливость и высшие идеалы, революционером, политическим активистом, но так или иначе он всегда предпринимаемыми действиями противопоставляет себя традиционным ценностям общества. Такой субъект нередко сам осознанно отделяет себя от социума, внутренне не соглашаясь с установленными в нем границами своей самореализации. Как правило, вандальные действия превращаются в своеобразную «репетицию», «первую пробу» на пути противостояния личности сложившимся к определенному моменту нормативным требованиям. Отсутствие соразмерного наказания, а в некоторых случаях даже одобрение и восхищение со стороны окружающих – «значимых других» – не только закрепляет девиантную модель поведения, но и усугубляет тяжесть последующих проявлений девиантности.

Подводя итог нашим рассуждениям, можно резюмировать, что с позиций социума вандализм часто выглядит эволюционным инструментом управления общественным развитием, способным ослабить непроницаемость устоявшихся границ нормативности и традиционности, обеспечивающим пластичность культурной и материальной среды в условиях инновационных и мобилизационных изменений общества. В то же время

с позиций личности это выход индивидуального поведения за предписанные социумом границы активности рядового члена общества. Следовательно, вандализм как явление общественной жизни выступает одновременно и нормой, и девиацией, оценка которым дается в зависимости от функционального значения и субъектной принадлежности отдельного конкретного вандального акта.

Список использованных источников

1. Оболенская А. Г. Вандализм как институциональная ловушка // Труды VIII Всероссийского симпозиума по экономической теории: доклады секционных заседаний. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2018. С. 111–112.
2. Lin M. S., Yu H., Zeng Y. F., Xiao X. N., Wang K. Y. A study on the influence mechanism of vandalism intention of outbound tourists based on extended theory of planned behavior model // *Applied Ecology and Environmental Research*. 2018. № 16 (5). P. 5955–5969.
3. Bazrafshan M.-R., Abdi A., Masmouei B., Kavi E., Abshorshori N., Akbari L., Faramarzian Z., Zakeri M. The relation of social happiness and adjustment with vandalistic behaviour of the children and young adults in the families under supervision of welfare office // *Journal of Clinical and Diagnostic Research*. 2018. № 12 (8). P. LC05–LC09.
4. Павлов В. Г. Вопросы ответственности за вандализм в зарубежном уголовном законодательстве // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2014. № 25 (4). С. 95–100.
5. Кружкова О. В., Воробьева И. В., Жданова Н. Е. Подростковый и юношеский вандализм: оценка стресс-факторов городской среды как возможный предиктор деструктивного поведения // *Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2018. № 28 (4). С. 390–396.
6. Robinette J. W., Charles S. T., Gruenewald T. L. Neighborhood cohesion, neighborhood disorder, and cardiometabolic risk // *Social Science and Medicine*. 2018. № 198. P. 70–76.
7. Ellaway A., Morris G., Curtice J., Robertson C., Allardice G., Robertson R. Associations between health and different types of environmental incivility: A Scotland-wide study // *Public Health*. 2009. № 123 (11). P. 708–713.
8. Martha Gama-Castro M., León-Reyes F. Bogotá arte urbano o graffiti. Entre la ilegalidad y la forma artística de expresión [Bogota urban art o graffiti. Between illegality and artistic form of expression] // *Arte, Individuo y Sociedad*. 2016; 28 (2): 355–369.
9. Pfattheicher S., Keller J., Knezevic G. Destroying things for pleasure: On the relation of sadism and vandalism // *Personality and Individual Differences*. 2018. (в печати).
10. Злоказов К. В., Каппушев С. С. Представление о цели деструктивного поведения // *Прикладная юридическая психология*. 2018. № 1. С. 93–100.

11. Schotte D. Raped statues and murdered ideas: Remarks on the concept of «Violence against things» [Geschändete Statuen und getötete Ideen: Kritische Anmerkungen zur Rede von «Gewalt gegen Sachen»] // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 2018. № 104 (1). P. 84–102.
12. Cassar J., Cremona G. It's not vandalism, it's our leisure: A multimodal study of skate park graffiti // Xuan Paradis (editor), Minda Matthew (editor) Graffiti: Vandalism, Street Art and Cultural Significance. New York: Nova Science Publishers Inc., 2018. P. 65–90.
13. Пенетова Е. В. Граффити как средство массовой коммуникации // Аллея науки. 2017. Т. 1. № 12. С. 136–138.
14. Блинова О. А., Журавлева Л. А., Кружкова Т. И., Оболенская А. Г. Организационная девиантность: социально-философский анализ // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 7–18.
15. Кружкова О. В., Воробьева И. В., Порозов Р. Ю. Социально-средовые и индивидуально-субъектные функции вандализма в городской среде // Социальная и экономическая психология. Ч. 2: Новые научные направления / отв. ред. Ю. В. Ковалева, Т. А. Нестик. Москва: Институт психологии РАН, 2018. С. 229–235.
16. Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology. Edited by Alan Barnard and Jonathan Spencer. London; New York: Taylor & Francis e-Library, 2005. 1016 p.
17. Курбатова Т. Н., Васильева Р. С. Граффити: субкультура или вандализм // Психология и право. 2013. № 2. С. 22–32.
18. Витюк Е. Ю. Городская среда как арт-объект // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 43–48.
19. Stratford E. Mobilizing a spatial politics of street skating: Thinking about the geographies of generosity // Annals of the American Association of Geographers. 2016. № 106 (2). P. 350–357.
20. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Москва: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
21. Радченко Д. А. «На человека стал похожим»: советские памятники Украины и России в конфликтном контексте (2013–2015) // Genius Loci: Сборник статей в честь 75-летия С. Ю. Неклюдова / сост. М. В. Ахметова, Н. В. Петров, О. Б. Христофорова (отв. ред.). Москва: Форум, 2016. С. 435–461.
22. Allen V. L., Greenberger D. B. An aesthetic theory of vandalism // Crime & Delinquency. 1978. № 24 (3). С. 309–321.
23. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. Москва: Жуковский: КАНОН-пресс Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.
24. Mishar R., Bangun Y. R. Create the EQ modelling instrument based on Goleman and Bar-on models and psychological defense mechanisms // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2014. № 115. P. 394–406 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro> (дата обращения: 11.10.2018)
25. Ferrell J. Urban graffiti crime, control, and resistance // Youth and Society. 1995. № 27 (1). P. 73–92.

26. Колосов А. С. История граффити-движения и его современные российские особенности // Вестник славянских культур. 2012. № XXV. С. 45–49.
27. Скорик А. В. Граффити как субкультура вызова и протеста // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 1 (21). С. 63–69.
28. Москвина А. Р. Искусство граффити в Татарстане: к вопросу о терминологии, бытовании и тенденциях развития // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (76). С. 144–148.
29. Plutchik R. A Theory of Ego Defenses // Ego defenses: theory and measurement / ed. by H. R. Conte and R. Plutchik. New York: Wiley, 1995. P. 13–37.
30. Зараева Л. В. Социальная справедливость как мера равенства и свободы // Безопасность Евразии. 2008. № 2 (32). С. 273–286.
31. Гулевич О. А. Социальная психология справедливости. Москва: Институт психологии РАН, 2011. 284 с.

References

1. Obolenskaya A. G. Vandalism as an Institutional Trap. In: *Trudy VIII Vserossijskogo simpoziuma po jekonomicheskoy teorii: doklady sekcionnyh zasedanij* = Works of the VIII All-Russian Symposium on Economic Theory: Reports of Sectional Meetings; 2018 Sep 26–27; Ekaterinburg. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences; 2018. p. 111–112. (In Russ.)
2. Lin M. S., Yu H., Zeng Y. F., Xiao X. N., Wang K. Y. A study on the influence mechanism of vandalism intention of outbound tourists based on extended theory of planned behaviour model. *Applied Ecology and Environmental Research*. 2018; 16 (5): 5955–5969. DOI: 10.15666/aeer/1605_59555969
3. Bazrafshan M.-R., Abdi A., Masmouei B., Kavi E., Abshorshori N., Akbari L., Faramarzian Z., Zakeri M. The relation of social happiness and adjustment with vandalistic behaviour of the children and young adults in the families under supervision of welfare office. *Journal of Clinical and Diagnostic Research*. 2018; 12 (8): LC05-LC09. DOI: 10.7860/JCDR/2018/35184.11916
4. Pavlov V. G. Issues of liability for vandalism in foreign criminal legislation. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii* = Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2014; 25 (4): 95–100. (In Russ.)
5. Kruzhkova O. V., Vorobyeva I. V., Zhdanova N. E. Teenage and youth vandalism: assessment of stress factors of the urban environment as a possible predictor of destructive behaviour. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* = Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2018; 28 (4): 390–396. (In Russ.)
6. Robinette J. W., Charles S. T., Gruenewald T. L. Neighborhood cohesion, neighborhood disorder, and cardiometabolic risk. *Social Science and Medicine*. 2018; 198: 70–76. DOI: 10.1016/j.socscimed.2017.12.025
7. Ellaway A., Morris G., Curtice J., Robertson C., Allardice G., Robertson R. Associations between health and different types of environmental inci-

vility: A Scotland-wide study. *Public Health*. 2009; 123 (11): 708–713. DOI: 10.1016/j.puhe.2009.09.019

8. Martha Gama-Castro M., León-Reyes F. Bogotá arte urbano o graffiti. Entre la ilegalidad y la forma artística de expression = Bogota urban art o graffiti. Between illegality and artistic form of expression. *Arte, Individuo y Sociedad*. 2016; 28 (2): 355–369. DOI: 10.5209/rev_ARIS.2016.v28.n2.49933

9. Pfattheicher S., Keller J., Knezevic G. Destroying things for pleasure: On the relation of sadism and vandalism. *Personality and Individual Differences*. 2018. DOI: 10.1016/j.paid.2018.03.049 (to appear)

10. Zlokazov K. V., Kappushev S. S. The idea of the goal of destructive behaviour. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*. 2018; 1: 93–100. (In Russ.)

11. Schotte D. Geschändete Statuen und getötete Ideen: Kritische Anmerkungen zur Rede von “Gewalt gegen Sachen” = Raped statues and murdered ideas: Remarks on the concept of “Violence against things”. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. 2018; 104 (1): 84–102. DOI: 10.25162/arsp-2018-0005

12. Cassar J., Cremona G. It's not vandalism, it's our leisure: A multimodal study of skate park graffiti. Ed. by Paradis X, Matthew M. Graffiti: Vandalism, Street Art and Cultural Significance. New York: Nova Science Publishers Inc.; 2018. p. 65–90.

13. Penetova E. V. Graffiti as a means of mass communication. *Alleya nauki = Science Alley*. 2017; 1 (12): 136–138. (In Russ.)

14. Blinova O. A., Zhuravleva L. A., Kruzhkova T. I., Obolenskaya A. G. Organizational deviance: A socio-philosophical analysis. *Sotsium i vlast' = Socium and Power*. 2018; 4 (72): 7–18. (In Russ.)

15. Kruzhkova O. V., Vorobyeva I. V., Porozov R. Yu. Social'no-sredovye i individual'no-sub'ektnye funkicii vandalizma v gorodskoj srede = Social-environmental and individual-subjective functions of vandalism in the urban environment. *Social'naja i jekonomicheskaja psihologija. Ch. 2: Novye nauchnye napravlenija = Social and Economic Psychology. Part 2: New scientific directions*. Ed. by Yu. V. Kovaleva, T. A. Nestik. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2018. p. 229–235. (In Russ.)

16. Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology. Ed. by Alan Barnard and Jonathan Spencer. London; New York: Taylor & Francis e-Library; 2005. 1016 p.

17. Kurbatova T. N., Vasilyeva R. S. Graffiti: Subculture or Vandalism. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*. 2013; 2: 22–32. (In Russ.)

18. Vityuk E. Yu. The urban environment as an art object. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Bulletin*. 2012; 364: 43–48. (In Russ.)

19. Stratford E. Mobilizing a spatial politics of street skating: Thinking about the geographies of generosity. *Annals of the American Association of Geographers*. 2016; 106 (2): 350–357. DOI: 10.1080/00045608.2015.1100062

20. Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura = Social theory and social structure. Moscow: Publishing House ACT; AST MOSCOW; HRANITEL'; 2006. 873 p. (In Russ.)
21. Radchenko D. A. "Looks like a human being now": Soviet monuments of Ukraine and Russia in a conflict context (2013–2015). In: *Genius Loci: Sbornik statej v chest' 75-letija S. Ju. Nekljudova = Genius Loci: Collection of articles in honor of the 75th birthday of S. Yu. Neklyudov*. Ed. by M. V. Akhmetova, N. V. Petrov, O. B. Khristoforov (ex. editor). Moscow: Publishing House Forum; 2016. p. 435–461. (In Russ.)
22. Allen V. L., Greenberger D. B. An aesthetic theory of vandalism. *Crime & Delinquency*. 1978; 24 (3); 309–321. DOI: 10.1177/00112877802400305
23. McLuhan G. M. Ponimaniye Media: Vneshniye rasshireniya cheloveka = Understanding Media: External Human Extensions. Trans. from English by V. Nikolaev; 3kl. Art. M. Vavilova. Moscow; Zhukovski: Publishing Houses KANONpress C; Kuchkovo pole; 2003. 464 p. (In Russ.)
24. Mishar R., Bangun Y. R. Create the EQ modelling instrument based on Goleman and Bar-on models and psychological defense mechanisms. *Procedia-Social and Behavioral Sciences* [Internet]. 2014 Feb 21 [cited 2018 Oct 11]; 115: 394–406. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.02.446>
25. Ferrell J. Urban graffiti crime, control, and resistance. *Youth and Society*. 1995; 27 (1): 73–92. DOI: 10.1177/0044118X95027001005
26. Kolosov A. S. The history of the movement's graffiti and its modern Russian characteristics. *Vestnik slavyanskikh kul'tur = Bulletin of Slavic Cultures*. 2012; XXV: 45–49. (In Russ.)
27. Moskvina A. R. Art of graffiti in Tatarstan: On the issue of terminology, existence and development trends. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*. 2017; 2 (76): 144–148. (In Russ.)
28. Skorik A. V. Graffiti as a subculture of challenge and protest. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2016; 1 (21): 63–69. (In Russ.)
29. Plutchik R. A Theory of ego defenses. Ego defenses: theory and measurement. Ed. by H. R. Conte and R. Plutchik. New York: Wiley; 1995. p. 13–37.
30. Zaraeva L. V. Social justice as a measure of equality and freedom. *Bezopasnost' Yevrazii = Security of Eurasia*. 2008; 2 (32): 273–286. (In Russ.)
31. Gulevich O. A. Sotsial'naya psikhologiya spravedlivosti = Social psychology of justice. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2011. 284 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Кружкова Ольга Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой акмеологии и психологии среды Уральского государственного педагогического университета; Researcher ID 56662123100, ORCID ID 0000-0002-2569-8789; Екатеринбург, Россия. E-mail: galiat1@yandex.ru

Воробьева Ирина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, директор центра культурно-образовательных проектов Уральского государственного педагогического университета; Researcher ID 56662082000, ORCID ID 0000-0003-0561-3888; Екатеринбург, Россия. E-mail: lorisha@mail.ru

Порозов Роман Юрьевич – кандидат культурологии, доцент кафедры акмеологии и психологии среды Уральского государственного педагогического университета; ORCID ID 0000-0003-1932-1624; Екатеринбург, Россия. E-mail: r.porozov@yandex.ru

Зарбова Бисерка – аспирант Софийского университета Св. Климента Охридского, София, Болгария. E-mail: b.zarbova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 21.07.2018; принята в печать 14.11.2018.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Olga V. Kruzhkova – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Acmeology and Environmental Psychology, Ural State Pedagogical University; Researcher ID 56662123100, ORCID ID 0000-0002-2569-8789; Ekaterinburg, Russia. E-mail: galiat1@yandex.ru

Irina V. Vorobyeva – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Director of the Center of Cultural and Educational Projects, Ural State Pedagogical University; Researcher ID 56662082000, ORCID ID 0000-0003-0561-3888; Ekaterinburg, Russia. E-mail: lorisha@mail.ru

Roman Yu. Porozov – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Acmeology and Environmental Psychology, Ural State Pedagogical University; ORCID ID 0000-0003-1932-1624; Ekaterinburg, Russia. E-mail: r.porozov@yandex.ru

Biserka Zarbova – PhD Student, Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria. E-mail: b.zarbova@gmail.com

Received 21.07.2018; accepted for publication 14.11.2018.
The authors have read and approved the final manuscript.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ СРЕДЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

О. А. Ульянина

Академия управления МВД России, Москва, Россия.

E-mail: lelia34@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Модернизация системы российского высшего образования, смена его концептуальной парадигмы и переориентация на компетентностный подход к подготовке специалистов, отвечающий первоочередным запросам информационно-технологического общества, обуславливают необходимость изучения и разработки методологических, содержательных и процессуальных аспектов реализации данного подхода.

Цель исследования, изложенного в статье, – выявление психолого-педагогических особенностей проектирования практико-ориентированной среды, способствующей формированию личностной компетентности курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел (МВД) России.

Методология и методы. В работе использовались методы сравнительного анализа, синтеза и обобщения содержания отечественных и зарубежных научных публикаций, описывающих теорию и опыт применения средового и компетентностного подходов в высшей школе.

Результаты и научная новизна. Рассмотрены возможности реализации средового подхода применительно к подготовке будущих специалистов в военном вузе. Обозначена концептуальная сущность таких категориально-понятийных единиц, как «среда» и «образовательная среда». Проанализирована категория практики и ее разновидностей в учебном заведении. Описана специфика практико-ориентированного пространства учебных заведений МВД России и показана значимость практической ориентации образовательной среды как необходимого условия обучения и воспитания курсантов. Выделены критерии эффективности этой среды и сформулированы конечные цели образования, среди которых главной является личностная компетентность будущих специалистов. Подчеркивается, что для достижения указанной цели необходимо наличие комплексной программы психологического сопровождения курсантов как неотъемлемого компонента практико-ориентированной образовательной среды ведомственного вуза. Представлены и охарактеризованы основные блоки данной программы: целевой, детерминирующий, содержатель-

ный, средовой, технологический, аналитико-мониторинговый, организационный и процессуальный.

Практическая значимость. Внедрение предлагаемой автором комплексной программы психологического сопровождения в образовательный процесс подведомственного МВД вуза будет способствовать непрерывному личностному совершенствованию курсантов, позволит максимально раскрыть их потенциал и в конечном счете существенно повысит качество профессиональной подготовки выпускников.

Ключевые слова: среда, образовательная среда, практико-ориентированное пространство, образовательные организации МВД России, курсанты, личностная компетентность, психологическое сопровождение.

Для цитирования: Ульянина О. А. Психологические аспекты создания практико-ориентированной среды в образовательных организациях МВД России // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 10. С. 121–138. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-121-138

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF FORMATION OF A PRACTICE-ORIENTED ENVIRONMENT IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

O. A. Ulyanina

The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

E-mail: lelia34@mail.ru

Abstract. Introduction. Modernisation of the Russian higher education system, change of conceptual paradigm and transition to competency-based approach to specialist training, which meets the urgent needs of informational technological society, make it necessary to study and develop methodological, content and procedural aspects of the implementation of this approach in practice.

The *aim* of the research was to study psychological and pedagogical features of the design of a practice-oriented environment, contributing to the formation of personal competency of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Methodology and research methods. The methodological framework of the research was based on comparative analysis, synthesis and generalisation of the content of the Russian and foreign publications, which describe the theory and practice of environmental and competency-based approaches in higher education.

Results and scientific novelty. The peculiarities of the implementation of the environmental approach to the training of future specialists were shown. The con-

tent and conceptual meaning of such categorical-conceptual units concerning “environment” and “educational environment” was defined. The category of practice and its varieties in educational institution was analysed. The specificity of practice-oriented environment of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia was described. The importance of practical orientation of educational environment as a prerequisite for cadets’ education was shown. The criteria of efficiency of the practice-oriented environment were distinguished. The final purposes of education were formulated, including personal competency of future specialists as the main purpose of education. The author emphasises the significance of a complex programme realisation for cadets’ psychological support as an integral component of practice-oriented educational environment of ministerial higher education institutions. The following main blocks of the program were highlighted and characterised: target, deterministic, content, medium, technological, analytically monitored, organisational and procedural.

On the basis of the allocated blocks and their substantial description the attention is focused on advantages of implementation of this program promoting continuous personal improvement and realization of potential of participants of educational process.

Practical significance. The author is convinced that the implementation of a comprehensive programme of psychological support in educational establishments of the Ministry of Internal Affairs of Russia will contribute to the continuous personal development and realisation of students’ potential and, ultimately, will improve the efficiency of vocational education of graduates.

Keywords: environment, educational environment, practice-oriented environment, educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, cadets, personal competency, psychological support.

For citation: Ulyanina O. A. Psychological aspects of formation of a practice-oriented environment in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *The Education and Science Journal*. 2018; 10 (20): 121–138. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-121-138

Введение

В основных стратегических документах федерального значения и современных исследованиях, проведенных в рамках компетентностного подхода, обозначена необходимость усиления практической ориентации образования. Выполнить это требование возможно, во-первых, при помощи применения в образовательном процессе современных психолого-педагогических технологий, ориентированных на формирование компетенций будущих специалистов; во-вторых, за счет внедрения междисциплинарного подхода к подготовке, позволяющего формировать у обучающихся

ся способность решения комплексных, мультимодальных профессиональных проблем. Реализовать обозначенные позиции позволит создание в учебном заведении практико-ориентированной образовательной среды, способствующей переносу фундаментальных знаний в практический опыт и реализации личностного потенциала студентов.

В данной статье дан обзор теоретико-методологических подходов к пониманию таких категориально-понятийных единиц, как «среда» и «образовательная среда»; с учетом достижений средового подхода рассмотрены особенности среды и ее проектирования в образовательных организациях МВД России; представлено описание программы психологического сопровождения подготовки компетентных специалистов правоохранительных органов и обоснована необходимость ее реализации.

Обзор литературы

Современными исследователями среда определяется как некое единое пространство разнонаправленного взаимодействия – прямого или косвенного, в открытой или скрытой форме. Это пространство характеризуется неповторимостью, индивидуальностью и составляет фундамент обыденной культуры. Н. Б. Крылова, В. А. Глазычев подчеркивают, что среда изменчива, она постоянно функционирует, развивается, обогащается [1, 2]. Являясь частью окружающего мира, среда выделяется из него посредством взаимодействия, поскольку существует только в соотношениях «система – среда», «субъект – среда»¹. Средовое пространство не только объединяет субъектов взаимодействия, но и обогащает, развивает, формирует их личности.

П. Бергер, Т. Лукман², С. И. Розум акцентируют двумерность рассматриваемого явления, выделяя внешнюю и внутреннюю среду [3]. Первая понимается как сфера физических объектов, людей, информации и их взаимодействия. Вторая представляет собой мир личностного осознания, осмысления, рефлексии социальных, духовных значений внешних объектов. Человек во взаимодействии с внешней средой вырабатывает собственную систему ценностей, мировоззренческих позиций, представлений и категорий, создавая, расширяя, пополняя свое внутреннее пространство. Таким образом, окружающая обстановка оказывает фасилити-

¹ Хейдметс М. Феномен персонализации среды: теоретический анализ // Средовые условия групповой деятельности. Таллинн: Таллинский педагогический институт, 1988. С. 7–57.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Москва: Медиум, 2001. 324 с.

рующее воздействие на формирование личности, при этом уровень развития человека определяется индивидуально-личностным потенциалом его внутреннего содержания.

Среда проектируется самим человеком, а вектор ее развития зависит от индивидуальных психологических особенностей, способностей, интересов и ценностей. Соответственно, внутренняя среда выступает неким пространством самопознания, саморазвития и самоактуализации.

Согласно позиции Б. Г. Ананьева, создание внутренней среды происходит за счет проявления личностью социальной активности, т. е. человек своей деятельностью, поведением, взаимодействием с окружающими изменяет обстоятельства реальной жизни [4].

В отдельную категориальную единицу выделяется понятие «образовательная среда», которая, по мнению современных ученых, имеет системообразующее значение для обучающихся как в смысловом, аксиоматическом, общенормативном аспектах (Ю. В. Громыко, В. Давыдов, В. Зинченко, В. Шадриков и др.) [5], так и в личностно-деятельностной сфере субъектов среды (И. А. Зимняя, Б. Д. Эльконин, В. В. Рубцов, А. А. Леонтьев и др.) [6–8].

В настоящее время существует значительное количество научных исследований различных аспектов образовательной среды, ее структуры и подходов к ее проектированию (Т. Е. Исаева, В. И. Слободчиков, А. Н. Шими́на, Н. И. Вьюнова, А. В. Хуторской, В. А. Ясвин и др.) [9–15].

Т. Е. Исаева, характеризуя современный этап развития средовой теории, акцентирует внимание на необходимости разработки концепции функционирования среды в образовательном заведении, отражающей потребности современного информационно-технологического общества [9].

В. И. Слободчиков, изучая предпосылки зарождения образовательной среды в предметности культуры, приходит к выводу о взаимовлиянии внутреннего мира, сущностных сил человека и культуры, определяющем границы содержания и структурных компонентов рассматриваемого явления [11, 16].

А. Н. Шими́на отмечает, что образовательная среда не ограничивается только пространством жизнедеятельности учебного заведения, поскольку обучающим и воспитывающим эффектом обладает социальная ситуация развития, вектор коллективного сознания, психологическая и социокультурная атмосфера в целом [12].

Н. И. Вьюнова считает образовательную среду частью социальной сферы и определяет ее как единство теории и практики, объективного и субъективного, интегративного и дифференцированного, коллективного и индивидуального [13].

Согласно А. В. Хуторскому, спонтанно складывающееся или целенаправленно создаваемое социокультурное пространство среды, включающее различные виды и средства образования, обеспечивает продуктивную деятельность субъектов взаимодействия [14].

Обобщая рассмотренные позиции исследователей, под образовательной средой в рамках данной работы мы будем понимать комплекс условий и факторов формирования личности и ее последующего непрерывного развития, содержащихся в социальном, психолого-педагогическом и информационном окружении.

Центральным вопросом средового подхода является определение содержательных характеристик среды, позволяющих оценивать качество ее влияния на формирование личности обучающихся. Так, В. А. Ясвиным были предложены следующие характеристики образовательной среды:

- широта – показатель, определяющий структурные компоненты среды и их содержательное наполнение, включающее объекты, субъекты, социально-психологические процессы и явления;
- устойчивость – показатель постоянства и стабильности среды во времени и пространстве;
- интенсивность – структурно-динамическая характеристика насыщенности среды условиями, возможностями, влияниями, а также определяющая степень их проявлений;
- мобильность – характеристика способности среды к органичным эволюционным изменениям в соответствии с динамикой развития общества и человечества в целом;
- когерентность – степень согласованности влияния образовательной среды с влиянием иных сред, в которые включена личность;
- активность – функциональный показатель среды, диапазон и интенсивность ее включенности в социальную ситуацию развития субъекта образования;
- доминантность – ценностно-смысловая и мотивационная значимость среды субъекта образования;
- рефлексивность – степень осознания субъектами образовательной среды и своей включенности в нее;
- синтетичность – взаимозависимость и взаимосвязанность процесса и результата деятельности субъектов среды;
- личностная значимость – степень ассоциирования субъектами себя как части среды, представленность эмоциональной и рациональной составляющих в ней [15].

Указанные критерии в полной мере раскрывают основные аспекты образовательной среды и позволяют оценить эффективность ее воздействия на личность.

Особенности среды и ее проектирования в образовательных организациях МВД России

Содержание, сущностные характеристики и особенности проектирования среды варьируются в зависимости от конкретного учебного заведения и его направленности, сложившейся системы обучения и воспитания, существующих традиций, педагогического коллектива и т. д. [17].

В рамках нашего исследования акцентируется внимание на изучении особенностей среды и ее проектирования в образовательных организациях МВД России.

Ведомственные образовательные организации силовых структур отличается жесткая регламентация учебной, научной, служебной деятельности курсантов, построения образовательного и воспитательного процессов, коммуникативных связей субъектов, что находит свое отражение во всех компонентах внутренней образовательной среды [18]. Значимой отличительной характеристикой ведомственного вуза является также и определенная автономность, закрытость образовательной среды, что усиливает ее влияние на обучающихся и снижает возможность воздействия внешних факторов.

Курсанты, в отличие от студентов гражданских вузов, находятся в тесном и непрерывном взаимодействии в разнообразных сферах жизнедеятельности, которое формирует коллективное мировоззрение и повышает личностную значимость окружения. Кроме того, содержание образовательной среды ведомственного вуза определяется организационной культурой, нормами и традициями органов внутренних дел (ОВД), через призму которых осуществляется личностное, социальное и профессиональное становление будущих специалистов.

Дисциплинарные требования, строгая субординация взаимоотношений между курсантами и командирами-преподавателями ведомственной образовательной организации, пространственно-территориальные ограничения, ношение сотрудниками ОВД форменной одежды также определяют специфику содержания среды и социальной ситуации развития участников образовательного процесса.

Другой значимой особенностью образовательного пространства ведомственных вузов является его многообразие и разносторонность развития

курсантов посредством самореализации в служебной, учебной, научно-исследовательской, творческой, спортивной и иных сферах деятельности [19].

Проектирование и создание определенной среды позволяет диагностировать, оценивать, прогнозировать и моделировать результаты образовательной подготовки. В качестве одного из таких результатов можно рассматривать уровень сформированности личностной компетентности выпускников образовательных организаций МВД России.

С учетом достижений в области средового подхода в рамках данного исследования определены содержательные аспекты такой образовательной среды, которая будет способствовать формированию личностной компетентности курсантов.

Среда, соответствующая данной целевой установке, а также представлению о личностной компетентности, должна иметь развивающую и практико-ориентированную направленность.

Указанным условиям отвечает образовательная среда, которая действительно служит источником личностного совершенствования. Ее отличительными признаками являются приоритет ценности самой личности и ориентация на становление внутренних факторов развития.

Развивающая образовательная среда предоставляет комплекс возможностей для саморазвития самой личности и той системы взаимоотношений и взаимодействий, в которую она включена. Она имеет два направления действия – духовно-пространственное и предметно-пространственное. Первое ориентировано на внутриличностный конструкт, второе предполагает воздействие внешних факторов, которые стимулируют появление личностных новообразований (Л. И. Божович)¹. В совокупности эти направления обеспечивают не только отношение личности к среде, но и определяют степень активности индивида в ней.

Создание подобной среды предполагает развитие мотивационно-ценностного, когнитивного, эмоционально-волевого, деятельностного и коммуникативного компонентов структуры личностной компетентности, а также учет возрастных, гендерных, социокультурных и индивидуально-психологических особенностей курсантов. Достижение обозначенных целей возможно именно в практико-ориентированной образовательной среде, которая представляет собой специально смоделированное личностно-ориентированное образовательное пространство, находящееся в постоянной динамике. Соответствующая система является целос-

¹ Божович Л. И. Избранные психологические труды. Проблемы формирования личности. Москва: Международная педагогическая академия, 1995. 208 с.

тной, образующей во всех взаимосвязях необходимые структурные компоненты: целевой, содержательный, процессуальный, оценочно-корректировочный.

Имеющая практическую направленность образовательная среда реализует информационно-транслирующую, социально-коммуникативную, профессионально-ориентированную, производственно-деятельностную функции и основывается на принципах взаимосвязи теоретической подготовки и возможности применить полученные знания и умения на практике [20, 21].

Практико-ориентированное обучение в образовательных организациях МВД России предполагает установку на формирование прикладных компетенций посредством использования современных психолого-педагогических технологий подготовки, моделирования ситуаций будущей профессиональной деятельности и решения возможных комплексных мульти-модальных проблем, проектируемых на основании междисциплинарного подхода.

Соответствующий процесс характеризуется нацеленностью на становление осознанной, инициативной самостоятельной профессиональной деятельности, с одной стороны, и готовности к профессиональной мобильности, с другой. В рамках такого обучения создаются условия для вырабатывания у курсантов ценностно-мотивационного и рефлексивно-оценочного отношения к получаемой профессии [22].

Для уточнения понятия «практико-ориентированная образовательная среда» и выявления ее роли в развитии личностной компетентности будущего специалиста необходимо обратиться к рассмотрению сущностной и функциональной составляющих практики как особого вида деятельности.

В. Е. Кемеров определяет практику как многообразие способов реализации человеческого бытия в различных формах создания, воспроизводства, накопления и преобразования опыта в существующих условиях жизнедеятельности.

Практика, с одной стороны, выявляет и разрешает возникающие проблемы социума, с другой – создает условия для взаимодействия людей в процессе социальной коммуникации. Это та форма социальной связи, которая позволяет накапливать и впоследствии транслировать человеческий опыт от эпохи к эпохе, выполняя функцию преемственности поколений.

Посредством практики осуществляется непрерывная передача когнитивного опыта, социально-значимой информации в процессе развития

человечества. Реализация информационно-транслирующей функции позволяет будущим специалистам применять знания и умения в профессиональной и других сферах жизнедеятельности. Причем, как отмечает В. Е. Кемеров, сама деятельность обусловлена потребностями личности, направляется внутренней системой ее мотивов, осознается индивидом и имеет эмоциональный окрас [23].

Таким образом, практика является смыслообразующей категорией понятия практико-ориентированной образовательной среды. Включение курсанта в практическую деятельность способствует формированию его личностной компетентности.

Реализация обозначенных выше функций практики осуществляется в практико-ориентированной образовательной среде. Процесс обучения компетентных специалистов на современном этапе строится на основе синтеза теории и практики. В большинстве своем практическая составляющая предусматривает прохождение учебной, производственной, преддипломной практик.

Однако данный подход нельзя назвать исчерпывающим. Цель практической подготовки курсантов заключается в формировании комплекса знаний в их междисциплинарной взаимосвязи, способности осуществлять перенос усвоенного в практическую деятельность. Результатом образования становится сформированная матрица компетенций будущего специалиста, обеспечивающая его профессиональную успешность, самостоятельность в решении сложных задач и мобильность в ситуации изменяющейся реальности [24].

Е. А. Леванова считает, что знания, умения, навыки являются лишь одной из ступеней освоения профессии. Заключительный этап профессиональной подготовки предполагает формирование компетентной личности, способной многопланово воспринимать, анализировать и оценивать происходящее, осуществлять прогноз развития событий и находить нестандартные, креативные решения сложных задач [25].

Психологическое сопровождение подготовки компетентных специалистов правоохранительных органов

Достижение такой цели образования, как формирование компетентного специалиста, зависит от наличия практико-ориентированной образовательной среды, которая должна включать следующие компоненты:

- мотивация достижения успеха в личной и профессиональной сфере;

- внутреннее единство когнитивного, предметно-практического и личностно-профессионального опыта;
- потребность в деятельности, в преобразовании себя и окружающего мира;
- стремление к креативности и познавательной активности.

Поскольку ведущую роль в становлении профессионала играет приобретение опыта практической деятельности, содержание его подготовки должно включать такие направления психологической работы, как реализация практико-ориентированных тренинговых программ, психологическое консультирование и коррекция стратегии личностного развития; моделирование новых деятельностных форм, методов, психотехнологий. Данные направления деятельности предусматривают рассмотрение проблемных нестандартных ситуаций и практических задач, с которыми курсанты столкнутся в своей последующей профессиональной деятельности.

В этой связи значимой составляющей проектирования практико-ориентированной образовательной среды является реализация программы непрерывного психологического сопровождения становления личности будущих специалистов. Содержание программы целесообразно описать согласно блокам, определенным Л. Е. Солянкиной при анализе создания среды, направленной на развитие профессиональной компетентности обучающихся [20].

Сущностный блок раскрывает методологические основания, к которым могут быть отнесены следующие положения.

1. Формирование личностной компетентности курсантов не только обуславливает успешность их будущей профессиональной деятельности, но и способствует их самосовершенствованию и самореализации в целом. При этом важно учитывать специфику среды ведомственного вуза, особенности службы сотрудников полиции, кризисные периоды студенческого возраста и иные сложности, возникающие в процессе профессиональной подготовки.

2. Профессиональная деятельность сотрудника полиции по своей сути потенциально вариативна и многообразна, поскольку его индивидуальный карьерный путь предполагает несколько векторов развития внутри системы ОВД. Соответственно, и процесс формирования личностной компетентности не является однонаправленным, ведущим к одному и тому же состоянию, и не ограничивается определенным периодом, так как гибкость, мобильность, способность к самообразованию и саморазвитию сохраняются на протяжении всей жизни.

3. Личностная компетентность специалиста в рамках реализации программы психологического сопровождения выступает в качестве интегративного образования, которое включает структурные блоки, состоящие из частных компетенций, в совокупности обладающих свойством целого. Направленность процесса ее формирования определяется опытом, индивидуально-психологическими особенностями, потенциалом курсантов и носит многомерный характер.

4. Эффективность процесса формирования личностной компетентности в практико-ориентированной образовательной среде обеспечивается за счет комплекса современных психолого-педагогических технологий, методов и приемов, необходимых для полноценной самореализации личности и успешной профессиональной деятельности сотрудников полиции.

5. Методологическую основу программы составляют компетентностный, личностно-ориентированный, деятельностный и системный подходы. В рамках их реализации все процессы и новообразования личности рассматриваются через призму единства, неразрывности и взаимосвязи.

Целевой блок представлен единством акмеографической, профессиографической, персонографической и карьерографической целей, реализация которых позволяет, с одной стороны, соответствовать требованиям к служебной деятельности в ОВД, с другой – быть успешным в профессии.

Детерминирующий блок обуславливает оптимизацию процесса формирования личностной компетентности курсантов посредством создания условий, необходимых для их максимальной самоактуализации и самореализации. К таким условиям относится прежде всего комплексное наполнение содержания программы психологического сопровождения, системный характер диагностической, тренинговой, консультационной и других форм психологической работы, индивидуализация психологического воздействия, динамический контроль и оценка личных достижений курсантов. Необходимым условием является и организация конструктивного взаимодействия курсантов с другими субъектами практико-ориентированной образовательной среды (руководством образовательных организаций МВД России, курсовыми офицерами, профессорско-преподавательским составом, психологами, воспитателями, родителями), заключающегося в паритетном сосуществовании переменных и постоянных характеристик формирования личностной компетентности курсантов.

Содержательный блок определяет основные направления психологической работы с курсантами, позволяющие развивать и формировать функциональные, специальные компетенции, являющиеся структурными единицами личностной компетентности.

Средовой блок включает сущностные характеристики программы, ориентированные на деятельностный, преобразующий и формирующий характер психологического воздействия, в результате которого происходит самореализация и саморазвитие личности в профессии и жизни. Таким образом, в процессе интеграции приобретенных в период профессиональной подготовки компетенций с условиями и особенностями будущей профессиональной деятельности в ОВД происходит личностное самосовершенствование.

Технологический блок определяет состав приемов, методов и психотехнологий, необходимых для оптимизации процесса формирования личностной компетентности курсантов в практико-ориентированной образовательной среде.

Аналитический блок позволяет изучать динамику эффективности результатов реализации указанной программы и своевременно вносить необходимые коррективы, делая ее тем самым гибкой и способной учитывать индивидуальные особенности и потребности курсантов.

Организационный блок включает принципы, цели, основные концептуальные положения; взаимосвязи с внешней средой; условия формирования личностной компетентности; анализ и прогнозирование профессиональной успешности специалистов.

Процессуальный блок представлен адаптационным, содержательным, интегративно-деятельностным этапами процесса формирования личностной компетентности курсантов в практико-ориентированной образовательной среде ведомственного вуза.

Заключение

Успешность профессиональной подготовки и формирования личностной компетентности будущего специалиста в практико-ориентированной образовательной среде обеспечивается созданием условий, которые позволят обучающемуся самостоятельно оценивать и анализировать свои способности, личностный потенциал, стремиться к непрерывному самообразованию и саморазвитию. Для этого психолог в ходе совместной работы с курсантами ведомственного вуза использует метод проблемно-ситуационного моделирования, ориентируя подопечного на решение мультимодальных социальных, профессиональных задач. Очень важно при этом организовать психологическое сопровождение не только учебного процесса, но и периода прохождения производственной практики.

Таким образом, реализация комплексной программы психологического сопровождения как неотъемлемого компонента практико-ориентиро-

ванной образовательной среды является детерминантом развития личностной компетентности будущего специалиста, поскольку создает условия для самопродвижения курсанта от освоения различного рода компетенций к их применению и развитию в процессе взаимодействия со всеми объектами и субъектами среды. Соответственно, для достижения результативности и эффективности процесса формирования указанной компетентности необходимо придать образовательной среде развивающую и практико-ориентированную направленность. Это позволит повысить уровень мотивации курсантов к освоению будущей специальности, укрепить ценностное основание профессионального выбора, сформировать опыт реализации различных аспектов деятельности и готовность к дальнейшему непрерывному образованию.

Список использованных источников

1. Крылова Н. Б. Культурология образования. Москва: Народное образование, 2000. 272 с.
2. Глазычев В. А. Устроение российского пространства // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2009. № 1 (11). С. 41–44.
3. Розум С. И. Психология социализации и социальной адаптации человека. Москва: Речь, 2006. 366 с.
4. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. С.-Петербург: Питер, 2001. 272 с.
5. Громыко Ю., Давыдов В., Зинченко В., Никандров Н., Поляков Н., Шадриков В. Изменение в содержании и оценке качества образования и образовательных технологий (очередной этап) // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. № 3. С. 17–27.
6. Зимняя И. А. Педагогическая психология. Москва: Логос, 2009. 384 с.
7. Рубцов В. В., Эльконин Б. Д. «Культурно-историческая психология и деятельностный подход в образовании»: подготовка кадров для новой школы // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: материалы юбилейной конференции, Москва, 29 сентября – 01 октября 2015 г. Москва: Когито-Центр, 2015. С. 231–234.
8. Леонтьев А. Н., Запорожец А. В., Гальперин П. Я., Эльконин Д. Б. Деятельность. Сознание. Личность. Москва: Смысл, 2005. 352 с.
9. Исаева Т. Е. Культурно-образовательная среда вуза как фактор совершенствования педагогической культуры преподавателя // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. 2003. № 5. С. 98–108.
10. Слободчиков В. И. Гуманитарно-политический кризис отечественного образования // Психолого-педагогический поиск. 2017. № 1 (41). С. 10–14.

11. Слободчиков В. И. Психология становления и развития человека в образовании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2016. № 1. С. 100.
12. Шими́на А. Н. Ценностно-смысловое содержание отечественного образования и педагогической мысли // Историко-педагогический журнал. 2016. № 3. С. 188–196.
13. Вьюнова Н. И. Психолого-педагогические компетенции в двухуровневой системе образования // Философские и психолого-педагогические проблемы развития образовательной среды в современных условиях: материалы международной научно-практической конференции, Воронеж, 29–30 апреля 2010 г. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2010. С. 30–33.
14. Хуторской А. В. Методологические основания применения компетентностного подхода к проектированию образования // Высшее образование в России. 2017. № 12. С. 85–91.
15. Ясвин В. А. Стандарт социального качества общего образования: опыт разработки и внедрения // Известия института педагогики и психологии образования. 2017. № 3. С. 4–17.
16. Leong F. T. L., Wong P. T. P. Optimal Human Functioning From Cross Cultural Perspectives: Cultural Competence as an Organizing Framework // Counseling Psychology's Focus on Positive Aspects of Human Functioning. N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2012. P. 123–150.
17. Rebrin O., Sholina I. Features of the modern educational environment for engineers // DAAAM International Scientific Book. Vienna: Published by DAAAM International, 2014. P. 501–508.
18. Kandula S. R. Competency-based Human Resource Management. Delhi: PHI Learning Private Limited, 2013. 279 p.
19. Мещерякова Е. И. О влиянии интегративно-педагогических закономерностей на деятельность ведомственных образовательных организаций // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2016. № 4. С. 208–214.
20. Солянкина А. Е. Влияние практико-ориентированной образовательной среды на развитие профессиональной компетентности обучающегося // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2015. № 4 (4). С. 36–39.
21. Mohrman S., Lawler E. E. Generating Knowledge That Drives Change // The Academy of Management Perspectives. 2012. Vol. 26. № 1. P. 41–51.
22. Рослякова С. В. Создание развивающей и практико-ориентированной среды как фактор повышения эффективности процесса формирования познавательной компетентности у учащихся подросткового возраста // Вестник социально-педагогического института. 2012. № 2. С. 59–61.
23. Современный философский словарь / сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. С.-Петербург: Академический проект, 2015. 824 с.
24. Gibbs A., Kennedy D., Vickers A. Learning Outcomes, Degree Profiles, Tuning Project and Competences // Journal of the European Higher Education Area. 2012. № 15 (5). P. 71–87.

25. Серякова С. Б., Леванова Е. А., Пушкарева Т. В., Баскакова Я. А. Социально-педагогическая компетентность специалиста социальной сферы – теоретические положения и направления исследования // Педагогика и психология образования. 2016. № 3. С. 76–84.

References

1. Krylov N. B. Kul'turologija obrazovanija = Cultural studies of education. Moscow: Publishing House Narodnoe obrazovanie; 2000. 272 p. (In Russ.)
2. Glazychev V. L. Organisation of the Russian space. *Izvestiya Kazanskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta* = *Proceedings of Kazan State University of Architecture and Construction*. 2009; 1 (11): 41–44. (In Russ.)
3. Rozum S. I. Psihologija socializacii i social'noj adaptacii cheloveka = Psychology of socialisation and social adaptation of a person. Moscow: Publishing House Rech'; 2006. 366 p. (In Russ.)
4. Anan'ev B. G. O problemah sovremennogo chelovekoznanija = On the problems of modern human consciousness. Saint-Petersburg: Publishing House Piter; 2001. 272 p. (In Russ.)
5. Gromyko Yu., Davydov V., Zinchenko V., Nikandrov N., Polyakov N., Shadrikov Changes in the content and quality assessment of education and educational technologies (next stage). *Alma mater (Vestnik vysshej shkoly)* = *Alma Mater (Bulletin of Higher Education)*. 2012; 3: 17–27. (In Russ.)
6. Zimnyaya I. A. Pedagogicheskaja psihologija = Pedagogical psychology. Moscow: Publishing House Logos; 2009. 384 p. (In Russ.)
7. Rubtsov V. V., Elkonin B. D. "Cultural and historical psychology and activity approach in education": training for a new school. In: *Ot istokov k sovremennosti: 130 let organizacii psihologicheskogo obshhestva pri Moskovskom universitete: materialy jubilejnoj konferencii, Moskva, 29 sentjabrja – 01 oktjabrja 2015 g.* = *From the Origins to the Modern Age: 130 Years of the Organisation of the Psychological Society at Moscow University. Proceedings of the Anniversary Conference*; 2015 Sep 29 – Oct 01; Moscow. Moscow: Publishing House Kogito-Center; 2015. p. 231–234. (In Russ.)
8. Leontiev A. N., Zaporozhets A. V., Galperin P. Y., Elkonin D. B. Dejatelnost'. Soznanie. Lichnost' = Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Publishing House Smysl; 2005. 352 p. (In Russ.)
9. Isaeva T. E. The Cultural and educational environment of higher school as the factor of improvement of pedagogical culture of the teacher. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki* = *News of Higher Educational Institutions. The North Caucasus Region. Social Sciences. Supplement*. 2003; 5: 98–108. (In Russ.)
10. Slobodchikov V. I. Humanitarian and political crisis of domestic education. *Psihologo-pedagogicheskij poisk* = *Psychological-Pedagogical Search*. 2017; 1 (41): 10–14. (In Russ.)
11. Slobodchikov V. I. Psychology of formation and development of man in education. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* = *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History*. 2016; 1: 100. (In Russ.)

12. Shimina A. N. Value and semantic content of national education and pedagogical thought. *Istoriko-pedagogicheskij zhurnal = Historical and Pedagogical Journal*. 2016; 3: 188–196. (In Russ.)

13. Vyunova N. I. Psychological and pedagogical competence in the two-level system of education. In: *Filosofskie i psihologo-pedagogicheskie problemy razvitiya obrazova-tel'noj sredy v sovremennyh usloviyah: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Voronezh, 29–30 aprelja 2010 g. = Philosophical And Psychological-Pedagogical Problems of Development of Educational Environment in Modern Conditions. Materials of the International Scientific-Practical Conference*; 2010 Apr 29–30; Voronezh. Voronezh: Voronezh State University; 2010. p. 30–33. (In Russ.)

14. Khutorskoy A. V. Methodological bases of application of the competence approach to the design of education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2017; 12: 85–91. (In Russ.)

15. Jasvin V. A. The standard of social quality of General education: the experience of development and implementation. *Izvestija instituta pedagogiki i psikhologii obrazovaniya = Proceedings of the Institute of Pedagogy and Psychology of Education*. 2017; 3: 4–17. (In Russ.)

16. Leong F. T. L., Wong P. T. P. Optimal human functioning from cross cultural perspectives: Cultural competence as an organising framework. *Counseling Psychology's Focus on Positive Aspects of Human Functioning*. N. J.: Lawrence Erlbaum Associates; 2012. p. 123–150.

17. Rebrin O., Sholina I. Features of the modern educational environment for engineers. DAAAM International Scientific Book. Vienna: Published by DAAAM International; 2014. p. 501–508.

18. Kandula S. R. Competency-based human resource management. Delhi: PHI Learning Private Limited; 2013. 279 p.

19. Meshcheryakova E. I. On the influence of integrative and pedagogical regularities in the activity of educational organizations. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii = Vestnik of Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service*. 2016; 4: 208–214. (In Russ.)

20. Solyankina L. E. Effect of practice-oriented educational environment on the development of professional competence of the student. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshhestvennye nauki = Bulletin of Tambov University. Series: Social Sciences*. 2015; 4 (4): 36–39. (In Russ.)

21. Mohrman S., Lawler E. E. Generating knowledge that drives change. *The Academy of Management Perspectives*. 2012; Vol. 26, 1: 41–51.

22. Roslyakova S. V. Creation of the developing and practice-oriented environment as the factor of increase of efficiency of process of formation of cognitive competence at pupils of teenage age. *Vestnik social'no-pedagogicheskogo instituta = Bulletin of the Socio-Pedagogical Institute*. 2012; 2: 59–61. (In Russ.)

23. *Sovremennyy filosofskij slovar' = Modern philosophical dictionary*. Com. and ed. by V. E. Kemerov, T. H. Kerimov. Saint-Petersburg: Publishing House Akademicheskij proekt; 2015. 824 p. (In Russ.)

24. Gibbs A., Kennedy D., Vickers A. Learning outcomes, degree profiles, tuning project and competences. *Journal of the European Higher Education Area*. 2012; 15 (5): 71–87.

25. Seryakova S. B., Levanova E. A., Pushkareva T. V., Baskakov Y. A. Socio-pedagogical competence of a specialist of social sphere – theory and research directions. *Pedagogika i psihologija obrazovanija = Pedagogy and Psychology of Education*. 2016; 3: 76–84. (In Russ.)

Информация об авторе:

Ульянина Ольга Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, Москва, Россия. E-mail: lelia34@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.04.2018; принята в печать 17.10.2018.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Olga A. Ulyanina – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Psychology, Pedagogy and Organisational Work with Personnel, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: lelia34@mail.ru

Received 04.04.2018; accepted for publication 17.10.2018.
The author has read and approved the final manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

УДК 13:316.334.35

DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-139-155

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ НОРМ МОЛОДЕЖИ

Н. В. Попова

*Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия.*

E-mail: NV_Popova@mail.ru

Е. В. Попова

*Российский государственный профессионально-педагогический
университет, Екатеринбург, Россия.*

E-mail: poplinav@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Благотворительность – форма общественно значимой деятельности, которая позволяет решить отдельные острые социальные проблемы и проявить лучшие качества личности – милосердие, способность к сочувствию и готовность к оказанию помощи нуждающимся в поддержке согражданам. Занимаясь благотворительностью, человек обретает самоуважение и чувство собственной значимости и полезности. Вопросы изучения благотворительности и отношения к ней молодежи в современных условиях особенно актуальны, поскольку в связи с социальными трансформациями последних десятилетий произошла переоценка системы ценностей и обществом были утрачены многие моральные ориентиры. Участие в благотворительности может стать одним из действенных факторов формирования у молодых людей нравственных норм и гуманистических ценностных установок.

Цель представленного в статье исследования – определить воспитательный потенциал благотворительности посредством приобщения к ней работающей молодежи.

Методология и методики. Работа проводилась на базе аксиологического и социологического подходов. В ходе эмпирического исследования использовались обзор и обобщение содержания историко-философской и социологической литературы; метод социологического группового очного анкетирования; сравнительный анализ статистических данных.

Результаты и научная новизна. Обоснована необходимость нравственного воспитания работающей молодежи посредством ее привлечения к реализации благотворительных проектов и проведению филантропических акций. Освещены аспекты благотворительной деятельности как важной составля-

ющей молодежной политики одного из крупных социально-ориентированных предприятий Урала – Синарского трубного завода. Анкетный опрос молодых работников данного металлургического предприятия выявил факт их массового участия в различных благотворительных мероприятиях (о своей причастности к филантропической деятельности заявили 89,8% респондентов из общей выборки, составившей 180 человек). Опрошенные выразили заинтересованность в благотворительных проектах и готовность тратить свои личные время, силы и средства на оказание бескорыстной адресной помощи детям с ограниченными возможностями здоровья и детям-инвалидам (56,3%), пожилым людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию (52,5%), бездомным животным (50,0%), детям с онкологическими заболеваниями (49,3%). Сделан вывод о том, что участие в благотворительности формирует у молодых людей нравственные нормы и развивает такие альтруистические качества, как бескорыстность и отзывчивость, а также гражданское самосознание.

Практическая значимость. Материалы публикации можно использовать для подготовки, организации и проведения благотворительных акций с целью воспитания работающей молодежи, а также студентов учебных заведений разного уровня.

Ключевые слова: молодежь, социальная политика, воспитание, нравственные нормы, благотворительность.

Благодарности. Авторы благодарят выпускающего редактора журнала «Образование и наука» В. А. Мамину, заместителя главного редактора Н. Н. Давыдову и рецензентов за внимательное прочтение статьи и сделанные замечания, которые помогли существенно улучшить ее содержание.

Для цитирования: Попова Н. В., Попова Е. В. Благотворительность как фактор формирования нравственных норм молодежи // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 10. С. 139–155. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-139-155

VOLUNTEERING AS A FACTOR IN THE FORMATION OF MORAL STANDARDS AMONG YOUNG PEOPLE

N. V. Popova

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia.*

E-mail: NV_Popova@mail.ru

E. V. Popova

Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

E-mail: poplinav@mail.ru

Abstract. *Introduction.* Volunteering is a socially significant activity, which contributes to solving separate acute social issues and showing the best qualities of an individual – compassion, ability to sympathise and readiness to provide assistance to people in need. Through volunteering, a person achieves self-esteem and a feeling of his or her relevance and usefulness. Under the present circumstances, aspects of the study of volunteering and youth attitudes to this concept are especially relevant. Over the last decades, social transformations have occurred, leading to a reassessment of the value system, and, consequently, society has lost its moral compass. Participation in volunteering can become one of the effective factors in the formation of ethical standards and humanistic value orientations among young people.

The *aim* of the research was to investigate the educational potential of volunteering through studying the attitudes of young people.

Methodology and research methods. The research was based on axiological and sociological approaches. In the course of the research, the following methods were used: review and synthesis of historical-philosophical and sociological literature, sociological group face-to-face surveys, and comparative analysis of statistical data.

Results and scientific novelty. The authors justified the necessity for moral education of working youth through the involvement of young people in realising charitable projects and organising philanthropic events. The authors highlighted the aspects of conducting charitable activities in one of the socially-oriented enterprises of the Urals – Sinarsky Pipe Plant. A questionnaire based survey conducted among young workers of that metal manufacturer revealed the fact of mass participation in various charitable activities (out of the sample size of 180 young workers, 89% of respondents admitted their involvement in philanthropic activities). The respondents expressed interest in charitable projects and readiness to spend own time, energy and money for rendering disinterested targeted assistance to children with special needs and children with disabilities (56.3%), to elderly people living in difficult life situations (52.5%), to stray animals (50.0%), to children suffering from cancer (49.3%). It was concluded that charity work forms ethical standards at young people, and develops altruistic qualities such as disinterestedness and responsiveness, as well as civil consciousness.

Practical significance. The research outcomes can be used when preparing, organising and holding charitable work with the aim of bringing up morally and ethically educated young workers, as well as students of educational institutions of different levels.

Keywords: youth, social policy, education, moral standards, volunteering.

Acknowledgements. The authors express their sincere gratitude to Editorial Board of the Education and Science Journal, in particular, Managing Editor, V. A. Mamina, and Deputy Chief Editor, N. N. Davydova. Also the authors would like to thank the reviewers for their valuable comments that made it possible to significantly improve the text of the present publication.

For citation: Popova N. V., Popova E. V. Volunteering as a factor in the formation of moral standards among young people. *The Education and Science Journal*. 2018; 10 (20): 139–155. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-139-155

Введение

Проблема развития нравственных норм и качеств молодежи особенно актуальна в современной России, когда прошло почти четверть века с момента начала серьезных социальных трансформаций, в ходе которых была забыта необходимость воспитательной работы с детьми и подростками. Целое поколение выросло в условиях переоценки ценностей, часто беря за образец западные идеалы и нормы поведения. Тяжелые условия жизни в 90-е годы прошлого столетия, ощущение своей ненужности обществу привели к тому, что молодые люди на первое место среди ценностей стали выдвигать материальные блага, что явилось одним из показателей общего ценностно-нормативного кризиса, при котором молодежью отвергаются или подвергаются сомнению культурные, духовно-нравственные ориентиры родителей. Об этом кризисе свидетельствуют работы отечественных ученых, основанные на социологических опросах.

Например, согласно данным общероссийского мониторинга «Российский студент: социальный облик», проведенного Институтом фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета в 2006–2011 гг., в иерархии ценностей молодежи на первом месте оказалось желание быть материально обеспеченным (77,9% от числа опрошенных), далее по нисходящей – «быть здоровым» (70,7%), «иметь хорошую семью» (70,4%), «иметь хорошую работу» (65,9%), в то время как альтруистические ценности, судя по ответам молодых людей, имели для них небольшое значение (так, пункт анкеты «заботиться сначала о других, а потом о себе» отметили всего 7,3%)¹. При самооценке респонденты самокритично выделили такие черты, как агрессивность (67,1%), лень (56,4%), цинизм (45,3%). Охарактеризовали себя как инициативных 34,5%, способных работать в команде – 19,1%, умеющих хранить верность товарищам – 18,2%. Интересно, что представителям старшего поколения опрошенные приписывали такие духовно-нравственные качества,

¹ Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: монография / под общ. ред. В. А. Лукова. Москва: Московский гуманитарный университет, 2013. С. 346. [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2013/monographs/State-Youth-Policy.pdf> (дата обращения: 13.04.2017)

которых, как она считает, недостает им самим, а именно: трудолюбие – 58,3% участников опроса, патриотизм – 54,1%, духовность – 41,9%¹.

Поскольку общество утратило свою ключевую интегральную идею, молодежь, как наиболее динамичная составляющая социума, начала ее активный поиск. Для молодых людей в целом свойственно постоянное осмысление и формирование ценностно-нормативных установок, именно поэтому можно и нужно продолжать воспитательную работу, корректируя вектор поиска в направлении, обеспечивающем социальное благополучие.

Отношение общества к детям и старикам во все времена было индикатором уровня его цивилизованности, культуры и нравственности. Причем речь идет не только и не столько о близких, родных людях, а абсолютно обо всех нуждающихся в помощи, в том числе и в первую очередь о чужих и незнакомых людях, оказавшихся в трудных жизненных обстоятельствах. Мы солидарны с А. Г. Асмоловым в том, что «общество, осознанно или неосознанно отвергающее особых детей и особых людей, само обречено рано или поздно превратиться в отверженное общество» [1, с. 3].

Оказание бескорыстной помощи тому, кому она остро необходима, включает такое понятие, как благотворительность, главной отличительной чертой которой является добровольность в выборе средств, времени, места и формы оказания помощи нуждающимся. Об этом прямо говорится в Федеральном законе «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», где под благотворительностью понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки².

Говоря о воспитательной роли благотворительности, следует отметить, что данное явление, широко распространенное в дореволюционной России, исчезло в советский период, поскольку, во-первых, исчезла частная собственность, которая выступает основным источником благотворительности, а во-вторых, такие негативные социальные реалии, как беспризорность детей, нищета, голод, болезни, позорили советское государство и подлежали искоренению (какими методами и способами, оставляем за скобками).

Возрождение благотворительности и участие в ней наших соотечественников стало возможно только в начале XXI века, когда общество обрело

¹ Там же. С. 352.

² О благотворительной деятельности и благотворительных организациях. Федеральный закон от 11.08.1995 г. № 135.

некую стабильность и произошло укрепление материальной состоятельности большинства граждан. Тем не менее воспитательное значение благотворительной деятельности для нравственного становления и развития молодежи недооценено до сих пор. Мы убеждены, что личное участие в благотворительных акциях и наглядность их результатов способны скорректировать имеющуюся систему идеалов и норм поведения молодых людей, в том числе и прежде всего по отношению к беспомощным, больным и немощным.

Воспитательная работа с новым поколением может и должна проводиться в различных социальных институтах и объединениях (в семье, учебных заведениях, учреждениях дополнительного образования и др.). С нашей точки зрения, большой вклад в воспитание молодежи могут внести трудовые коллективы, где «при успешной социализации и адаптации молодой человек присваивает нормы и ценности, принятые в организации, куда он трудоустроился» [2, с. 116]. Многие крупные предприятия проводят социально ответственную политику и реализуют социальные программы, направленные на обеспечение благополучия не только своих работников и членов их семей (хотя, конечно, их в первую очередь), но и населения близлежащих территорий, организуя среди прочего благотворительные мероприятия и акции.

Обзор литературы

Раскрывая тему, заявленную в заголовке статьи, обратимся к истории вопроса и ретроспективе изучения нравственных норм.

Проблема нормы вообще и нравственных норм в частности возникла в глубокой древности, когда мыслители разных народов независимо друг от друга размышляли по поводу морали и создавали собственные учения. В классической философской мысли, начиная с Античности и до Нового времени включительно, наиболее распространенными были исследования норм на стыке теории государства и права с теорией нравственности (Аристотель, Т. Гоббс, И. Кант, М. Монтень, Платон, Б. Спиноза, Д. Юм и др.).

Аксиологическое изучение норм и за рубежом, и в России долго осуществлялось в рамках философских школ идеалистического и религиозного направлений. В связи с бурными социально-экономическими изменениями на рубеже XIX–XX вв. внимание к проблемам нормативности стало проявляться особенно сильно. Анализом ценностей, в которые воплощаются социальные нормы, занимались в данный период Р.-Г. Лотце, Э. Гуссерль, Г. Риккерт, Ф. Ницше, В. Виндельбанд и др. Видных отечественных философов Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, В. С. Соловьева, С. Л. Франка в это время занимали вопросы, касающиеся прежде всего природы нормы.

Начиная с 60-х гг. XX века в философской литературе появляется новая волна работ, исследующих нормы. А. М. Архангельский, А. П. Бугева, А. А. Гусейнов, О. Г. Дробницкий, И. Я. Лойфман, А. И. Титаренко, В. П. Тутаринов и другие теоретики в области этики пытаются выявить генезис моральных норм. Рядом теоретиков, среди которых Ю. И. Мирошников, В. И. Плотников и др., предпринимается аксиологический анализ норм, а такие философы, как М. И. Бобнева, В. С. Нерсисянц, Е. М. Пеньков, В. А. Подкорытов, Б. А. Урванцев и др., активно разрабатывают проблему регулятивной функции социальных норм. Онтологическая и гносеологическая специфика нормы подробно разобрана нами в одной из предыдущих публикаций [3].

Молодежная проблематика, связанная с социальными нормами, изучалась зарубежными психологами (Ш. Бюлер, Э. Шпрингер), социологами (К. Беднарик, К. Кенистон, А. Коэн, К. Мангейм, М. Мид, Е. Сатерленд, Т. Парсонс, А. Холлингхед) и философами (А. Камю, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, Г. Шельский, К. Ясперс и др.). Среди отечественных ученых в этом же направлении трудились Ю. Р. Вишневский, Ю. Г. Волков, С. З. Гончаров, И. А. Громов, В. И. Добренков, О. А. Еремина, Э. Ф. Зеер, Ю. А. Зубок, С. Ю. Иваненков, С. Н. Иконникова, И. М. Ильинский, Ф. Д. Кадария, А. В. Кирнос, А. И. Ковалева, А. Н. Коган, А. В. Кочетков, В. Т. Лисовский, В. А. Луков, С. В. Луков, И. П. Савченко, В. В. Семенова, Е. Г. Слуцкий, Н. А. Смакотина, В. И. Чупров, В. Т. Шапко, В. А. Шаповалов, А. В. Шаронов, Ф. Э. Шереги и др.

Общие вопросы кадровой и молодежной политики на предприятиях отражены в публикациях В. П. Бабинцева, Т. Ю. Базарова, П. Н. Беспаленко, В. Р. Веснина, С. И. Григорьева, В. А. Дятлова, А. М. Калашниковой, А. Я. Кибанова, А. И. Ковалевой, К. Г. Кречетникова, В. К. Криворученко, Г. В. Куприяновой, В. П. Кутеевой, Ю. С. Леонова, Д. Ю. Нархова, С. А. Нифонтова, С. В. Сатиевой, А. А. Семеновой, В. В. Травина, Е. П. Чамкаевой и др. Проблемам личностно-развивающих основ молодежной политики на промышленном предприятии посвящено диссертационное исследование одного из авторов данной статьи¹.

Международный опыт реализации молодежной политики свидетельствует о том, что «все страны признают необходимость и важность рабо-

¹ Попова Н. В. Личностно-развивающие основы молодежной политики на современном промышленном предприятии: дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2012. 195 с.

ты с молодежью» [4] и нравственного воспитания. Мы разделяем мнение Л. И. Кемаловой и Е. В. Анисимовой о том, что «отношение к благотворительности и ее различным видам (корпоративная, частная, меценатство, спонсорство и др.) было всегда неоднозначным: от ее критики ... до ее возвеличивания и восхваления» [5]. Сегодня идет возрождение благотворительности в России и постсоветском пространстве, которая находит отклик в молодежной среде, несмотря на то, что существует ряд проблем: «низкий уровень развития благотворительности, неосознание важности благотворительности на государственном и частном уровне, слабый контроль использования благотворительных ресурсов» [6].

Отметим ряд работ, посвященных анализу благотворительности среди молодежи, оказавших наибольшее влияние на наше изыскание: это исследования, посвященные развитию благотворительности в среде мусульманской молодежи [7], функционированию и развитию современных форм благотворительности в молодежной среде [8], роли благотворительной деятельности в социализации современной российской молодежи [9], благотворительности как аксиологического ресурса воспитания молодежи [10], воспроизводству волонтерской активности молодежи и национальным особенностям ее коммуникативного поведения в условиях неопределенности и риска [11, 12], нравственному воспитанию в образовательном процессе [13], а также методологии и методике изучения интеграции деятельности вузов и работодателей [14].

Базовым для проведенного нами исследования было крупное металлургическое предприятие Свердловской области ПАО «Синарский трубный завод» (далее – СинТЗ). Достижения производственного коллектива, результаты его работы, социальная, кадровая, молодежная политика и история СинТЗ отражены во многих статьях и отдельных изданиях. Одной из первых стала книга А. М. Бобровского «Синарский трубный: страницы истории», которая включает в себя не только последовательный ряд фактов заводской биографии, но и работу с молодежью¹. Острые публицистические заметки о стиле руководства заводом дают ретроспективный взгляд на события, происходившие на нем в период с 1951 по 1995 г. [15]. В книге В. Калистратова [16] и сборнике «На пути к спортивным вершинам» освещаются вехи физкультурно-спортивного движения на СинТЗ².

¹ Синарский трубный. Страницы истории / сост. А. М. Бобровский. Екатеринбург: Диамант, 1994. 168 с.

² На пути к спортивным вершинам. Екатеринбург: Издательство А. В. Пиджакова, 2014. 160 с.

Отдельно рассмотрена проблема здоровья и здорового образа жизни как ценностей коллектива и молодых работников [17, с. 8–10] и раскрыт практический опыт предприятия в части пропаганды здорового образа жизни и борьбы с вредными привычками [17]. Различные аспекты жизнедеятельности молодежи, работавшей на СинТЗ в период с 1934 по 2004 г., проанализированы А. И. Грамолиным и Э. А. Коридоровым [18], эстафету продолжил Н. М. Паэгле, охватив период с 2004 по 2014 г. – [19], и др. На наш взгляд, история Синарского завода, отраженная в указанных источниках, свидетельствует о формировании традиций субъект-субъектного отношения руководства предприятия к молодежи, в том числе и при решении вопросов ее нравственного воспитания.

Материалы и методы

Как было отмечено выше, сегодня большинство современных крупных предприятий, в том числе на Урале, ведут социально ответственный бизнес. Не является исключением и СинТЗ, входящий в Трубную металлургическую компанию (далее – ТМК).

Так, в 2016 г. представителями завода были проведены благотворительные акции для подшефных детских социальных учреждений. Инициатором и организатором большинства мероприятий по традиции выступил заводской Совет молодежи им. А. И. Брижана. На базе Синарского детского дома (г. Каменск-Уральский) в третий раз прошел спортивный детско-юношеский фестиваль «Кубок надежды» среди воспитанников детских домов, школ-интернатов и массовых школ Свердловской области. Для 70 воспитанников Дома малютки, реабилитационного центра «Лада» и Синарского детского дома было организовано посещение контактного зоопарка «Каменский дворик». Кроме того, силами молодежи СинТЗ в Доме малютки был устроен субботник. Для реабилитационного центра «Лада» был закуплен спортивный инвентарь для игр на свежем воздухе: теннисные ракетки, наборы для игр в бадминтон, волейбольные и баскетбольные мячи¹.

Работники СинТЗ и неравнодушные жители Каменска-Уральского вместе со своими семьями с удовольствием откликнулись на призыв участвовать в первом благотворительном забеге «Бежим с добром», организованном Благотворительным фондом «Синара», ТМК и СКБ-банком. Мероприятие

¹ СинТЗ провел благотворительные акции... [Электрон. ресурс]. Режим доступа: sintz.tmk-group.ru/Пресс-релизы/show/1773 (дата обращения: 31.08.2016).

проходило 16 июля 2016 г. в честь празднования Дня металлургов и 315-летия Каменска-Уральского, а также в рамках поддержки корпоративного проекта «Повседневная благотворительность», направленного на оказание помощи детям с онкологическими заболеваниями головного мозга.

Благотворительность – одно из приоритетных направлений молодежной политики на СинТЗ¹. Социальные аспекты деятельности предприятия носят комплексный характер и направлены на создание максимально благоприятных условий для эффективной трудовой деятельности персонала². Создавая достойные условия для работы сотрудников, ТМК ожидает от них проявления следующих деловых и нравственных качеств: инициативности; ответственности за выполнение работы; ориентации на достижение бизнес-целей; профессиональной честности; взаимопомощи; способности работать в команде; сознательной трудовой дисциплины; лояльности; добросовестности; делового оптимизма и жизнелюбия; повышения профессионального уровня и продуктивного использования полученных знаний³.

Наличие вышеуказанных качеств характерно для коллектива синарских трубников, в том числе молодежи. Это подтверждают наши социологические исследования жизненных ценностей молодых работников (2005 г.) [20, с. 301–302], моральной нормативности различных категорий рабочих [21, с. 151–152], корпоративной культуры (2007 г.) [22, с. 149–152], личностно-развивающих основ молодежной политики на предприятии [23.] и др. Несомненно, данные качества работников предприятий воспитываются в процессе формирования корпоративной культуры предприятий: в трудовой, спортивной, культурно-массовой и общественной деятельности. Особое значение, на наш взгляд, имеют различные виды соревнований, социально-психологическими предпосылками эффективности которых являются «единые общественно значимые цели и ценности»⁴, что, в свою очередь, влияет на развитие личностных и профессиональных качеств работников завода.

¹ Положение молодежи Свердловской области в 2014 году: научные основы доклада правительству Свердловской области: монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2016. 350 с.

² Синарский трубный завод [Электрон. ресурс]. Режим доступа: sintz.tmk-group.ru (дата обращения: 31.08.2016).

³ Корпоративный портал Трубной металлургической компании [Электрон. ресурс]. Режим доступа: tmk-group.ru (дата обращения: 31.08.2016).

⁴ Труд и образование на пути к креативному обществу: коллективная монография / под ред. С. З. Гончарова. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2014. С. 129.

Политика социальной ответственности, которую ведет ТМК, подразумевает активное осуществление благотворительной деятельности. Благотворительность и спонсорство ТМК направлены на формирование здорового психологического климата внутри компании и благоприятной внешней социальной среды, шире – создание условий для устойчивого развития регионов, в которых находятся входящие в корпорацию предприятия.

Благотворительные проекты ТМК в Уральском регионе реализуются через профессионального оператора – корпоративный благотворительный фонд «Синара». Проекты фонда направлены на поддержку социальных инициатив некоммерческих и общественных организаций в области здравоохранения, образования, культуры, спорта и социальной защиты населения¹.

Реализуя те или иные благотворительные проекты, руководство предприятия стремится определить отношение к ним работников, в том числе молодежи. С целью изучения мнений молодых сотрудников предприятия о дальнейшем развитии проекта «Повседневная благотворительность» методом социологического группового очного анкетирования в 2016 г. было опрошено 180 человек – рабочих, служащих, специалистов и руководителей в возрасте от 18 до 30 лет.

В ходе эмпирического исследования, кроме анкетирования, использовались следующие методы: обзор и обобщение содержания историко-философской и социологической литературы, сравнительный анализ статистических данных.

Результаты исследования

Результаты анкетного опроса показали, что в благотворительных акциях принимали участие 89,8% молодых работников СинТЗ; никогда не были их участниками 10,6% наших респондентов.

Молодые люди выделили несколько основных категорий нуждающихся, которым они готовы помогать:

- детям с ограниченными возможностями здоровья, детям-инвалидам – 56,3%;
- пожилым людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, – 52,5%;
- бездомным животным – 50,0%;
- детям с онкологией – 49,3%.

¹ Благотворительность [Электрон. ресурс]. Режим доступа: tmk-group.ru/tmk_charity (дата обращения: 31.08.2016).

Отвечая на вопросы о степени своей информированности о реализации проекта «Повседневная благотворительность», 13,4% респондентов отметили, что не только знают о нем, но даже перечисляли средства на лечение детей от онкологии. Слышали о проекте, однако не принимали в нем участие, потому что не знают, как это сделать, 29,9% опрошенных; ничего не знают о проекте 23,6%; не дали ответа 33,1%.

Выяснилось, что для молодежи наиболее предпочтительны такие формы оказания материальной помощи, как

- оставлять наличные средства в контейнерах для сбора пожертвований – 59,2%;
- перечислять средства через банкомат или интернет-банк – 15,8%;
- пользоваться «Картой добра» – 11,9%;
- не брать сдачу в кассе банка – 10,6%.

Обнаружилось также, что молодые работники СинТЗ (58,0%) более склонны оказывать помощь жителям города Каменска-Уральского и жителям Свердловской области, чем нуждающимся в помощи, проживающим в других регионах. Большинству респондентов (68,8%) «интересно принимать участие в какой-то новой благотворительной акции».

Всего 1,6% опрошенных «готовы и сами предложить новые акции и новые способы помощи нуждающимся», но при этом не указали, какие именно.

Выражая свои пожелания, респонденты отметили, что хотели бы

- иметь возможность лично передать свое пожертвование конкретному лицу, которому нужна помощь – 37,6%;
- получить за добровольное пожертвование
 - благодарственное письмо от руководителя – 8,9%;
 - открытку или календарик – 25,5%;
 - значок – 3,2%;
 - признательность в виде улыбки – 3,2%;
 - информацию о том, кому пошли средства, – 1,3%.

21,7% респондентов заявили, что в знак благодарности за пожертвование им «ничего не нужно».

Обсуждение и заключения

Благотворительность – одно из важных направлений деятельности социально ориентированного предприятия и часть его молодежной политики. Опыт работы с молодежью в этом направлении, накопленный на Синарском трубном заводе, в частности во время организации и проведения различных молодежных благотворительных акций и мероприятий,

претворения в жизнь инициатив заводского Совета молодежи, реализации проекта «Повседневная благотворительность», показывает положительный воспитательный эффект подобного рода деятельности.

На основе результатов опроса молодых работников СинТЗ об их отношении к повседневной благотворительности можно сделать вывод о том, что большинство из них готово оказывать адресную помощь нуждающимся, особенно детям с ограниченными возможностями здоровья и пожилым людям. Данный факт свидетельствует о формирующемся альтруизме в молодежной среде и о развитии у молодых людей таких нравственных норм и качеств, как бескорыстность, отзывчивость, желание поддержать ближнего, попавшего в сложную ситуацию, и готовность потратить на это свое личное время, силы и средства.

Интерес для дальнейшего исследования представляет изучение отношения учащейся молодежи (СПО и ВО) к благотворительности и сравнение показателей формирования нравственных норм, качеств и гражданской позиции в разных социальных молодежных группах.

Список использованных источников

1. Асмолов А. Тест на человечность: особые дети в обществе // Образовательная политика. 2015. № 3 (69). С. 2–5.
2. Попова Н. В., Попова Е. В. Формирование субъектности и норм в процессе адаптации молодых работников на предприятии // Образование и наука. 2016. № 6 (135). С. 110–125.
3. Попова Е. В. Онтологическая и гносеологическая специфика нормы: монография. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2008. 122 с.
4. Kapsamit M. A., Nurbekova Z. Zh. International experience in the implementation of youth policy // KazNU BULLETIN. Psychology and sociology series / Казак университеті, Алматы. 2015. № 1 (52). Р. 240–246.
5. Кемалова А. И., Анисимова Е. В. Отношение современной молодежи к благотворительности // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2016. № 2 (7). С. 39–41.
6. Гениберг Т. В. Благотворительность в России в конце XX – начале XXI века: характерные черты, сложности, пути развития // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2016. № 3 (42). С. 181–190.
7. Шамаев А. М. Вопросы развития благотворительности в среде мусульманской молодежи Северного Кавказа // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. С. 185–187.
8. Мирошниченко Л. А. Функционирование и развитие современных форм благотворительности в молодежной среде города Краснодара // Научная палитра. 2015. № 4 (10). С. 23.

9. Иваницкая М. С. Социологическое исследование «Роль благотворительной деятельности в социализации современной российской молодежи (на примере Алтайского края)» // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 4 (32). С. 38.
10. Кононова Т. Б., Долакова М. И. «Сострадание – основа всей морали»: благотворительность как аксиологический ресурс воспитания молодежи // Университетский научный журнал. 2016. № 18. С. 43–50.
11. Брагина З. В., Максименко А. А., Тимонин А. Ю. Отношение к благотворительности молодежи Костромской области // Научный результат. Социология и управление. 2017. Т. 3. № 3 (13). С. 23–36.
12. Стернин И. А., Камбаралиева У. Д. Особенности коммуникативного поведения русских и кыргызов // Вестник Кыргызско-Российского университета. Серия Гуманитарные науки. 2017. Т. 17. № 9. С. 156–160.
13. Бугазов А. Х. Образовательный процесс и нравственное воспитание учащихся // Вестник Кыргызско-Российского университета. Серия Гуманитарные науки. 2017. Т. 17. № 9. С. 182–186.
14. Abdikerova G. O. Methodology and methods of research integration of universities with employers // KazNU BULLETIN. Psychology and sociology series / Almaty. 2015. № 1 (52). P. 186–192.
15. Славин В. Б. Записки заводского инженера. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. 272 с.
16. Калистратов В. Спорт – это целая жизнь. Екатеринбург: Баско. 2004. 256 с.
17. Буйносова Н. И., Попова Н. В. Здоровый образ жизни как элемент корпоративной культуры современного промышленного предприятия. Опыт. Проблемы. Пути решения. Каменск-Уральский: ОАО «СинТЗ», 2007. 76 с.
18. Грамолин А. И., Коридоров Э. А. Синара: Судьба и слава, 1934–2004. Екатеринбург: Автограф, 2014. 256 с.
19. Пазгле Н. М. Синара: Поединок с новым веком, 2004–2014. Екатеринбург: Автограф, 2014. 256 с.
20. Попова Н. В. Исследование жизненных ценностей молодых работников современного промышленного предприятия как необходимая предпосылка реализации молодежной политики // Воспитание духовности: ценностные основы высшего профессионального образования: материалы межрегиональной научно-практической конференции, 28–29 ноября 2005 г., Екатеринбург. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2006. С. 298–302.
21. Попова Н. В. Сравнительный анализ моральной нормативности различных категорий рабочих на современном промышленном предприятии // Машины. Люди. Ценности: материалы Международной междисциплинарной научной конференции, посвященной 85-летию С. М. Шалютина, 20–21 апреля 2006 г., Курган. Курган: Курганский государственный университет, 2006. С. 151–152.
22. Попова Н. В. Корпоративная культура промышленного предприятия, ее влияние на развитие продуктивно-творческого потенциала молодых

работников // Конструкты и пространства культуры XXI века: сборник научных статей: в 3 ч. Ч. II. Морфология культуры / науч. ред. М. В. Малошик. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2007. С. 148–154.

23. Попова Н. В. Личностно-развивающие основы молодежной политики на современном промышленном предприятии. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2008. 400 с.

References

1. Asmolov A. Test for humanity: special children in the society. *Obrazovatel'naya politika = Educational Policy*. 2015; 3 (69): 2–5. (In Russ.)
2. Popova N. V., Popova E. V. The formation of subjectivity and standards in the process of adaptation of young employees at the enterprise. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2016; 6 (135): 110–125. (In Russ.)
3. Popova E. V. Ontologicheskaja i gnoseologicheskaja specifika normy = Ontological and epistemological specificities of norms. Ekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University; 2008. 122 p. (In Russ.)
4. Kapsamit M. A., Nurbekova Z. Zh. International experience in the implementation of youth policy. *Al-Farabi KazNU Bulletin. Psychology and Sociology Series*. 2015; 1 (52): 240–246. (In Russ.)
5. Kemalova L. I., Anisimova E. V. Attitude of modern youth to charity. *Aktual'nye problemy social'no-gumanitarnogo i nauchno-tehnicheskogo znanija = Actual Problems of Social-Humanitarian and Scientific-Technical Knowledge*. 2016; 2 (7): 39–41. (In Russ.)
6. Geniberg T. V. Charity in Russia in the late XX – early XXI century: Characteristics, difficulties, ways of development. *Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Pacific National University*. 2016; 3 (42): 181–190. (In Russ.)
7. Shamaev A. M. Issues of development of charity among the Muslim youth of the North Caucasus. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija = Theory and Practice of Social Development*. 2015; 11: 185–187. (In Russ.)
8. Miroshnichenko L. A. Functioning and development of modern forms of philanthropy in the youth environment of Krasnodar city. *Nauchnaja palitra = Scientific Palette*. 2015; 4 (10): 23. (In Russ.)
9. Ivanitskaya M. S. Sociological research “The role of charitable activities in the socialisation of modern Russian youth (on the example of the Altai territory)”. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya = Humanities Research*. 2014; 4 (32): 38. (In Russ.)
10. Kononova T. I., Dolakova M. I. “The basis of all morality”: Charity as an educational resource for young people. *Universitetskij nauchnyj zhurnal = University Scientific Journal*. 2016; 18: 43–50. (In Russ.)
11. Bragina Z. V., Maksimenko A., Timonin A. Attitude to charity of youth of the Kostroma region. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologija i upravlenie = Scientific Result. Sociology and Management*. 2017; 3 (13): 23–36. (In Russ.)
12. Sternin I. A., Ambaraluwa W. D. Peculiarities of the communicative behavior of Russians and Kyrgyz people. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo universiteta*.

Seriya Gumanitarnye nauki = Bulletin of Kyrgyz-Russian University. Series of Humanitarian Sciences. 2017; 17, 9: 156–160. (In Russ.)

13. Bogatov A. H. Education and moral education of students. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki = Bulletin of Kyrgyz-Russian University. Series of Humanitarian Sciences.* 2017; 17, 9: 182–186. (In Russ.)

14. Abdikerova, G. O. Methodology and methods of research integration of universities with employees. *Al-Farabi KazNU Bulletin. Psychology and Sociology Series.* 2015; 1 (52): 186–192. (In Russ.)

15. Slavin V. B. *Zapiski zavodskogo inzhenera = Notes of a factory engineer.* Ekaterinburg: Publishing House U-Faktoriya; 2002. 272 p. (In Russ.)

16. Kalistratov V. Sport – jeto celaja zhizn' = Sport is a whole life. Ekaterinburg: Publishing House Basko; 2004. 256 p. (In Russ.)

17. Buinsova N. I., Popova N. V. Zdorovyj obraz zhizni kak jelement korporativnoj kul'tury sovremennogo promyshlennogo predpriyatija. Opyt. Problemy. Puti reshenija = A healthy lifestyle as the part of corporate culture of modern industrial enterprise. Experience. Problems. Solutions. Kamensk-Uralsky: Publishing House OAO "SinTZ"; 2007. 76 p. (In Russ.)

18. Gramolini A. I., Koridorov E. A. Sinara: Sud'ba i slava, 1934–2004 = Sinara: Fate and glory, 1934–2004. Ekaterinburg: Publishing House Avtograf; 2014. 256 p. (In Russ.)

19. Paegle N. M. Sinara: Poedinok s novym vekom, 2004–2014 = Sinara: Duel with the new century, 2004–2014. Ekaterinburg: Publishing House Avtograf; 2014. 256 p. (In Russ.)

20. Popova N. V. A study of life values of young workers of modern industrial enterprise as a necessary precondition of youth policy implementation. In: *Vospitanie duhovnosti: cennostnye osnovy vysshego professional'nogo obrazovaniya: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (28–29 noyabrya 2005 g., Ekaterinburg = Parenting spirituality: Value Foundations of Higher Professional Education. Materials of the Interregional Scientific-Practical Conference; 2005 Nov 28–29; Ekaterinburg.* Ekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University; 2006. p. 298–302. (In Russ.)

21. Popova N. V. The comparative analysis of moral normativity of various categories of workers in the modern industrial enterprise. In: *Mashiny. Lyudi. Cennosti: materialy Mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 85-letiyu S. M. Shalyutina (20–21 aprelya 2006 g., Kurgan) = Cars. People. Values. Proceedings of the International Interdisciplinary Scientific Conference Dedicated to 85th Anniversary of S. M. Salutin; 2006 Apr 20–21; Kurgan.* Kurgan: Kurgan State University; 2006. p. 151–152. (In Russ.)

22. Popova N. V. The corporate culture of the industrial enterprise, its influence on the development of the productive and creative potential of young workers. In: *Konstrukty i prostranstva kul'tury XXI veka: sbornik nauchnyh statej: v 3 ch. Ch. II. Morfologiya kul'tury = Constructs and Cultural Space of the 21st Century. International Collection of Scientific Articles. In 3 parts. Part II. The Morphology*

of the Culture. Ed. by M. V. Maloshik. Ulan-Ude: Publishing House VSGAKI; 2007. p. 148–154. (In Russ.)

23. Popova N. B. Lichnostno-razvivajushhie osnovy molodezhnoj politiki na sovremennom promyshlennom predpriyatii = Personality-developing foundations of youth policy in the modern industrial enterprise. Ekaterinburg: Ural State University; 2008. 400 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Попова Наталья Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры организации работы с молодежью Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. E-mail: NV_Popova@mail.ru

Попова Елена Валентиновна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, культурологии и искусствоведения Российского государственного профессионально-педагогического университета, Екатеринбург, Россия. E-mail: poplinav@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.02.2018; принята в печать 12.09.2018.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Natalia V. Popova – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Work Organisation with Youth, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. E-mail: NV_Popova@mail.ru

Elena V. Popova – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Philosophy, Culturology and Art History, Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia. E-mail: poplinav@mail.ru

Received: 21.02.2018; accepted for publication: 12.09.2018.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 376

DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-156-175

ОБРАЗОВАНИЕ В «ТРЕТЬЕМ ВОЗРАСТЕ» В РОССИИ

А. Н. Джуринский

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.

E-mail: djurins@yandex.ru

Аннотация. Введение. В современном обществе по причине увеличения средней продолжительности жизни неуклонно растет численность людей старшего поколения, в связи с чем актуализируются вопросы сохранения их работоспособности, физического и психологического благополучия и поддержки у них высокого жизненного тонуса. В данной ситуации крайне востребованным становится институт образования «третьего возраста» как составного звена общего непрерывного образовательного процесса в течение всей жизни, предоставляющего возможность пожилым гражданам оставаться активными полноправными членами социума.

Цель статьи – описание социально-педагогического исследования и обобщение опыта обучения людей «третьего возраста» в постсоветской России на рубеже XX–XXI вв.

Методология и методы. Работа проводилась с опорой на социокультурный подход к организации системы образования, положения философии объективного позитивизма, концепции непрерывного и неформального обучения через всю жизнь и теории сравнительной педагогики.

Результаты и научная новизна. На основе научных публикаций и документальных источников, многие из которых до сих пор оставались вне исследовательского поля, системно проанализирован начальный этап генезиса образования «третьего возраста» в России. Изучены его законодательная база, задачи, содержание программ и технологии; дана оценка целесообразности такого обучения.

Представители «третьего возраста» охарактеризованы как субъекты образования – с точки зрения их социальной активности, уровня предшествующей образовательной подготовки, культурно-образовательных запросов, дифференциации по гендерной принадлежности. Отмечены свойственные данной категории лиц тяга к мировоззренческой генерализации, наставничеству и стремление избавиться от комплекса маргинализации после выхода на пенсию. Кратко изложе-

ны практика первых учебно-просветительских учреждений и проекты образования пожилых людей – создание ретро-клубов и отдельных групп слушателей в открытых университетах. На примере работы российских университетов «третьего возраста», функционировавших в Орле, Ставрополе и Челябинске, рассмотрены структура и учебные планы обсуждаемого вида образования. Обозначены социальные, педагогические, психологические и медико-оздоровительные задачи подобных учебных организаций; акцентированы гуманитарная направленность и практико-ориентированные установки их деятельности. Перечислены и ее недостатки: преувеличенный энциклопедизм программ, господство вербальной подачи материала, использование форм и методов, мало пригодных для «возрастных» слушателей; отсутствие фундированной правовой базы такого рода образования, достойного его финансирования и нехватка специальных преподавательских кадров. Однако, несмотря на недочеты и издержки, социальная польза обучения, рассчитанного на удовлетворение насущных нужд и интересов пожилых людей, очевидна. Результаты мониторингов и опросов, в частности, зафиксировали заметное укрепление физического и психологического здоровья учащихся, появление у них жизнеутверждающих стимулов, снижение межпоколенческих конфликтов в их семьях.

Показаны сходство и различие идей и процессов становления и развития системы образования «третьего возраста» в России и за рубежом. Подчеркивается общемировая тенденция поворота общества к изменившимся потребностям пожилых людей.

Практическая значимость. Автор полагает, что материалы проведенного им исследования позволят успешнее справляться с новыми вызовами времени и более эффективно решать имеющиеся проблемы дополнительного образования, ориентированного на специфическую социальную страту – пожилых обучающихся, с учетом их особенностей и ожиданий.

Ключевые слова: образование «третьего возраста», субъект образования «третьего возраста», университеты «третьего возраста»; задачи, программы, технологии, результаты образования «третьего возраста».

Для цитирования: Джуринский А. Н. Образование в «третьем возрасте» в России // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 10. С. 156–175. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-156-175

EDUCATION FOR PEOPLE OF THE “THIRD AGE” IN RUSSIA

A. N. Dzhurinskiy

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia.

E-mail: djurins@yandex.ru

Abstract. Introduction. In today's world, numbers of people of the senior generation are steadily increasing due to longer life expectancy. In this regard, questions of maintaining seniors' working capacity, physical and psychological well-being and support of high vitality are updated. In this particular situation, an institute of formation of the "third age" is in high demand. The institution is considered as an integral part of a general continuous educational process during all life giving an opportunity to elderly citizens to stay actively full members of society.

The *aim* of the publication was to describe socio-pedagogical research and practical experience in the education of the elderly (the "third age") in post-Soviet Russia at the turn of the 20th–21st centuries.

Methodology and research methods. The research was based on socio-cultural approach to organisation of the education system, philosophical ideas about objective positivism, concept of continuous and non-formal life-long education and theory of comparative pedagogy.

Results and scientific novelty. On the basis of scientific publications and documentary sources, many of which have until been out of the research field, the initial stage of genesis of education of the "third age" in Russia was systemically analysed. Its legislative base, tasks, contents of programmes and technology were investigated; the practicability of such education was esteemed.

The representatives of the "third age" were characterised as members of education – in terms of their social activity, level of the previous educational preparation, cultural and educational inquiries and differentiation on gender. Desire for world outlook generalisation, mentorship and freedom from marginalisation complex after retirement were noted. The practices of the first institutions and projects of education in the "third age" were analysed: retro clubs, open universities. The structure, curriculum and the results of the education of the "third age" were characterised by the example of "third age" universities in Orel, Stavropol and Chelyabinsk. Social, pedagogical, psychological and medical and recreational tasks of such educational organisations were designated; the humanistic principles and practice-focused orientations of their activity were emphasised. In addition, the shortcomings were listed: exaggerated encyclopedism of programmes, domination of verbal material presentation, unsuitable use of forms and methods for "aged" students; lack of the funded legal base of such education, its worthy financing and shortage of special teaching personnel. However, despite shortcomings and gaps, the social advantage of the education focused on satisfaction of essential needs and interests of elderly people is obvious. The results of monitoring outcomes and surveys, in particular, recorded a marked strengthening of physical and psychological health of students, emergence of vital incentives and decrease in intergenerational conflicts in their families. The similarities and distinctions of ideas and processes within the formation and development of the system of edu-

cation of the “third age” in Russia and abroad were shown. The worldwide tendency of social turn towards the changed needs of elderly people was emphasised.

Practical significance. The materials of the present research will make it possible to effectively cope with new challenges and solve current problems of additional education, which is oriented on a specific social stratum – older adults, taking into account their characteristics and expectations.

Keywords: education in the “third age”, member of education of the “third age”, universities of the “third age”, tasks, programmes, technologies, learning outcomes of education of the “third age”.

For citation: Dzhurinskiy A. N. Education for people of the “third age” in Russia. *The Education and Science Journal*. 2018; 10 (20): 156–175. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-156-175

Введение

В связи с очевидной тенденцией увеличения средней продолжительности жизни человека и ростом в социуме доли сограждан старшего поколения возникает множество вопросов, касающихся сохранения работоспособности, высокой степени психической устойчивости, жизненного тонуса и личностной самооценки представителей этой страты общества с учетом их особенностей как субъектов активной жизни, что среди прочего подразумевает регулярное приобретение ими новых знаний. Поэтому идеи обучения в так называемом «третьем возрасте» как составного звена цепи непрерывного и неформального образовательного процесса и возможности их реализации сегодня становятся крайне востребованным направлением социально-педагогических научных исследований.

Как замечает директор Международного института старения (ООН, Мальта) М. Формоза, программы дополнительного обучения пожилых людей на фоне современных социальных и технологических вызовов рискуют потерять актуальность, если «не будут отвечать <их> образовательным, социальным и психологическим потребностям» [1, p. 1].

Цель данной статьи – анализ накопленного в постсоветской России на рубеже XX–XXI вв. опыта обучения людей пожилого возраста. Погружение в генезис соответствующих задач, содержания и технологий позволит гораздо эффективнее справляться с имеющимися проблемами дополнительного образования этой категории обучающихся – учитывать, развивать и совершенствовать наиболее продуктивные и целесообразные образовательные практики и методики и избегать допущенных в прошлом просчетов.

Обзор литературы

В ходе нашей работы были использованы научные, документальные и иные источники, остававшиеся до последнего времени вне поля зрения российских исследователей. Речь идет как о публикациях в педагогической периодике, так и о законодательских инициативах конца XX – начала XXI в., материалах научно-практических конференций, семинаров, данных социальных мониторингов, психологических срезов и медицинских обследований, а также отчетах образовательных учреждений, ориентированных на пожилых обучающихся, – «университетов третьего возраста», функционирующих в Омске, Орле, Ставрополе, Челябинске и других городах.

Кроме того, в процессе анализа и обобщения обсуждаемой проблемы был задействован корпус отечественных и зарубежных исследований таких авторов, как Л. Анциферова, Н. Божко, В. Васильчиков, С. Вершловский, А. Даринский, С. Змеев, Т. Кононыгина, Г. Ключарев, М. Окишева, Г. Сухобская, М. Топорков, R. Elmore, M. Formosa, G. Philipson, P. Vellas и др.

Методология и методы

Изучение становления и развития педагогических идей и практики обучения представителей старшего поколения проводилось в границах конкретного исторического социального и культурного поля, с учетом того, что приобщение к образованию этих людей являлось следствием разнообразных специфических запросов определенной субкультуры.

Наша работа потребовала обращения к философским идеям объективного позитивизма и рассмотрения образования в «третьем возрасте» как совокупности теории, реальных событий и фактов [2].

Базовой для исследования стала методология сравнительной педагогики, предполагающая формирование своеобразной оценочной квинтэссенции в виде резюмирующих суждений и выводов на основе сопоставления концепций, программ, технологий изучаемого типа образования [2].

Мы исходили из понимания образования в «третьем возрасте» как неформального вида обучения, существенными признаками которого являются, в первую очередь, добровольность, доступность, ориентация на персональный опыт обучающихся и практическая направленность (см. [3]).

При выполнении исследования применялся комплекс научных методов:

- описательных (сбор и изучение фактов обучения пожилых);
- социологических (оценка адекватности данного обучения потребностям социума);

- антропологических (фиксирование адресатов образования в «третьем возрасте» как отдельных целостных единиц).

Результаты исследования

Субъект образования в «третьем возрасте». К «третьему возрасту» обычно относят женщин старше 55 лет и мужчин, преодолевших рубеж 60 лет. В 2002 г. в России таких людей насчитывалось около 38,5 млн человек – т. е. свыше 20% населения [4]. Лиц пожилого возраста особенно заметно коснулся разразившийся в 1990-е гг. социальный и экономический кризис. Многие из них страдали от одиночества и утратили жизненный оптимизм [5]. Наглядно проиллюстрировал состояние граждан старшего поколения проведенный в 1998–1999 г. опрос пожилых петербуржцев: только 20% респондентов из числа опрошенных заявили, что сохранили нормальный уровень существования и позитивный взгляд на будущее¹.

Пессимистические настроения пожилых людей усугублялись ощущением, что к ним относятся как к находящимся в «возрасте социальных потерь», или внизу «социальной лестницы» [4].

Некоторые пенсионеры продолжали работать, надеясь сохранить свой социальный статус. Они были готовы сами решать личные проблемы, чуждались патерналистских настроений, верили в собственные возможности. Таких оказалось, впрочем, сравнительно немного: согласно статистике упомянутого мониторинга в Петербурге, не более 30%² [7].

Г. Ключарев, Г. Сухобская, Н. Божко, Л. И. Анциферова, С. Вершловский, А. В. Даринский и другие российские ученые охарактеризовали граждан «третьего возраста», особо выделив их качества как субъектов образования. Представители этой социальной группы относятся к личностям, которые в силу длительного жизненного опыта, психологической устойчивости, повышенной рефлексии обладают значительной мотивацией к мировоззренческим обобщениям, дополнительному образованию и передаче профессионального опыта [5, 7–10].

Выяснилось, что в «третьем возрасте» неформальное образование часто становится незаменимым условием ощущения социальной значимости, сохранения творческого потенциала и активной жизненной позиции. Согласно опросам, обучение нередко понимается пожилыми как эффективный путь продления жизни, преодоления состояния маргина-

¹ Образование взрослых на рубеже веков. Т. II. Кн. 1 / под ред. С. Г. Вершловского. С.-Петербург: ИОВ РАО, 2000. С. 112–113.

² Там же. С. 54–55.

лизации, адаптации к меняющимся обстоятельствам, диалога с молодыми поколениями. Вследствие такого образования положительные характеристики индивида могут быть не только сохранены, но и существенно обогащены¹.

Интересны гендерные различия в предпочтениях людей старшего поколения, стремящихся получать новые знания в образовательных организациях².

Мужчины в первую очередь планируют получить информацию о возможностях укрепления здоровья, а также о том, что связано с их прежней профессиональной деятельностью. Менее актуально для них обогащение представлений об экономике, политике, семейной жизни. На третьем месте – дополнительные сведения по организации досуга, пользованию компьютером, знакомство с особенностями различных конфессий.

У женщин иные образовательные приоритеты, хотя, как и мужчин, их прежде всего занимают вопросы здоровья. Далее иерархия предпочтений по мере убывания выстраивается следующим образом: художественная культура, семейные отношения, домашнее хозяйство, досуг, религиозное образование, политика, профессиональные знания, работа с компьютером.

А. В. Даринским, С. П. Змеевым и Г. Ключаревым были сформулированы основные социальные, педагогические и медико-психологические задачи образования в «третьем возрасте».

Первые включают преодоление различий в ценностных установках между поколениями, формирование толерантного отношения к жизненным явлениям; адаптацию к рыночной экономике и меньшим доходам, а также новому образу жизни, приучение себя к активному досугу и включение в общественную жизнь.

Остальные задачи состоят в инициации приобретения новых знаний, умений и навыков ради преодоления одиночества, осознания соб-

¹ Креативность и пожилые: возможности образования: материалы регионального семинара. Челябинск, 19–23 ноября 2001 г. / сост. Н. Седачева. Челябинск: Лурье, 2001. С. 14; Образование взрослых на рубеже веков. Т. II. Кн. 1 / под ред. С. Г. Вершловского. С.-Петербург: ИОВ РАО, 2000. С. 100; Образование взрослых на рубеже веков. Т. III. Кн. 1 / под ред. Ю. Н. Кулюткина, Г. С. Сухобской. С.-Петербург: ИОВ РАО, 2000. С. 54–55; Образование взрослых на рубеже веков. Т. III. Кн. 2 / под ред. В. Д. Еремеевой, А. И. Канатова. С.-Петербург: ИОВ РАО, 2000. С. 42–46.

² Образование взрослых на рубеже веков. Т. III. Кн. 2 / под ред. В. Д. Еремеевой, А. И. Канатова. С.-Петербург: ИОВ РАО, 2000. С. 42–47; Материалы Всероссийской научно-практической конференции (по проблемам образования в «третьем возрасте»). Выступления участников конференции // Новые знания. 1998. № 4. С. 23.

ственных возрастных особенностей, обучения тому, как заботиться о своем здоровье [5; 9; 11, с. 42].

А. В. Даринским еще двадцать лет назад был предложен достаточно обширный учебный план образования в «третьем возрасте», включающий приобретение знаний, умений и навыков, касавшихся юриспруденции, медицины, экологии, психологии, философии, истории, литературы, иностранных языков, многокультурной среды проживания и практических домашних занятий (сад-огород, кулинария, компьютер, игры с детьми и пр.) [9].

Отдельно анализировались вопросы организации, форм и методов соответствующего образовательного процесса¹ [9, 12]. Обучение предлагалось проводить бесплатно по месту жительства или работы. Номенклатура образовательных технологий выглядит вполне традиционно: беседы, лекции, практические занятия, экскурсии. Подобные формы опираются на педагогические условия наглядного, группового, активного, игрового обучения.

Предпринимались отдельные попытки учесть при реализации указанных выше технологий специфику контингента учащихся. Так, на региональном семинаре «Креативность и пожилые», проводившемся в Челябинске в 2001 г., говорилось о том, что, чтобы помочь пожилым обучающимся усвоить максимум информации при минимальных затратах сил и времени, нужно чаще прибегать к активному обучению, а для снятия усталости применять, например, взаимомассаж².

Особая роль отводилась играм и физическим упражнениям для избавления от психологической депрессии, улучшения координации тела и поддержки здоровья. При этом рекомендовалось учитывать физические возможности пожилых людей. Исключать, например, быстрый бег, прыжки, силовые упражнения. Подчеркивалось, что главное – не совершенствование двигательных функций, а обретение радости движения, общения и взаимного понимания³.

Первые культурно-просветительские учреждения «третьего возраста». Создание образовательных организаций для «третьего возраста» началось в 1990-х гг.

¹ Образование пожилых. Руководство для практической работы. Орел, 2001. 76 с. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.myshared.ru/slide/219755/> (дата обращения: 21.10.2018)

² Креативность и пожилые: возможности образования: материалы регионального семинара. Челябинск, 19–23 ноября 2001 г. / сост. Н. Седачева. Челябинск: Лурье, 2001. С. 20.

³ Там же. С. 64.

К их числу относились ретро-клубы¹. Так, в одном из них – ретро-клубе «Белая акация» при Доме культуры в г. Кургане – были организованы обучение представителей старшего поколения танцам, концертные абонементы классической музыки, лекции о пенсионном законодательстве. Здесь же устраивались показы модной одежды, праздники и происходило обучение таким профессиям, как парикмахер и шляпник [13].

Университеты «третьего возраста». Функции обучения пожилых людей стали брать на себя и открытые народные университеты. Так, в Ярославском открытом народном университете в 1997–1998 гг. были сформированы группы для «третьего возраста», в которых психологи и врачи проводили консультации и тренинги. Подобные занятия посвящались психологической саморегуляции, управлению эмоциями, навыкам поведения в стрессовых ситуациях, общению с внуками и др. Интерес слушателей привлекли лекции о политике, садоводстве и огородничестве, а также беседы о религии.

Организация первых университетов «третьего возраста», которые зачастую создавались на базе ретро-клубов и групп «третьего возраста» в открытых народных университетах, была предусмотрена в ряде документов². Основную инициативу при этом взяло на себя общество «Знание». В концепции «Общероссийского университета третьего возраста» (1996), разработанной Центральным советом общества, актуальность рассматриваемого образования связывалась «с необходимостью знаний и практических навыков для профилактики и поддержания здоровья, адаптации к условиям рыночной экономики, воспитания детей и внуков, ведения домашнего хозяйства». В документе подчеркивался запрос значительной части общества на деятельность подобных организаций для решения «проблемы коммуникабельности пожилых людей, их объединения и общения по интересам». Приоритетами учебных программ создаваемых учебных заведений были названы правовое, историческое, медицинское и политическое образование, получение которого должны были обеспечить соответствующие факультеты³.

В первых университетах «третьего возраста» количество слушателей варьировалось от 120 до 1500 человек. Так, в университете Магнитогор-

¹ Материалы Всероссийской научно-практической конференции (по проблемам образования в «третьем возрасте»). Выступления участников конференции // Новые знания. 1998. № 4. С. 19–26.

² См., например Федеральная программа «Старшее поколение» на 1997–1998 гг. (1997) // Российская газета. 19.09.1997.

³ Общероссийский открытый народный университет третьего возраста. Концепция создания. Москва: Центральный Совет Общества «Знание», 1997. 25 с.

ска в 1997/98 учебном году насчитывалось около 120 учащихся, в Орловском университете – около 200 человек, в Ставропольском – 170, в университете Челябинска – 1500 студентов¹ [14].

Разброс учащихся по возрасту составлял от 41 до 84 лет. Самой крупной группой слушателей оказались граждане от 64 до 67 лет. Число женщин значительно превышало количество мужчин: в 4–7 раз. Большинство обучающихся (75–87%) имело общее и высшее образование, многие были активными членами различных общественных организаций.

У основного корпуса поступающих в университеты «третьего возраста» наблюдалась четко выраженная мотивация обучения. В планы всех слушателей входило приобретение разнообразной актуальной информации² [14, 15] (табл. 1).

Таблица 1

Образовательные предпочтения учащихся университетов «третьего возраста»

Table 1

Educational preferences of university students of the “third age”

Направление обучения	Доля учащихся, %		
	Мужчины	Женщины	Все учащиеся
Право	63,6	14,4	24,3
Медицина	68,2	71,1	73
Психология	13,6	37,1	32,4
История	54,5	10,1	18,9

Ведущими мотивами обучающихся были намерение адаптироваться в современном обществе и желание активно участвовать в социальной жизни. Они хотели знать, как эффективно защищать свои гражданские права, преодолевать болезни, справляться с разочарованиями, обидами

¹ Материалы Всероссийской научно-практической конференции (по проблемам образования в «третьем возрасте»). Выступления участников конференции // Новые знания. 1998. № 4. С. 19–26.

² Материалы Всероссийской научно-практической конференции (по проблемам образования в «третьем возрасте»). Выступления участников конференции // Новые знания. 1998. № 4. С. 19–26; Народный университет третьего возраста. Ставрополь [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://dobroedelo.org/koaliciya-pravo-pozhilyx/partnery/universitet-tretego-vozrasta-stavropol/2001> (дата обращения: 21.10.2018); Расширение информационного пространства как средство развития социально-политической и правовой активности пожилых: материалы регионального семинара. Орел, 9–13 июля 2001 г. / сост. Т. М. Кононыгина. Орел: Труд, 2001. С. 6; Образование взрослых на рубеже веков. Т. I. Кн. 2 / под ред. Н. П. Литвиновой. С.-Петербург: ИОВ РАО, 2001. 232 с.

и страхами. От 40 до 50,5% слушателей надеялись найти в университете партнеров для общения.

Большая часть учащихся оказалась психологически устойчива и не испытывала синдрома одиночества. Вместе с тем около 15% пожилых людей поступили в университет, испытывая острый жизненный дискомфорт; одиночество и нехватку общения ощущал каждый десятый респондент.

К 2003 г. в России насчитывалось уже около трех десятков университетов «третьего возраста»¹. Учебные заведения этого типа действовали почти во всех центральных городах страны. Их структура состояла из факультетов разного профиля.

Так, в открытом в 1997 г. «Университете третьего возраста» в Орле насчитывалось четыре факультета: права, здоровья, агрономии, истории региона. Занятия проводились два раза в месяц. Организация готовила консультантов для работы в огороде и саду, воспитателей детей с проблемами здоровья, репетиторов школьников, специалистов по реставрации старой одежды, библиотекарей-книгонош. Для слушателей проводились следующие лекции и семинары: «Активное долголетие», «Искусство победить старость», «История родного края», «Дары леса», «Лекарственные травы» и др.

Наиболее популярной обучающей технологией оказался «биографический метод», который основан на рассказах обучающихся друг другу о своих житейских проблемах и дальнейшем совместном поиске их решения.

Распространенными формами обучения были также посещение театров, музеев, встречи с учеными, писателями, поездки на природу.

Учащиеся в фитнес-баре за чашкой чая и просмотром телевизора могли обсуждать новости, футбол, политические шоу и пр., делиться рецептами кулинарии, играть в шахматы. Желающие занимались в хоре и самодеятельном театре, выступали с концертами и спектаклями перед жителями города, участвовали в фестивалях цветов и праздниках урожая, проводили балы и конкурсы с дегустацией блюд. Для продажи сельскохозяйственной продукции учащихся был открыт специализированный магазин².

¹ Расширение информационного пространства как средство развития социально-политической и правовой активности пожилых: материалы регионального семинара. Орел, 9–13 июля 2001 г. / сост. Т. М. Кононыгина. Орел: Труд, 2001. 87 с.

² Диалог поколений. Орел: Орловская правда, 2001. 112 с.; Материалы Всероссийской научно-практической конференции (по проблемам образования в третьем возрасте). Выступления участников конференции // Новые знания. 1998. № 4. С. 19–26.

«Университет третьего возраста», учрежденный в 1999 г. в Челябинске, состоял из пяти факультетов: экономики и права, здоровья, психологии и педагогики, агрономии, политики. Здесь занятия проводились один-два раза в месяц. Обучение обычно длилось один академический год и включало консультации по социальным и правовым вопросам, охране здоровья, ведению сельского хозяйства. Отдельно рассматривалась тема борьбы с наркоманией; осуществлялось патронирование обучающимися детских домов¹ (табл. 2).

Таблица 2

Учебные планы и программы Челябинского «Университета третьего возраста»

Table 2

Curricula and programmes of the Chelyabinsk University of the Third Age

Факультет	Программы	
	Кол-во часов	Темы
Здоровья	89	Медико-биологические темы, диагностика и лечение гипертонии, оказание медицинской помощи на дому
Экономики и права	42	Экономика и социальная ситуация в регионе, правовое законодательство, ценные бумаги и т. д.
Агрономии	56	Подготовка к севу, агротехника выращивания растений, болезни растений и т. д.
Психологии и педагогики	40	Участие в воспитании детей, технологии общения
Политики	28	Темы по вопросам общественной и политической жизни города и всей страны, по борьбе с наркоманией

В университете были организованы дополнительные занятия по искусству и культуре² (табл. 3).

В рамках тематических занятий по искусству и культуре проводились конкурсы, выставки, экскурсии в музеи, выставочные залы и картинные галереи. Слушатели имели возможность заниматься в объединениях и студиях

¹ Социальный проект. Народный университет пожилого человека. Челябинская областная организация «Знание» России [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.znanie74.ru/index.php?id=2&Itemid=30&option=com_content&task=blogcategory (дата обращения: 21.10.2018)

² Там же.

по интересам: рисование и фотография, театральное дело, дизайн одежды, танцы, народное творчество, риторика, массаж, кулинария.

Таблица 3

Учебный план дополнительных занятий по искусству и культуре
в Челябинском «Университете третьего возраста»

Table 3

The curriculum of additional classes in art and culture in the Chelyabinsk
University of the Third Age

Учебный предмет	Количество академических часов
Краеведение	6
Литература	6
Музыка	6
Народные культурные традиции	15
Русский язык	4
Православие	5
<i>Итого</i>	42

Организованный в 2001 г. «Университет третьего возраста» в Ставрополе насчитывал три факультета¹. Программой факультета экологии и здоровья предусматривались занятия один раз в неделю по более чем тридцати темам: применение лекарственных препаратов, психогигиена, аутотренинг, психология семейного общения, правила поведения в семье, стрессы, психология пожилого человека, экологическая культура, поведение на природе, основы правильного питания, целебные травы, профилактика глазных болезней и др. Кроме того, слушатели занимались йогой, самомассажем, гимнастикой глаз, проводили практикумы по сбору лечебных трав.

На факультете культуры дважды в месяц проходили занятия по более чем двадцати направлениям, таким как география региона, история местной культуры, кинематограф, основы православной религии и искусства и др. Слушатели вместе праздновали Рождество, День святого Валентина, Новый год и др., посещали музеи, картинные галереи, кинематограф, готовили выставки изделий народных промыслов.

Программа факультета права включала изучение земельного и гражданского кодексов, законов об общественных объединениях, ветеранах и т. д.

¹ Народный университет третьего возраста. Ставрополь [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://dobroedelo.org/koaliciya-pravo-pozhilyx/partnery/universitet-tretego-vozrasta-stavropol/2001> (дата обращения: 21.10.2018).

Преподавательский корпус учреждений «третьего возраста».

Обучение представителей старшего поколения осуществляли лица самых разных профессий: врачи, юристы, педагоги, социологи, психологи, экономисты, агрономы, работники социальных служб. В качестве преподавателей приглашались профессора вузов, священнослужители, деятели искусства и культуры. Кроме того, перед слушателями выступали представители местной администрации, политических партий. К преподаванию привлекали и самих учащихся.

Вместе с тем в большинстве вузов так и не появилось специальных программ подготовки кадров для обучения пожилых людей. Исключение составили лишь отдельные университеты, например в Ярославле и Орле.

Обучение и повышение квалификации преподавателей университетов «третьего возраста» осуществлялись эпизодически. Обмен преподавательским опытом происходил на городских, региональных, общероссийских и международных семинарах и конференциях, где обсуждались актуальные и приоритетные проблемы обучения сограждан старшего поколения¹ [6, 14].

Образование «третьего возраста» в России и за рубежом. В постсоветской России зачатки образования «третьего возраста» появились спустя четверть века после возникновения такой системы за рубежом. Эти процессы оказались во многом схожи.

Заметно перекликаются идеи данного вида образования, сформулированные российскими и зарубежными авторами.

Как полагал, к примеру, американский исследователь Р. Эльмор, повышенная чувствительность пожилых людей к социальным изменениям требует сопровождения их адаптации к переменам через доступ к структурированному и эффективному образованию. Таким образом, образование «третьего возврата» выступает механизмом регулирования социальной справедливости [16].

Британский ученый Ф. Филипсон видел в данном типе обучения магистральный путь преодоления нараставшего в обществе негативного отношения к пожилому возрасту как к «бремени социума» [17].

¹ Расширение информационного пространства как средство развития социально-политической и правовой активности пожилых: материалы регионального семинара. Орел, 9–13 июля 2001 г. / сост. Т. М. Кононыгина. Орел: Труд, 2001. 87 с.; Образовательная деятельность для пожилых // Новые знания. 2002. № 3. С. 40; Образование взрослых на рубеже веков. Т. I, кн. 2 / под ред. Н. П. Литвиновой. С.-Петербург: ИОВ РАО, 2001. С. 109.

Подобным образом рассуждал и французский педагог П. Велла. Вскрывая социальные причины одиночества в пожилом возрасте, он замечал, что «сегодня слабеют функции семьи как ячейки человеческой солидарности и противоядия от одиночества стариков». Попытки решить проблему, помещая престарелых людей в лечебные учреждения, не дают результата: «Чтобы покончить с одиночеством стариков, нельзя уповать на госпитали, куда их помещают и где они живут и умирают в одиночестве десятки лет» [18, р. 20]. Осуждая такую практику, П. Велла видел альтернативу в образовании пожилых: «Невозможно оставлять стариков в невыносимых условиях существования, в которых они находятся <...>, необходимо изменить эти условия <...>, создать единый временной поток образования, работы и выхода на пенсию <...>, продлить время формирования человеческой личности» [Там же, р. 8, 9].

Во многом совпадают намеченные российскими и зарубежными учеными задачи и набор программ рассматриваемого образования. Например, первый университет «третьего возраста», созданный в 1973 г. при Университете социальных наук Тулузы, предлагал пожилым слушателям программу учебно-оздоровительной деятельности, с тем чтобы удовлетворить их жизненные потребности и устремления. Речь шла об организации непрерывного образования путем участия пожилых обучающихся в культурных и учебных мероприятиях, которые были направлены на стимулирование дружеского общения, обеспечение эффективной социальной адаптации, решение проблем, связанных со старением [19].

Также немало общего можно обнаружить в структурах учебных планов, предпочтениях в видах и способах образовательной деятельности, избираемых в первых университетах «третьего возраста» в России и за рубежом. Так, в планы зарубежных институций входили обычно искусство, литература, история, иностранные языки, музыка, социальные науки и философия, компьютеры, ремесла. В качестве педагогических технологий использовались беседы, дискуссии, игры. Организовывались фитнес-занятия, прогулки по сельской местности, посещение театров и концертов. Имелись клубы туризма, танцев, театральные студии и пр. [19].

Впрочем, были и отличия. В программах зарубежных университетов «третьего возраста» весьма слабо была представлена политическая составляющая. Практически отсутствовала тематика профессионального и экономического просвещения. Гораздо меньше, чем в России, в этих заведениях прибегали к традиционным вербальным методам обучения.

Заключение

Идеи и практика образования «третьего возраста» в России возникли в потоке общемировой тенденции внимания к запросам пожилых людей.

Первые в России учебные учреждения для «третьего возраста» добились определенных положительных результатов¹. Образовательные ожидания обучавшихся в них граждан в основном были удовлетворены. Так, 84% респондентов, принявших участие в мониторинге, проведенном в Орловском университете, заявили, что их надежды приобрести полезные знания оправдались; 79% сочли достаточной информацию, которую они получили на занятиях [4, 15].

В семьях учащихся университетов «третьего возраста» произошло снижение межпоколенческих конфликтов (в разных группах – от 12 до 60%). Обучение способствовало повышению жизненной активности, установлению психологической стабильности учащихся, стало источником появления у них положительных эмоций. Например, слушатели университетов «третьего возраста» в Орле и Челябинске признавались:

- «Мы были выброшены из активной жизни. Для нас началась новая прекрасная пора»;
- «Университет продлил нам жизнь. Мы нашли в нем надежду»;
- «Университет дал нам высокий жизненный стимул»².

Было зафиксировано заметное укрепление здоровья обучающихся. У многих из них улучшилось самочувствие (71%), нормализовалось кровяное давление (30–47%), наладились сон и аппетит (6,2%), снизился синдром тревожности (12,3%).

Вместе с тем образовательные учреждения для «третьего возраста» на рубеже XX–XXI вв. посещали, по самым оптимистическим подсчетам, не более 10 тысяч слушателей. То есть подавляющая часть пожилых людей осталась вне сферы дополнительного обучения. Незрелость структуры такого образования была в немалой степени следствием отсутствия фундированной правовой базы, достойного финансирования и эффективной подготовки преподавателей.

К недостаткам деятельности первых образовательных учреждений для «третьего возраста», на наш взгляд, следует отнести преувеличенный

¹ Социальный проект. Народный университет пожилого человека. Челябинская областная организация «Знание» России [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.znanie74.ru/index.php?id=2&Itemid=30&option=com_content&task=blogcategory (дата обращения: 21.10.2018).

² Там же.

энциклопедизм программ, господство вербального обучения, использование форм и методов работы, слабо соотносящихся с особенностями и потребностями обучающихся. Однако данные издержки ни в коей мере не перечеркивают явного позитивного эффекта и очевидной социальной пользы организации системы образования, рассчитанной на удовлетворение насущных нужд и интересов пожилых людей.

Авторы книги «Основы андрагогики» справедливо отмечают: «Вековой опыт показывает, что лишь в возрасте, который теперь принято называть третьим, перед человеком открывается возможность осваивать всю полноту способов и форм постижения мира. Это может быть философское, научное, религиозное познание, художественное или техническое творчество, проникновение в глубину национальной культуры и традиций»¹. Указанная возможность реализуется при наличии познавательной мотивации пожилых людей и при обеспечении социумом необходимых правовых, финансовых и кадровых условий и соответствующей инфраструктуры. А «педагогика непрерывного образования должна не только помогать поиску ответов на прикладные вопросы, неизбежно возникающие у людей пожилого возраста, но и обосновывать <эти> условия» [20], поддерживая и стимулируя желание человека даже в преклонных годах продолжать познание окружающего мира, чтобы благодаря этому он мог оставаться полноценным активным субъектом своей жизнедеятельности.

Список использованных источников

1. Formosa M. Lifelong Learning in Later Life: The Universities of the Third Age // The LLI Review [Электрон. ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/2184214/Lifelong_learning_in_later_life_the_Universities_of_the_Third_Age (дата обращения: 21.10.2018)
2. Джуринский А. Н. Теория и методология истории педагогики и сравнительной педагогики. Актуальные проблемы. Москва: Прометей, 2014. 130 с.
3. Дубовик И. М. Становление и развитие неформального образования за рубежом // Педагогические науки. 2015. № 30/1 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://novainfo.ru/article/2876> (дата обращения: 21.10.2018)
4. Васильчиков В. Социальная защита граждан третьего возраста в современной России // Новые знания. 1998. № 4. С. 14–16.
5. Ключарев Г. Образование в третьем возрасте как ресурс развития общества // Новые знания. 1998. № 4. С. 17–18.
6. Сухобская Г., Божко Н. Культура старения как социально-психологическая проблема // Новые знания. 1998. № 2. С. 12–16.

¹ Основы андрагогики / под ред. И. А. Колесниковой. Москва, 2007. С. 32.

7. Анцыферова Л. И. Психологические закономерности развития личности взрослого человека // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 2. С. 54–57.
8. Вершловский С. Андрагогика: этапы становления // Новые знания. 1998. № 2. С. 9–11.
9. Даринский А. В. Кого и как включать в систему образования взрослых // Педагогика. 1995. № 2. С. 61–64.
10. Марон А. Е., Монахова Л. Ю. Исследование адаптивных систем образования взрослых // Теория и практика модернизации отечественного образования РАО: академические чтения. С.-Петербург, 2002. С. 177–181.
11. Змеев С. И. Основы андрагогики. Москва: Флинта; Наука, 1999. 150 с.
12. Полутина С. П. Проблема качества технологий обучения взрослых: эффективность технологий и ее диагностика // Теоретико-методологические основы проектирования технологий обучения взрослых. С.-Петербург: ИОВ РАО, 2002. С. 110–128.
13. Окишева М., Седачева Н. Они нуждаются в нашем внимании // Новые знания. 1998. № 2. С. 17–18.
14. Кононыгина Т. Организационно-методические аспекты образования для «третьего возраста» // Новые знания. 1999. № 3. С. 39–41.
15. Топорков С. Нужно ли учиться пожилым? // Новые знания. 1999. № 3. С. 42.
16. Митина А. М. Дополнительное образование за рубежом. Москва: Наука, 2004. 304 с.
17. Philipson G. Reconstructing Old Age. London: Sage, 1998. 161 p.
18. Vellas P. Les Chances de troisième âge [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k48045317/f59.image.texteImage> (дата обращения: 21.10.2018)
19. Universités de troisième âge. Quest-ce-que-cest? [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://sante.lefigaro.fr/social/personnes-agees/universites-troisieme-age/quest-ce-que-cest> (дата обращения: 21.10.2018)
20. Роботова А. С. Люди «третьего возраста» как субъекты непрерывного образования: методология и основные направления изучения // Непрерывное образование: XXI век. 2014. Вып. 4 (8). DOI: 10.15393/j5.art.2014.2643

References

1. Formosa M. Lifelong learning in later life: The Universities of the Third Age. *The LLI Review* [Internet]. 2010 [cited 2018 Oct 21]; 5. Available from: https://www.academia.edu/2184214/Lifelong_learning_in_later_life_the_Universities_of_the_Third_Age
2. Dzhurinskiy A. N. Teorija i metodologija istorii pedagogiki i sravnitel'noj pedagogiki. Aktual'nye problemy = Theory and methodology of the history of pedagogy and comparative pedagogy. Actual problems. Moscow: Publishing House Prometheus; 2014. 130 p. (In Russ.)
3. Dubovik I. M. Formation and development of non-formal education abroad. *Pedagogicheskiye nauki = Pedagogical Sciences* [Internet]. 2015 [cited 2018 Oct 21]; 30/1. Available from: <https://novainfo.ru/article/2876> (In Russ.)

4. Vasilchikov V. Social protection of citizens of the third age in modern Russia. *Novije znanija = New Knowledge*. 1998; 4: 14–16. (In Russ.)
5. Klyucharev G. Education at the third age as a resource for the development of society. *Novije znanija = New Knowledge*. 1998; 4: 17–18. (In Russ.)
6. Sukhobskaya G., Bozhko N. Culture of aging as a socio-psychological problem. *Novije znanija = New Knowledge*. 1998; 2: 12–16. (In Russ.)
7. Antsiferova L. I. Psychological patterns of personal development of an adult. *Psihologicheskij zhurnal = Psychological Journal*. 1980; 1, 2: 54–57. (In Russ.)
8. Vershlovsky S. Andragogy: Stages of formation. *Novije znanija = New Knowledge*. 1998; 2: 9–11. (In Russ.)
9. Darinsky A. V. Who and how to include in the adult education system. *Pedagogika = Pedagogy*. 1995; 2: 61–64. (In Russ.)
10. Maron A. E., Monahova L. Ju. Issledovanie adaptivnyh sistem obrazovaniya vzroslyh = Research of adaptive education systems of adults. *Teoriya i praktika modernizacii otechestvennogo obrazovaniya RAO: akademicheskie chteniya = Theory and practice of modernisation of domestic education of the Russian education: Academic readings*. St.-Petersburg; 2002. p. 177–181. (In Russ.)
11. Zmeyov S. I. Osnovy andragogiki = Basics of andragogy. Moscow: Publishing House Flinta; Nauka; 1999. 150 p. (In Russ.)
12. Polutina S. P. Problema kachestva tehnologij obuchenija vzroslyh: jeffektivnost' tehnologij i ee diagnostika = Problem of quality of technologies of training of adults: Efficiency of technologies and its diagnostics. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy proektirovaniya tehnologij obuchenija vzroslyh = Theoretical-methodological bases of design of educational technologies for adults*. St.-Petersburg: The Institute of Adult Education of the Russian Academy of Education; 2002. p. 110–128. (In Russ.)
13. Okisheva M., Sedacheva N. They need our attention. *Novije znanija = New Knowledge*. 1998; 2: 17–18. (In Russ.)
14. Kononygina T. Organisational and methodological aspects of education for the third age. *Novije znanija = New Knowledge*. 1999; 3: 39–41. (In Russ.)
15. Toporkov S. Do I need to learn the elderly? *Novije znanija = New Knowledge*. 1999; 3: 42. (In Russ.)
16. Mitina A. M. Dopolnitel'noe obrazovanie za rubezhom = Additional education abroad. Moscow: Publishing House Nauka; 2004. 304 p. (In Russ.)
17. Philipson G. Reconstructing old age. London: Sage; 1998. 161 p.
18. Vellas P. Les Chances de troisieme age [Internet]. 1974 [cited 2018 Oct 21]. Available from: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k48045317/f59.image.texteImage>
19. Universités de troisième age. Quest-ce-que-cest? [Internet]. [cited 2018 Oct 21]. Available from: <http://sante.lefigaro.fr/social/personnes-agees/universites-troisieme-age/quest-ce-que-cest>
20. Robotova A. C. People of “third age” as subjects of continuous education: Methodology and main directions of studying. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek = Lifelong Education: The XXI Century*. 2014; 4 (8). DOI: 10.15393/j5.art.2014.2643 (In Russ.)

Информация об авторе:

Джуринский Александр Наумович – член-корреспондент Российской академии образования, академик Академии педагогических и социальных наук, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой эстетического и трудового воспитания младших школьников Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия. E-mail: djurins@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 19.06.2018; принята в печать 14.11.2018.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Alexander N. Dzhurinskiy – Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Full Member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Aesthetic and Labour Education of Younger Pupils, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia. E-mail: djurins@yandex.ru

Received 19.06.2018; accepted for publication 14.11.2018.
The author has read and approved the final manuscript.

СОДЕРЖАНИЕ 2018

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Жилбаев Ж. О., Моисеева А. В., Барсанова М. В. Педагогические основания образовательной политики в целях устойчивого развития Евразии 6; 9

Закирова А. Ф., Володина Е. Н. Исследование тенденций и перспектив модернизации образования: герменевтический подход 9; 9

Лескова И. А. Субъектоцентрированное содержание высшего образования как фактор эффективности профессиональной подготовки специалиста 7; 9

Осмоловская И. М., Краснова А. А. Процесс обучения с позиции междисциплинарных исследований 8; 9

Печников А. Н., Прензов А. В., Машошина А. А. Об особенностях процессов формирования способностей (специальных компетенций) 1; 9

Строкова Т. А. Подготовка аспирантов к исследовательской деятельности: из опыта работы научно-педагогической школы 10; 9

Томильцев А. В., Мальцев А. В. Проблемы оценки профессиональной подготовки: методологические подходы 4; 9

Хеннер Е. К. Профессиональные знания и профессиональные компетенции в высшем образовании 2; 9

Rorova N. G., Biricheva E. V., Beavitt T. A. Three Aspects of the Phenomenon of Science: In Search for Unity among Sociologists 9; 35

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Асташова Н. А., Бондырева С. К., Сманцер А. П. Развитие аксиосферы будущего педагога в диалоговом пространстве современного образования 7; 32

Бороненко Т. А., Кайсина А. В., Федотова В. С. Оценка медиакультуры учителя как компонента его квалификационного портрета 4; 34

Иванова С. В., Пастухова А. С. Возможности использования проектного метода в образовании и работе с молодежью на современном этапе 6; 29

Казун А. П., Пастухова А. С. Практики применения проектного метода обучения: опыт разных стран 2; 32

Нуриева А. М., Киселев С. Г. Национальный состав территорий и результаты ЕГЭ 5; 9

Рыбакина Н. А. Образовательная компетенция: сущность и педагогическая модель формирования в контексте непрерывного образования 5; 32

Салехова Л. А., Спиридонова Н. И. Основные условия развития математической речи школьников в процессе билингвального обучения 2; 60

Усольцев А. П. Бюрократизм как индикатор системных противоречий системы образования 3; 9

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

Blinov V. I., Kurteeva L. N., Sazonov B. A. Lists of professional educational programmes: Status and possible ways of modernisation 10; 31

ОБРАЗОВАНИЕ И ЭКОНОМИКА

Пешкова Г. Ю., Самарина А. Ю. Цифровая экономика и кадровый потенциал: стратегическая взаимосвязь и перспективы 10; 50

Смоляков Д. А. Перспективы российско-китайского гуманитарного сотрудничества: переосмысление задач и поиск новых целей в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь» 7; 68

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Баринов Э. Ф. Вариативный курс на теоретической кафедре как базис формирования профессиональных компетенций врача 4; 64

Есенина Е. Ю., Куртеева Л. Н., Осадчева С. А., Сатдыков А. И., Кресс Х. Трудовое воспитание и профессиональное обучение в Германии: краткий исторический обзор 9; 56

Зеер Э. Ф., Крежевских О. В. Моделирование социально-гуманитарной образовательной платформы развития транспрофессионализма у субъектов полидисциплинарных проектов 7; 90

Кислов А. Г. От опережающего к транспрофессиональному образованию 1; 54

Косарева М. А., Байкова Л. А., Никоненко Е. А., Вайтнер В. В., Габдуллин А. Н. Формирование научного мышления у студентов на основе освоения методов анализа вещества 4; 84

Кругликов В. Н. Экспериментальные методы изучения теории в инженерном вузе 6; 50

Муравьева А. А., Олейникова О. Н., Аксенова Н. М. Национальная система квалификаций: концептуальные и методические основы в контексте нерешенных проблем 6; 70

Ронжина Н. В., Ефанов А. В. Научная школа академика РАО Г. М. Романцева: история и перспективы развития 3; 33

Торопова С. И. Методы математической статистики как средство формирования профессиональных компетенций студентов-экологов 3; 53

Тюмасева З. И., Орехова И. А., Яковлева Н. О. Адаптационный этап профессиональной социализации студентов педагогического вуза 1; 75

Шульгина Т. А., Кетова Н. А., Холодова К. А., Северинов Д. А. О мотивации студентов к участию в организации мероприятий профессиональной направленности 1; 96

Korpnov V. A., Shmurygina O. V., Shchipanova D. E., Dremina M. A., Papaloizou L., Orphanidou Y., Morevs P. Functional Analysis and Functional Maps of Qualifications in ECVET Context 6; 90

Pluzhnik I. L., Ilnitskaya T. O., Lucci F. Are Entrepreneurs Born or Made? Effective Academic Models to Foster Entrepreneurial Graduates 5; 56

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Авакян И. Б. К вопросу о взаимосвязи инновационной готовности педагогов и социально-психологическом климате вузов 4; 114

Белобородов А. М., Сыманюк Э. Э. Устойчивость развития эмоционального интеллекта будущих специалистов 7; 109

Виноградова И. А., Иванова Е. В., Нестерова О. В. Исследование предметно-пространственной среды школы методом семантического дифференциала 6; 118

Воронова Т. А., Дубровина С. В., Чепурко Ю. В. Локус контроля, агрессивность при интеллектуальной одаренности подростков 8; 28

Гельман В. Я., Ушверидзе А. А., Сердюков Ю. П. Преподавание математических дисциплин в медицинском вузе 2; 88

Гурова О. В. Вандальное поведение подростков как правовая и психологическая проблема 10; 76

Дорфман А. Я., Дубровский А. В., Андруник А. П., Цариев Е. А., Лядов В. Н. Полисистемный анализ дисциплины курсантов военных вузов 9; 75

Заводчиков Д. П., Манякова П. О. Взаимосвязь саморегуляции и личной профессиональной перспективы студентов 1; 116

Корягина И. И., Маралов В. Г., Ситаров В. А. Сравнительная характеристика позиций взаимодействия у студентов-медиков и студентов – будущих специалистов сферы психолого-педагогического сопровождения 5; 79

Кружкова О. В., Воробьева И. В., Порозов Р. Ю., Зарбова Б. Функции вандализма в молодежном поведении: от личности к обществу 10; 95

Кузнецова А. А., Соловьева Н. А. Динамика психологических характеристик личности студента-волонтера в процессе профессионально-ориентированной волонтерской деятельности 7; 128

Руденкин Д. В., Воробьева И. В., Кружкова О. В., Кривошекова М. С. Молодежный вандализм в среде мегаполиса: границы нормы и девиации 2; 125

Садовникова Н. О., Заннони Ф. Психологические особенности переживания педагогами профессионального кризиса личности 3; 83

Солдатова Е. А., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы 5; 105

Ульянина О. А. Психологические аспекты создания практико-ориентированной среды в образовательных организациях МВД России 10; 121

Хасанова И. И., Котова С. С. Психологическая готовность педагогов СПО к освоению новых видов деятельности в условиях профессиональной реориентации 7; 147

Bataeva E. Motivational content analysis of primary school textbooks on literature in context of D. McClelland's theory 1; 136

Beketova A. P., Kuprina T. V., Petrikova A. Development of students' intercultural communicative tolerance in the university multilingual educational environment 2; 108

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Гареев А. А., Шихова О. Ф., Шихов Ю. А. Организация самостоятельной работы студентов на основе учебных блогов 3; 117

Зеер Э. Ф., Степанова Л. Н. Портфолио как инструментальное средство самооценивания учебно-профессиональных достижений 6; 139

Петрова М. В. Videоблоггинг как инновационная форма проектно-ориентированного обучения иностранному языку студентов-журналистов 3; 140

Сырямкина Е. Г., Румянцева Т. Б., Ливенцова Е. Ю. Образовательный потенциал технологии «Социальный акселератор» для развития социально-предпринимательской компетенции студентов в классическом университете 1; 171

Трищенко Д. А. Опыт проектного обучения: попытка объективного анализа достижений и проблем 4; 132

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ

Захарова И. Г. Методы машинного обучения для информационного обеспечения управления профессиональным развитием студентов 9; 91

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Антонова Н. А. Особенности взаимодействия родителей и педагогов в дошкольном образовании 2; 147

Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю., Дидковская Я. В. Тренды высшего профессионального образования: профессионализация или депрофессионализация? 1; 152

Вишневский Ю. Р., Ячменева М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) 5; 125

Касьянова Т. И., Мальцев А. В., Шкурин Д. В. Профессиональное самоопределение старшеклассников как общественная проблема 7; 168

Семенов М. Ю. Виртуальная конкурентоспособность: оценка молодежи 3; 100

Цаликова И. К., Пахотина С. В. Определение языкового тождества представителей этносов юга Тюменской области как фактора влияния на образовательную деятельность 5; 142

Шафранов-Куцев Г. Ф., Ефимова Г. З., Семенов М. Ю. Профориентационные практики в условиях глобализации: социологический анализ 8; 46

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

Попова Н. В., Попова Е. В. Благотворительность как фактор формирования нравственных норм молодежи 10; 139

МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ

Деменева Н. Н., Колесова О. В. Кейс-конспект как средство оценки методической компетентности студентов и учителей начальных классов 9; 159

Oveshkova A. N. Work with English Corpora as a Means of Promoting Learner Autonomy 8; 66

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Зорина Е. Е. Преодоление барьеров при реализации инклюзивного образования в вузе 5; 165

Хуснутдинова М. Р. Основные модели развития инклюзивного образования в Москве 9; 115

ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Воробьева Е. В., Ле-ван Т. Н. Особенности организационной культуры детских садов в ракурсе отношения педагогов к этическим дилеммам 8; 88

ВОПРОСЫ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Ревенко Е. М., Сальников В. А. Мотивация обучающихся к двигательной активности в условиях различной организации физического воспитания 8; 112

Тюмасева З. И., Орехова И. А., Валеева Г. В., Саламатов А. А., Калугина Е. В. Феномен тьюторства в здоровьесбережении: факторы риска и устойчивости 9; 139

КОРРЕКЦИОННАЯ ПЕДАГОГИКА

Дубровина Н. А., Набойченко Е. С. Оптимизация личностного потенциала родителей как аспект сопровождения семей с детьми с нарушениями опорно-двигательного аппарата 8; 129

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Джуринский А. Н. Образование в «третьем возрасте» в России 10; 156

Игнатьева Г. А., Тулупова О. В. Нормативно-компетентностная модель преподавателя системы дополнительного профессионального образования 4; 153

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Голикова С. В. Сотрудничество Министерства народного просвещения и органов самоуправления Пермской губернии в период «подготовительных работ по введению всеобщего обучения» 1; 188

ДИСКУССИИ

Гельман В. Я. О некоторых проблемах оппонирования диссертаций 5; 185

Гельфанд М. С. Недобросовестные заимствования в диссертационных работах 3; 160

Некрасов С. И. О взаимосвязанных процессах «оцифрования» современной российской науки и образования 2; 162

Нуриева А. М., Киселев С. Г. О бедном репетиторе замолвите слово (еще раз об эффективности репетиторства для подготовки к ЕГЭ) 8; 148

Осипова Н. Г., Колодезная Г. В., Шевцов А. Н. О закономерностях и причинах отчислений в вузе и мотивации учебной деятельности студентов 6; 158

КОНСУЛЬТАЦИИ

Гузикова В. В., Зеленина А. Е., Походзей Г. В. Обучение магистрантов направления «Музыкальное образование» ведению научной дискуссии на иностранном языке 3; 182

Сидоренко Т. В., Рыбушкина С. В., Розанова Я. В. CLIL-практики в Томском политехническом университете: успехи и неудачи 8; 164

Татарина М. Н. Модель эмоционально-ценностного компонента содержания иноязычного образования на младшей ступени обучения 4; 180

Шамсутдинова Т. М. Оценка качества курсовых работ: компетентностный подход 2; 180

Saribeyli F. R. Theoretical and Practical Aspects of Student Self-Assessment 6; 183

CONTENTS 2018

METHODOLOGY PROBLEMS

Khenner E. K. Professional Knowledge and Professional Competencies in Higher Education 2; 9

Leskova I. A. Subject-Centred Content of Higher Education as a Factor in the Effectiveness of Professional Training of a Specialist 7; 9

Osmolovskaya I. M., Krasnova L. A. The Learning Process from the Perspective of Interdisciplinary Research 8; 9

Pechnikov A. N., Prenzov A. V., Mashoshina A. A. The Features of Processes of Skills (Special Competencies) Formation 1; 9

Popova N. G., Biricheva E. V., Beavitt T. A. Three Aspects of the Phenomenon of Science: In Search for Unity among Sociologists 9; 35

Strokova T. A. Building Research Competence of PhD Students: An Analysis of Experience of a PhD School 10; 9

Tomiltcev A. V., Maltsev A. V. The Problems of Professional Training Assessment: Methodological Approaches 4; 9

Zakirova A. F., Volodina Ye. N. Trends and Prospects in Educational Modernisation: A Hermeneutic Approach 9; 9

Zhilbayev Z. O., Moiseeva L. V., Barsanova M. V. Pedagogical Frameworks of Education Policy for Sustainable Development of the Eurasian Space 6; 9

GENERAL EDUCATION

Astashova N. A., Bondyreva S. K., Smancer A. P. Development of the Axiosphere of the Future Teacher in the Dialogue Space of Modern Education 7; 32

Boronenko T. A., Kaysina A. V., Fedotova V. S. Assessment of the Teacher's Media-Culture as the Component of Qualification Portrait 4; 34

Ivanova S. V., Pastukhova L. S. The Possibilities of Using the Project Method in Education and Work with Young People at the Present Time 6; 29

Kazun A. P., Pastukhova L. S. The Practices of Project-Based Learning Technique Application: Experience of Different Countries 2; 32

Nurieva L. M., Kiselev S. G. Ethnic Composition of Territories and the Unified State Examination Results 5; 9

Rybakina N. A. Educational Competence: The Essence and Pedagogical Model of Formation in the Context of Lifelong Education 5; 32

Salekhova L. L., Spiridonova N. I. The Basic Directions for Development of Mathematical Speech of Students in the Process of Bilingual Education 2; 60

Usol'tsev A. P. Bureaucratism as an Indicator of Systemic Contradictions in the Education System 3; 9

MANAGEMENT OF EDUCATION

Blinov V. I., Kurteeva L. N., Sazonov B. A. Lists of Professional Educational Programmes: Status and Possible Ways of Modernisation 10; 31

EDUCATION AND ECONOMICS

Peshkova G. Yu., Samarina A. Yu. Digital Economy and Recruitment Potential: Strategical Interconnection and Prospects 10; 50

Smaliakou D. A. The prospects of the Russian-Chinese Humanitarian Cooperation in Framework of "One Belt, One Road" Initiative Implementation 7; 68

VOCATIONAL EDUCATION

Barinov E. F. Elective Course at the Theoretical Department as a Basis for Professional Competencies Formation of a Physician 4; 64

Esenina E. Yu., Kurteeva L. N., Osadcheva S. A., Satdykov A. I., Kress H. Labour Education and Vocational Training in Germany: A Brief Historical Review 9; 56

Kislov A. G. From Advance to Trans-Professional Education 1; 54

Kopnov V. A., Shmurygina O. V., Shchipanova D. E., Dremi-na M. A., Papaloizou L., Orphanidou Y., Morevs P. Functional Analysis and Functional Maps of Qualifications in ECVET Context 6; 90

Kosareva M. A., Baikova L. A., Nikonenko E. A., Vaitner V. V., Gabbullin A. N. Formation of Students' Scientific Thinking Based on the Learning of Methods of the Substance Analysis 4; 84

Kruglikov V. N. Experiential Methods of Studying Theory at Engineering Universities 6; 50

Muravyeva A. A., Oleynikova O. N., Aksenova N. M. Qualifications Frameworks: Conceptual and Methodological Principles in the Context of Unresolved Issues 6; 70

Pluzhnik I. L., Ilnitskaya T. O., Lucci F. Are Entrepreneurs Born or Made? Effective Academic Models to Foster Entrepreneurial Graduates 5; 56

Ronzhina N. V., Efanov A. V. The Scientific School of the Academician G. M. Romantsev: The History and Prospects of Development 3; 33

Shulgina T. A., Ketova N. A., Kholodova K. A., Severinov D. A. Motivating Students to Participate in Professionally Oriented Events Management 1; 96

Toropova S. I. Methods of Mathematical Statistics as a Means of Professional Competence Formation of Students-Ecologists 3; 53

Tyumaseva Z. I., Orehova I. L., Yakovleva N. O. Adaptational Stage of the Professional Socialization of Students of Pedagogical Universities 1; 75

Zeer E. F., Krezhevskikh O. V. Modelling of Socio-Humanitarian Education Platform for Trans-Professionalism Development of Professionals Involved in Multi-Disciplinary Projects 7; 90

PSYCHOLOGICAL RESEARCH

Avakyan I. B. To the Question of the Relationship of Teachers' Commitment to Innovations and Socio-Psychological Climate in Universities 4; 114

Bataeva E. V. Motivational Content Analysis of Primary School Textbooks on Literature in Context of D. McClelland's Theory 1; 136

Beketova A. P., Kuprina T. V., Petrikova A. Development of Students' Intercultural Communicative Tolerance in the University Multilingual Educational Environment 2; 108

Beloborodov A. M., Symaniuk E. E. Stability of Development of Future Professionals' Emotional Intelligence 7; 109

Dorfman L. Ya., Dubrovsky A. V., Andrunik A. P., Tsariev E. A., Lyadov V. N. Poly-Systemic Analysis of Military Students' Discipline 9; 75

Gelman V. Ya., Ushveridze L. A., Serdyukov Yu. P. Teaching Mathematical Disciplines at the Medical University 2; 88

Gurova O. V. Vandal Behaviour of Adolescents as a Legal and Psychological Problem 10; 76

Khasanova I. I., Kotova S. S. Psychological Readiness of Secondary Vocational Education Teachers for Mastering New Activities in the Context of Professional Reorientation 7; 147

Koryagina I. I., Maralov V. G., Sitarov V. A. Comparative Characteristic of the Position of Interaction of Students – Future Medical Workers and Future Specialists of Psychological and Pedagogical Support 5; 79

Kruzhkova O. V., Vorobyeva I. V., Porozov R. Yu., Zarbova B. Functions of Vandalism in Youth Behaviour: From Personality to Society 10; 95

Kuznetsova A. A., Solovyeva N. A. Dynamics of Psychological Characteristics of a Student-Volunteer in the Process of Professionally-Oriented Volunteering Activity 7; 128

**Rudenko D. V., Vorobyeva I. V., Kruzhkova O. V., Krivosheko-
va M. S.** Youth Vandalism in the Environment of Megalopolis: Borders of Standard and Deviation 2; 125

Sadovnikova N. O., Zannoni F. Psychological Features of Professional Identity Crisis Experience by Teachers 3; 83

Soldatova E. L., Pogorelov D. N. The Phenomenon of Virtual Identity: The Contemporary Condition of the Problem 5; 105

Ulyanina O. A. Psychological Aspects of Formation of a Practice-Oriented Environment in Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia 10; 121

Vinogradova I. A., Ivanova E. V., Nesterova O. V. Investigation of the Subject-Spatial Environment of the School by the Method of Semantic Differential 6; 118

Voronova T. A., Dubrovina S. V., Chepurko Ju. V. Locus of Control as a Determinant of Aggressiveness in Intellectually Gifted Adolescents 8; 28

Zavodchikov D. P., Manyakova P. O. Relationship of Self-Regulation and Personal Professional Perspective of Students 1; 116

EDUCATIONAL TECHNOLOGIES

Gareyev A. A., Shikhova O. F., Shikhov Yu. A. Organization of Independent Student Work Based on Student Blogging Activity 3; 117

Petrova M. V. Video Blogging as an Innovative Form of the Project Activity in Foreign Language Teaching to Journalism Students 3; 140

Sryamkina E. G., Romyantseva T. B., Liventsova E. Yu. Educational Potential of the "Social Accelerator" Technology: Developing Social-Entrepreneurial Competence of Students at Classical Universities 1; 171

Trishchenko D. A. Experience of Project-Based Learning: An Attempt at Objective Analysis of Results and Problems 4; 132

Zeer E. F., Stepanova L. N. Portfolio as an Instrumental Means of Self-Evaluation of Educational and Professional Achievements of Students 6; 139

INFORMATION TECHNOLOGIES IN EDUCATION

Zakharova I. G. Machine Learning Methods of Providing Informational Management Support for Students' Professional Development 9; 91

SOCIOLOGICAL RESEARCH

Antonova N. L. The Specifics of Parent-Teacher Interaction in Early Childhood Education 2; 147

Kasyanova T. I., Maltsev A. V., Shkurin D. V. High School Students' Professional Self-Determination as a Social Problem 7; 168

Semenov M. Yu. Virtual Competitiveness: Youths' Views 3; 100

Shafranov-Kutsev G. F., Efimova G. Z., Semenov M. Yu. Career Guidance Practices under the Conditions of Globalisation: A Sociological Analysis 8; 46

Tsalikova I. K., Pakhotina S. V. Determining Linguistic Identity of Ethnic Groups as the Influencing Factor on Educational Activity (Case Study of Representatives Living in the South of the Tyumen Region) 5; 142

Vishnevskiy Yu. R., Narkhov D. Yu., Didkovskaya Ya. V. Trends in Higher Vocational Education: Professionalization or Deprofessionalization? 1; 152

Vishnevskiy Yu. R., Yachmeneva M. V. The Attitude of Student Youth to Family Values (Case Study of the Sverdlovsk Region) 5; 125

SOCIAL PEDAGOGY

Popova N. V., Popova E. V. Volunteering as a Factor in the Formation of Moral Standards among Young People 10; 139

TEACHING METHODS

Demeneva N. N., Kolesova O. V. Case-Designed Lesson Plans as a Means of Assessing Methodological Competency of Pedagogical Students and Primary School Teachers 9; 159

Oveshkova A. N. Work with English Corpora as a Means of Promoting Learner Autonomy 8; 66

INCLUSIVE EDUCATION

Husnutdinova M. R. Basic Models for the Development of Inclusive Education in Moscow 9; 115

Zorina E. E. Eradicating the Barriers to Inclusive Higher Education 5; 165

PRESCHOOL EDUCATION

Vorobyeva E. V., Le-van T. N. Preschool Organisational Culture from the Perspective of Teachers' Attitudes to Ethical Dilemmas 8; 88

PROBLEMS OF HEALTH PRESERVATION IN EDUCATION

Revenko E. M., Salnikov V. A. The Effect of Motivation on the Motor Activities of Students under Different Physical Education Approaches 8; 112

Tyumaseva Z. I., Orehova I. L., Valeeva G. V., Salamatov A. A., Kalugina E. V. The institution of Tutoring in Health-Preserving: Risk and Sustainability Factors 9; 139

CORRECTIONAL PEDAGOGY

Dubrovina N. A., Naboichenko E. S. The Optimisation of Parenting Personal Potential as an Aspect of Support for Families of Children with Movement Disorders 8; 129

ADDITIONAL EDUCATION

Dzhurinskiy A. N. Education for People of the “Third Age” in Russia 10; 156

Ignatieva G. A., Tulupova O. V. Normative-Competence Model of the Teacher of Additional Professional Education 4; 153

HISTORY OF EDUCATION

Golikova S. V. Cooperation between the Ministry of National Education and Local Self-Government Bodies of the Perm Province during the Period “Preparatory Work for the Compulsory Education Introduction” 1; 188

DISCUSSIONS

Gelfand M. S. Plagiarism in Dissertations 3; 160

Gelman V. Ya. On Some Problems of Dissertations Opponency 5; 185

Nekrasov S. I. Interrelated Processes of Digitalization of the Modern Russian Science and Education 2; 162

Nurieva L. M., Kiselev S. G. Let’s Hear it Once More for the Unsung Coach: On the Efficiency of Coaching for the Unified State Exam 8; 148

Osipova N. G., Kolodeznaya G. V., Shevtsov A. N. About the Factors and Reasons of University Student Expulsions and Student Motivation for Educational Activities 6; 158

CONSULTATIONS

Guzikova V. V., Zelenina L. E., Pokhodzey G. V. Teaching Master Students of the Direction “Musical Education” to Conduct a Scientific Discussion in a Foreign Language 3; 182

Saribeyli F. R. Theoretical and Practical Aspects of Student Self-Assessment 6; 183

Shamsutdinova T. M. Quality Assessment of Student Courseworks: Competency-Based Approach 2; 180

Sidorenko T. V., Rybushkina S. V., Rosanova Ya. V. CLIL Practices in Tomsk Polytechnic University: Successes and Failures 8; 164

Tatarinova M. N. Model of Emotionally-Valuable Component of the Content of Elementary Foreign Language Education 4; 180

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Общие положения

Журналу предлагаются статьи, не публиковавшиеся ранее в других изданиях и соответствующие тематике журнала.

В соответствии с требованиями к научным публикациям в РФ основной текст статьи должен содержать следующие необходимые элементы:

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение не решенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи;
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

Требования к авторскому оригиналу

- Формат – MS Word.
- Гарнитура – Times New Roman.
- Размер шрифта (кегель) – **14**.
- Межстрочный интервал – **1,5**.
- Межбуквенный интервал – обычный.
- Абзацный отступ – **1,27**.
- Поля – все по **2 см**.
- Выравнивание текста по ширине.
- Переносы обязательны.
- Межсловный пробел – один знак.
- Допустимые выделения – курсив, полужирный.
- Внутритекстовые ссылки на включенные в список литературы работы приводятся в квадратных скобках с указанием номера источника в списке и номера страницы источника цитаты.
- Дефис должен отличаться от тире.
- Тире и кавычки должны быть одинакового начертания по всему тексту.
- При наборе не допускается стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.
- Рисунки черно-белые и цветные, без полутонов, в векторных форматах WMF, EMF, CDR, AI, растровые изображения – в формате TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм, в реальном размере.
- Диаграммы из программ MS Excel, MS Visio должны быть представлены вместе с исходным файлом.

Компоновка текста

1. УДК (размер шрифта – 14 пунктов, полужирный, выравнивание – по левому краю).

2. Ф. И. О. авторов полностью, место работы, город, страна, электронный адрес (русскаяязычный вариант) (размер шрифта – 14 пунктов, полужирный, выравнивание – по правому краю).

3. Заголовок статьи (русскоязычный вариант) (размер шрифта – 14 пунктов, полужирный, выравнивание – по центру).

Заголовок статьи должен быть информативным и привлекательным: формулировка заголовка должна кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования, а также уникальность научного творчества автора.

4. Аннотация (русскоязычный вариант) (размер шрифта – 12 пунктов, выравнивание – по ширине страницы).

Аннотация реферативно информирует о содержании публикации.

Структура аннотации:

Цель.

Методология и методики исследования.

Результаты.

Научная новизна.

Практическая значимость.

Объем аннотации 250–300 слов.

5. Ключевые слова (русскоязычный вариант) (размер шрифта – 12 пунктов, выравнивание – по ширине страницы).

6. Ф. И. О. авторов, степень, должность, место работы, город, страна, электронный адрес (англоязычный вариант) (размер шрифта – 14 пунктов, полужирный, выравнивание – по правому краю).

7. Название статьи (англоязычный вариант) (размер шрифта – 14 пунктов, полужирный, выравнивание – по центру).

8. Аннотация на английском языке (*Abstract.*) (размер шрифта – 12 пунктов, выравнивание – по ширине страницы).

Abstract paragraphing:

Aim and objectives (Цель)

Methodology and research methods (Методология и методики исследования)

.....

Results (Результаты).....

Theoretical contribution (Научная новизна)

Practical significance (Практическая значимость)

9. Ключевые слова на английском языке (*Keywords:*) (размер шрифта – 12 пунктов, выравнивание – по ширине страницы)

10. Благодарности (*приводятся на русском и английском языках*). В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам.

11. Основной текст. Объем текста – не менее 12–15 страниц (включая таблицы, рисунки и список литературы), размер шрифта – 14 пунктов, выравнивание – по ширине страницы.

Рукопись (основной текст) статьи может быть представлена на русском или английском языках. Основной текст должен быть разбит на определенные разделы, которым следует дать краткие заголовки. Структурирование текста может зависеть от направленности исследования (эмпирическое или теоретическое). Эмпирические исследования должны соответствовать формату IMRAD. Теоретические исследования могут иметь авторскую логику изложения в соответствии с порядком изложения аргументации.

Основной текст статьи излагается на русском или английском языках в определенной последовательности:

1) Введение (**Introduction**);

- 2) Обзор литературы (**Literature Review**);
- 3) Материалы и методы (**Materials and Methods**);
- 4) Результаты исследования и обсуждение (**Results и Discussion**);
- 5) Заключение (**Conclusion**).

Требуется выделять приведенные части соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

1) **Введение (1–2 с.)** – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Во введении должна содержаться информация, которая позволит читателю понять и оценить результаты исследования, представленного в статье, без дополнительного обращения к другим литературным источникам. При его написании автор, прежде всего, должен заявить общую тему исследования. Далее необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы. Во введении автор также обозначает проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья. Кроме того, в нем выражается главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней; обращается внимание на введение в научное обращение новых фактов, выводов, рекомендаций, закономерностей. Цель статьи обусловлена постановкой научной проблемы.

2) **Обзор литературы (1–2 с.)**. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; согласование нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья. Желательно рассмотреть 20–25 источников и сравнить взгляды авторов; часть источников должна быть англоязычной.

3) **Материалы и методы (1–2 с.)**. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованные аппаратура и инструментарий; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т. д.).

4) **Результаты исследования и обсуждение**. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Это основной раздел публикации, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы иллюстративная информация не дублировала уже приведенную в тексте, однако при этом сопровождалась необходимыми комментариями. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. **Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.** Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы и придаст ей объективности.

5) **Заключение**. В этом разделе в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы. Повторы излагаемого материала лучше оформлять новыми фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. Необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются итоги осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления дальнейшего исследова-

ния в этой области. В заключительную часть статьи желательно включить прогноз развития рассмотренных аспектов проблемы.

12. Список литературы на русском языке 20–30 источников, из них 4–5 зарубежных публикаций последних лет (после 2000 года). Список цитируемой в статье научной литературы формируется в соответствии с **порядком упоминания источников в тексте статьи**. (Размер шрифта – 12 пунктов, выравнивание – по ширине страницы.) В тексте статьи ссылки на использованные источники следует указывать арабскими цифрами согласно порядковому номеру библиографического описания источника в списке литературы. Порядковый номер ссылки и страницы цитируемого источника заключаются в квадратные скобки.

Примеры оформления литературы на русском языке

1. Белякова Е. Г. Смыслоориентированная педагогическая позиция // Педагогика. 2008. № 2. С. 49–54.
2. Загвязинский В. И. Наступит ли эпоха Возрождения? Стратегия инновационного развития российского образования. 2-е изд. Москва: Логос, 2015. 140 с.
3. Адамский А., Асмолов А. и др. Манифест «Гуманистическая педагогика: XXI век» // Учительская газета. 2015, 17 ноября. № 46.
4. Загвязинский В. И. Стратегические ориентиры развития отечественного образования и пути их реализации // Образование и наука. 2012. № 4 (93). С. 3–16. DOI:10.17853/1994-5639-2012-4-3-15
5. Platonova R. I., Levchenkova T. V., Shkurko N. S., Cherkashina A. G., Kolo-deznikova S. I., Lukina T. N. Regional Educational Institutions With in Modern System of Education // IEJME-Mathematics Education. 2016. № 11 (8). P. 2937–2948.
6. Мухорьянова О. А., Недвижай С. В. Роль образовательных учреждений в развитии идеи социального предпринимательства среди молодежи [Электрон. ресурс] // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2015. № 3 (15). Режим доступа: [http://www.skgi.ru/userfiles/file/%e2%84%96%203\(15\).pdf](http://www.skgi.ru/userfiles/file/%e2%84%96%203(15).pdf) (дата обращения 18.02.2016).
7. Еремин Ю. В., Задорожная Е. И. Виртуальное обучение иностранному языку как один из способов решения проблемы компьютерной зависимости младших школьников // Герценовские чтения. Иностранные языки: материалы межвузовской научной конференции, 14–15 мая 2015 г. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. С. 265–266.

Список литературы на английском языке (REFERENCES)

Структура списка литературы на английском языке отличается от предписанной российским ГОСТом. При оформлении списка литературы на английском языке следует придерживаться Ванкуверского стиля (Vancouver bibliographic style <http://guides.lib.monash.edu/citing-referencing/vancouver>). Названия журналов и конференций выделяются курсивом.

Примеры оформления литературы на английском языке

Описание статьи:

Format: Author AA, Author BB, Author CC, Author DD. Title of article. Abbreviated title of journal. Date of publication YYYY Mon DD; volume number(issue number); page numbers.

Автор, Автор, Автор. Название статьи. Название журнала. Дата публикации (Год, Месяц, Дата); № выпуска: с.

Examples:

Efimova S. A. Academic and professional qualifications of graduates of the system of secondary vocational education. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2016; 5 (134): 68–82. (In Russ.)

Horsburgh M., Ladmin R. & Williamson E. Multiprofessional learning: the attitudes of medical, nursing and pharmacy students to shared learning. *Blackwell Science Ltd MEDICAL EDUCATION*. 2001; 35 (9): 876–883.

Описание статьи из электронного журнала:

Format:

Author AA, Author BB. Title of article. Abbreviated title of Journal [Internet]. Date of publication YYYY MM [cited YYYY Mon DD]; volume number (issue number): page numbers. Available from: URL

Автор, Автор, Автор. Название статьи. Название журнала [Internet]. Дата публикации [cited YYYY abb. Month DD]; № выпуска: стр. Available from: URL

Examples:

Tishkov V. A. About the concept of the state national policy. *Bjulleten' Seti jetnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdenija konfliktov = Bulletin of Network of Ethnological Monitoring and Early Warning of the Conflicts* [Internet]. 1996 [cited 2015 Nov 2]; № 9. Available from: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_konzeptzi.html (In Russ.)

Herrington TyAnna K. Crossing global boundaries: Beyond intercultural communication. *Journal of Business and Technical Communication* [Internet]. Published in Association with Iowa State University. 2010 [cited 2017 Apr 26]; 24 (4): 516–539. Available from: <https://doi.org/10.1177/1050651910371303>

Описание материалов конференций

Format:

Author AA. Title of paper. In: Editor AA, editor. Title of book. Proceedings of the Title of the Conference; Date of conference; Place of Conference. Place of publication: Publisher's name; Year of Publication. page numbers.

Автор. Название статьи. In: Редактор. Название сборника. Материалы конференции (название конференции); Дата конференции; Место проведения конференции. Место издания: Издательство; год публикации. с.

Examples:

Dorozhkin E. M., Kopnov V. A. & Romantsev G. M. Multistage system of vocational pedagogical education. In: *Proceedings of 2015 International Conference on Interactive Collaborative Learning, ICL 2015*; 2015 Sep 20–24; Firenze, Italy. p. 725–728.

Chapaev N. K. From cultural-pedagogical identity to educational import phase-out: issues of legitimizing the problem. In: *Kak nashe slovo otzovetsya: gumanitarnoye obrazovaniye v razvitii rossiyskogo sotsiuma i cheloveka: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Chast' I-IV. = How Our Word Will Respond: Humanitarian Education in the Development of the Russian Society and People: Collection of Materials of the International Scientific-Practical Conference*, 2017 Mar 14–15, Moscow. Part I–IV. Moscow: MIIT; 2017. p. 555–570. (In Russ.)

Описание материалов конференций (Интернет)

Format:

Author AA. Title of paper. In: Title of Conference [Internet]; Date of Conference; Place of Conference. Place of publication: Publisher's name; Date of Publication [cited YYYY abb. Month DD]; p. page numbers. Available from: URL or Database Name.

Автор. Название статьи. In: Название конференции [Internet]; Дата конференции; Место проведения конференции. Место издания: Издательство; год публикации [cited YYYY Mon DD – дата обращения]; Стр.. Available from: (адрес доступа)

Example:

Potocnik J. European Technology Platforms: Making the Move to Implementation. In: *Conference on Social Sciences and Humanities – European Parliament. Seminar with Industrial Leaders of European Technology Platforms* [Internet]; 2005 Dec 16; Brussels. Brussels [cited 2016 Dec 10]. Available from: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/european-technology-platforms-makingmove-implementation>

Описание книги (монографии, сборники)

Format:

Author AA. Title of book. # edition [if not first]. Place of Publication: Publisher; Year of publication. Pagination.

Автор. Название книги. № издания. Место издания: Издательство; год публикации. стр.

Examples:

Khotuntsev Y. L. Tehnologicheskoe i jekologicheskoe obrazovanie i tehnologicheskaja kul'tura shkol'nikov = Technology and environmental education, and technological culture of students]. Moscow: Publishing House Eslan; 2007. 181 p. (In Russ.)

Bloom W. Personal identity, national identity and international relations. Cambridge University Press; 2011. 290 p.

Описание книги (Интернет)

Format:

Author AA. Title of web page [Internet]. Place of Publication: Sponsor of Website/Publisher; Year published [cited YYYY Mon DD]. Number of pages. Available from: URL DOI: (if available)

Автор АА, Автор ББ. Название книги. № издания. Место издания: Издательство; год публикации. Номер главы, Название главы; стр. главы.

Example:

Gokhberg L. M., Zabaturina I. Yu., Kovaleva N. V., et al. Indikatory obrazovaniya: 2016 Statisticheskiy sbornik = Indicators of education: 2016 statistical collection [Internet]. Moscow: Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki»; 2016 [cited 2017 Aug 1]. 320 p. Available from: https://www.hse.ru/data/2016/03/21/1128209800/Indikatory_obrazovaniya_2016.pdf (In Russ.)

ВНИМАНИЕ: Нежелательны ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций, авторам рекомендуется ссылаться на оригинальные статьи диссертантов по теме диссертационной работы, так как сами диссертации рассматриваются как рукописи и не являются печатными источниками.

AUTHOR GUIDELINES

Submitting articles

Authors are requested to submit their manuscripts as a single file **via e-mail attachment** to editor@edscience.ru.

The email should contain the author's mobile phone and e-mail address. Receipt will be confirmed by an automatically generated notification.

The Journal accepts for consideration manuscripts written either in Russian or in English. The submitted papers must present original research of fundamental or applied character and correspond to the Journal's scope.

The submitted articles should include the following essential components:

- Clear identification of the research purpose and its relevance to current scientific issues;
- Extensive analysis of previous research in the field;
- Detailed presentation of research materials and research findings;
- Research conclusions and implications for further research.

Formatting requirements:

- File format – MS Word;
- Font – Times New Roman;
- Font size – **14 pt**;
- Spacing – **1.5 lines**;
- Paragraph indentation – **1.27 cm**;
- Margins – **2 cm**;
- Alignment – justified;
- Hyphenation mode – automatic;
- Emphasis – italic or bold;
- Text references – in square brackets with a reference number and quoted page number;
- Hyphens – distinguished from dashes;
- Dashes and inverted commas to be used consistently throughout text;
- Type styles and columns are to be avoided;
- No extra line spaces between paragraphs;
- Figures – black and white, without halftones, in graphic vector formats, such as WMF, EMF, CDR or AI;
- Raster (bitmap) – in TIFF, JPG formats at a minimum resolution of 300 dots per inch (dpi);
- Diagrams from MS Excel and MS Visio programs should be supplied in original file form.

Text Structure

1. UDC (refer to the Universal Decimal Classification <http://teacode.com/online/udc/>) (Font size 14, bold, left alignment)

2. Author information and affiliation (Font size 14, bold, left alignment)

Author information and affiliation should be presented in the following order: First name, middle name (initial), surname; Institution, city, country.

Authors' names should be separated by commas.

3. Paper title (Font size 14, bold, centre alignment, upper case)

The title should be concise and informative (less than 10 words), clearly conveying the essential research findings.

4. Abstract (Font size 12, justified alignment)

The abstract plays the role of an enhanced title, providing essential information about the article content.

Abstract structure:

- *Aims and objectives*
- *Methodology and research methods*
- *Results*
- *Theoretical contribution*
- *Practical significance*

The abstract should be between 250 and 300 words in length.

For purely theoretical works, the abstract can be structured in a more flexible manner. For example, the *Methodology and research methods* section can be substituted for Approach.

5. Keywords (Font size 12, justified alignment)

Keywords are one of the most important factors in the discoverability of scientific articles indexed in bibliographic databases. The paper should contain a list of 5–10 keywords, which reflect the research problem, achieved results and applied terminology.

6. Body text (Font size – 14 points, justified alignment)

The paper should be between 15,000–40,000 characters, including tables, figures, references. In some exceptional cases, when the work represents great scientific value, larger manuscripts can be considered.

The manuscript (body text) of the article may be presented in Russian or in English. The manuscript should be divided into clearly defined sections. Subsections should be given a brief heading. Manuscripts should be structured according to whether their subject matter is of an empirical or theoretical nature. Empirical works must conform to the IMRAD format, whereas those having a theoretical character may be constructed following the relevant logic of argumentation.

Order of sections in the IMRAD format:

- 1) *Introduction*
- 2) *Literature Review*
- 3) *Materials and Methods*
- 4) *Results and Discussion*
- 5) *Conclusion*

1) **Introduction (1–2 pages)** announces the research problem and its relevance to current theoretical and practical issues in the field. It establishes the scope and context of the research by analysing the most relevant publications on the topic being investigated. The Introduction conventionally leads the reader from the general background information describing the current research focus in the field and specific terminology, through identification of a research problem or gap in the existing knowledge to a statement of the aims and objectives of the paper. It is of importance to highlight the potential outcomes and implications for further research.

2) **Literature review** (1–2 pages) critically surveys scholarly papers and other sources relevant to the problem being investigated. This section is designed to provide an overview of literature the author studied while researching the topic and to demonstrate how the work fits within a larger field of study. It is common practice to overview no less than 20–40 publications, with the majority of them to be retrieved from international English-language sources.

3) **Materials and methods** (1–2 pages) section presents actions taken to study the research problem and the rationale behind the application of specific procedures,

such as observation, survey, test, experiment, analysis and modelling. This information should be detailed enough for an interested reader to understand the principles that allowed the researcher to select, process and analyse data pertaining to the phenomenon under study. This section provides the information by which the overall validity of the work can be judged. Where the study is aimed at developing a particular model, it should be detailed in this section.

4) **Results and Discussion** (varies in length depending on the amount of information to be presented) reports the findings of the study and provides their evidence-based interpretation. In this section, the working hypotheses underpinning the study are either confirmed or rejected. A comprehensive and objective description of the research results allows the reader to follow the logic of argumentation that the author applied when analysing the obtained data. It is important to be concise and avoid presenting information that is not critical to answering the research question. The research findings are conventionally supported by non-textual elements (tables and figures) in order to further explicate key results. The most significant results are given critical consideration in the text. It is desirable that the results presented in the article be compared with those obtained in other studies. Such comparisons can be helpful in describing the significance of the study in terms of how its findings fill existing gaps in the field. This section is considered to be the most important part of the research paper because it reveals the underlying meaning of the study and formulates a more profound understanding of the research problem under investigation.

5) **Conclusion (2–3 paragraphs)** is **not a mere summary** of research results; rather, it is a synthesis of main points. It highlights key findings by noting their important theoretical and practical implications. A synthesis of arguments presented in the text should be provided to demonstrate how they converge to address the research aim stated in the Introduction. Directions for future research should also be outlined.

7. References

(Font size – 14 points, justified alignment)

References should be formatted according to the Vancouver bibliographic style (refer to <http://guides.lib.monash.edu/citing-referencing/vancouver>).

This implies that:

- in-text references are given in square brackets using an Arabic numeral;
- a sequentially numbered reference list providing full details of the corresponding in-text reference is given at the end of the text.

Bibliographic description of a book

Format:

Author AA. Title of book. # edition [if not first]. Place of Publication: Publisher; Year of publication. Pagination.

Examples:

Khotuntsev Y. L. Tehnologicheskoe i jekologicheskoe obrazovanie i tehnologicheskaja kul'tura shkol'nikov = Technology and environmental education, and technological culture of students]. Moscow: Publishing House Eslan; 2007. 181 p. (In Russ.)

Bloom W. Personal identity, national identity and international relations. Cambridge University Press; 2011. 290 p.

Bibliographic description of a book retrieved from the Internet

Format:

Author AA. Title of web page [Internet]. Place of Publication: Sponsor of Website/Publisher; Year published [cited YYYY Mon DD]. Number of pages. Available from: URL DOI: (if available)

Образование и наука. Том 20, № 10. 2018/The Education and Science Journal. Vol. 20, № 10. 2018

Example:

Gokhberg L. M., Zabaturina I. Yu., Kovaleva N. V., et al. Indikatory obrazovaniya: 2016 Statisticheskiy sbornik = Indicators of education: 2016 statistical collection [Internet]. Moscow: Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki»; 2016 [cited 2017 Aug 1]. 320 p. Available from: [https://www.hse.ru/data/2016/03/21/1128209800/Indikatory obrazovaniya 2016.pdf](https://www.hse.ru/data/2016/03/21/1128209800/Indikatory_obrazovaniya_2016.pdf) (In Russ.)

Bibliographic description of a conference paper

Format:

Author AA. Title of paper. In: Editor AA, editor. Title of book. Proceedings of the Title of the Conference; Date of conference; Place of Conference. Place of publication: Publisher's name; Year of Publication. p. page numbers.

Examples:

Dorozhkin E. M., Kopnov V. A. & Romantsev G. M. Multistage system of vocational pedagogical education. In: *Proceedings of 2015 International Conference on Interactive Collaborative Learning, ICL 2015*; 2015 Sep 20–24; Firenze, Italy. p. 725–728.

Chapaev N. K. From cultural-pedagogical identity to educational import phase-out: issues of legitimizing the problem. In: *Kak nashe slovo otzovetsya: gumanitarnoye obrazovaniye v razvitii rossiyskogo sotsiuma i cheloveka: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Chast' I–IV.* = *How Our Word Will Respond: Humanitarian Education in the Development of the Russian Society and People: Collection of Materials of the International Scientific-Practical Conference*, 2017 Mar 14–15, Moscow. Part I–IV. Moscow: MIIT; 2017. p. 555–570. (In Russ.)

Bibliographic description of a conference paper retrieved from the Internet

Format:

Author AA. Title of paper. In: Title of Conference [Internet]; Date of Conference; Place of Conference. Place of publication: Publisher's name; Date of Publication [cited YYYY abb. Month DD]; p. page numbers. Available from: URL or Database Name.

Example:

Potocnik J. European Technology Platforms: Making the Move to Implementation. In: *Conference on Social Sciences and Humanities – European Parliament. Seminar with Industrial Leaders of European Technology Platforms* [Internet]; 2005 Dec 16; Brussels. Brussels [cited 2016 Dec 10]. Available from: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/european-technology-platforms-makingmove-implementation>

Bibliographic description of a journal article (periodicals)

Format: Author AA, Author BB, Author CC, Author DD. Title of article. Abbreviated title of journal. Date of publication YYYY Mon DD; volume number(issue number); page numbers.

Examples:

Efimova S. A. Academic and professional qualifications of graduates of the system of secondary vocational education. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2016; 5 (134): 68–82. (In Russ.)

Horsburgh M., Ladmin R. & Williamson E. Multiprofessional learning: the attitudes of medical, nursing and pharmacy students to shared learning. *Blackwell Science Ltd MEDICAL EDUCATION*. 2001; 35 (9): 876–883.

Bibliographic description of a journal article (periodicals) retrieved from the Internet

Format:

Author AA, Author BB. Title of article. Abbreviated title of Journal [Internet]. Date of publication YYYY MM [cited YYYY Mon DD]; volume number (issue number): page numbers. Available from: URL

Examples:

Tishkov V. A. About the concept of the state national policy. *Bjulleten' Seti jetnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdenija konfliktov* = *Bulletin of Network of Ethnological Monitoring and Early Warning of the Conflicts* [Internet]. 1996 [cited 2015 Nov 2]; № 9. Available from: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_konzepzi.html (In Russ.)

Herrington TyAnna K. Crossing global boundaries: Beyond intercultural communication. *Journal of Business and Technical Communication* [Internet]. Published in Association with Iowa State University. 2010 [cited 2017 Apr 26]; 24 (4): 516–539. Available from: <https://doi.org/10.1177/1050651910371303>